



Илья Миксон



✿ Издательство «Детская литература» ✿



ОБЫКНОВЕННЫЙ
МАМОНТ

Илья Миксон

СЕМЬ ФУТОВ
ПОД КИЛЕМ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

Рисунки Р. Яхнина

М59 **Миксон И.**
Обыкновенный мамонт. Семь футов под килем:
Повести/Рис. Р. Яхнина.— Переизд.— М.: Дет. лит.,
1983.—240 с., ил.

85 к.

«Обыкновенный мамонт» — повесть о жизни мальчиков — сына военнопослужащего; в повести «Семь футов под килем» рассказывается о нелёгком, но романтическом труде моряков.

М 4803010102—563
М101(03)83 198—83

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ОБ ИЛЬЕ МИКСОНЕ

Мы познакомились с Ильёй Львовичем Миксоном давно, на Дальнем Востоке, где он служил военным инженером. Тогда уже И. Миксон был автором широко известного романа «Офицеры» — книги мужественной и суровой, правдивой и нежной. К слову, роман этот открыл читателю Л. С. Соболев, высоко ценивший талант автора.

С тех пор Илья Миксон стал известным писателем, автором книг «Сорок тысяч гильз», «И на всю жизнь...», «Не за дальними морями», «Владимир Барановский», многих произведений для детей и юношества: «Отзовись!», «Трудный месяц май», «Обыкновенный мамонт», «Семь футов под килем».

Через творчество И. Миксона как бы проходят две темы — тема воинского долга, связанная с годами Великой Отечественной войны и мирными буднями Советской Армии, и тема морских путешествий и странствий. Сам автор много поплавал на судах нашего торгового флота, побывал в десятках стран, на разных континентах Земли.

В эту книгу вошли две повести — «Обыкновенный мамонт» и «Семь футов под килем».

Герой повести «Обыкновенный мамонт», сын офицера Серёжка Мамонтов, родился на Дальнем Востоке. Сложна воинская служба отца, и Серёжка вместе с родителями без конца путешествует по всей стране. Ленинград и Севастополь, Заполярье и жаркий юг — вот лишь некоторые этапы этих путешествий. И

всюду с Серёжкой происходят приключения — обыкновенные и не совсем обыкновенные, таинственные и удивительные. Но главное, конечно, не в этом. Жизнь закаляет Серёжку, учит его принципиальности и смелости, выдержке и спокойствию. За делами и поступками юного героя повести автор показывает не менее важное — героическое прошлое нашего народа, рассказывает о сегодняшней жизни защитников Родины, о солдатах и офицерах наших Вооружённых Сил.

Повесть «Семь футов под килем» рассказывает о сложной и романтической жизни наших моряков, о тяжёлом и опасном труде матросов. Сын погибшего моряка, Лёшка Смирнов, проходит все сложнейшие этапы непростой моряцкой службы, прежде чем стать настоящим матросом. На этом пути его встречают и радости, и огорчения, и победы, и поражения, и даже настоящих, пусть пока единственный подвиг, из которого он выходит более сильным и бесстрашным человеком.

Многие страницы повести посвящены дальним заморским странам и родным советским морским портам. Вместе с её юным героем мы оказываемся то в далёком австралийском порту Брисбен, то в Гамбурге, то в дальневосточной Находке...

Книги Ильи Миксона не просто учат юных читателей мужеству, выносливости и смелости. Они показывают жизнь такой, как она есть, со всеми сложностями и противоречиями, радостями и огорчениями. Сам Илья Миксон по своему характеру настоящий воин, и его писательское слово мужественно, сурово, честно.

Сергей Баруздин

ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ

П о в е с т ь





Глава нулевая, или От автора

Отец Серёжки Мамонтова — офицер, а офицеров часто переводят с места на место, из края в край. Всюду, где пришлось жить Серёжке, с ним происходило множество приключений. Обыкновенных и необыкновенных. Но сам-то Серёжка мальчик вполне обыкновенный. Прозвище его — «Мамонт». Вот книжку и пришлось так назвать:

ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ.

Автор

Глава первая

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На Дальнем Востоке самое мокрое время года не осень, не весна, а конец лета.

Через Японское море прорываются влажные ветры субтропиков. На Приморский край наваливаются тяжёлые, густые туманы. Идут дожди:

тёплые и ленивые — к грибам, затяжные и с грозами — к наводнению. Молнии раскалывают небо, артиллерийской канонадой грохочет гром. День и ночь, не переставая, хлещет ливень.

Море бунтует. Могучий ветер муссон гонит волны к берегам, и уже не реки вливаются в море, а море — в реки. Они вздуваются, выходят из русла, растекаются по долинам, атакуют сопки. Оттуда несутся встречные потоки. Несколько суток длится светопреставление.

Постепенно ливень иссякает. Гаснут молнии. Гром, сыто урча, затихает. В тучах высвечиваются голубые прогалы. А внизу мутно-коричневое озеро ещё удерживает завоёванные позиции. Разгулявшаяся стихия не отдаёт людям ни широких дорог, ни тесных тропинок, разобщает деревни и города, как острова в океане.

Старые дома в низинах погружаются в воду по крыши, и печные трубы торчат сиротливо, как суслики на пригорках. Длинноногие мосты выглядят плотами. Всплывшие сараи караваном барж тянутся к морю. Кружат в водоворотах косяки дров. Несутся по воде ветки, сучья, плавучий хлам.

На десятки километров в глубь материка поднимаются вверх по разбухшим рекам, точно кета на нерест, морские спасательные катера. На улицах-каналах вздымают волны машины-амфибии. За ними тянутся пенистые трассы. Снуют лодки, вёсельные, моторные.

Каждый двор — гавань, крыльцо — причал.

Когда уровень воды начнёт спадать, катера заспешат к далёкому морю.

Вскоре встанут на колёса амфибии, сядут на мель сбежавшие сараи, поднимутся на ноги мосты.

Вода задержится лишь в кюветах. Тогда начнётся рыбалка. Мальчишки и взрослые будут шарить в мутном потоке сачками, плетёнками, просто голыми руками. Даже в дворовых лужах таится удача. Можно изловить усатого вьюна. Удивительно живучи эти вьюны: подсохло везде, а они всё ещё плавают в тазиках с водой, как в аквариуме.

Ближе к побережью, в лайдах и падах¹, вода упрямится дольше, чем в городах. Сопки похожи на пьющих медведей: одни спины виднеются. Макушки кедров стоят над водной гладью, будто ёлки-недоростки на поляне.

В одну прекрасную ночь кедры вновь вымахнут великанами, вырастут, как в сказке, сопки. Вода отступит, скатится с лесистых отрогов, уползёт в долину. Часть влаги впитает земля, часть останется на поле брани — в ямах и рывинах. Озеро съёжится, втиснется в старое русло и зажурчит,

¹ Лайды — широкие низменности у устьев рек; падь — долина в горах.

замурдычет невинной речкой, словно никакого наводнения не было. И глубины-то в речке окажется всего по щиколотку, оленю по копыто.

О грозящем стихийном бедствии метеорологи сообщают загодя. В городах и селениях спешно готовятся к наводнению. Принимаются все меры для спасения людей, боевой техники, имущества. Только стихийное бедствие всё-таки бедствие. Редко обходится без чрезвычайных происшествий, ЧП, как говорят в армии.

ЧП

В августе, когда в молодой семье лейтенанта-инженера Мамонтова со дня на день ждали первенца, произошло наводнение. Казармы и офицерские дома очутились на острове. Кругом — море разливанное. До близлежащей больницы — ни много ни мало — сто двадцать шесть километров. Не скоро и на амфибии доедешь...

Пришлось вызвать на помощь авиацию. По радио заверили, что пришлют вертолёт. Когда он прилетит, в отрезанном от мира таёжном гарнизоне никто не знал. Все извелись от тревоги и ожидания.

— Что они там, утонули, что ли? — хмуро и нетерпеливо ворчал командир полка. Широкоплечий, баскетбольного роста, в огромных болотных сапогах с закатанными голенищами, он мрачно расхаживал по непросохшему полу кабинета.

Командиру не отвечали. Замполит, заместитель командира по политической части, и лейтенант-инженер Мамонтов не могли сказать, когда доберутся до аэродрома врачи и вертолёт возьмёт курс на дальний гарнизон.

Без врачей лететь рискованно: мало ли что может случиться.

Командир, замполит и Мамонтов с надеждой поглядывали на телефонный аппарат в жёлтом кожаном футляре. Провода от него тянулись к машине с закрытым кузовом, похожей на хлебный фургон, но с окошками. В машине была радиостанция дальней связи.

— Не волнуйтесь, — подбодрил вполголоса замполит.

Мамонтов кивнул, и, конечно, волноваться не перестал.

— Никакого порядка в авиации, — буркнул командир. Он считал: настоящий порядок лишь в артиллерии.

Лётчики, танкисты, моряки уверены, что порядок только у них в войсках и на кораблях. Каждый свою семью хвалит! А порядок везде одинаковый — армейский.

Командир, наверное, ещё в каких-нибудь грехах обвинил бы авиацию, но тут зазвонил аппарат радиотелефона.

— Слушаю! — крикнул в трубку командир и вытянулся.

Замполит и лейтенант тоже опустили руки по швам, словно генерал вошёл в кабинет, а не говорил по радио. Генерал, он и за сто двадцать шесть километров генерал...

— Ясно. Есть. Встретим. Понял вас. Так точно, в остальном — полный порядок. Подсыхаем понемногу. Есть. Есть, товарищ генерал. Здравия желаю!

Командир положил трубку и весело объявил:

— В пятнадцать ноль-ноль вертолёт будет здесь!

— Большое спасибо, — не по-военному поблагодарил лейтенант-инженер Мамонтов и слабо улыбнулся.

— Ладно, — сказал командир, — потом спасибо скажешь. И не мне, а генералу. Он всё организовал.

Командир вскинул руку и взглянул на часы.

— Давай, Мамонтов, плыви домой, собирайтесь. Вертолёт к самому крылечку подгоним.

Мамонтов хотел было что-то сказать, да замполит поторопил его:

— Идите, идите готовьте жену в дорогу.

— Отпуск — до первой машины в гарнизон, — добавил командир. — Надо будет продлить — радируй.

— И за неделю не просохнет, — уверенно предсказал замполит.

— Ладно, там разберёмся. Плыви!

Спустя минут сорок над дальней сопкой показался вертолёт. С острова тотчас взвилась красная сигнальная ракета, за ней две зелёные. Они чертили в небе огромные запятые и кинулись вниз головой в воду.

Вскоре долгожданный вертолёт плавно опустился на мокрый полковой плац. Длинные лопасти винта покрутились, поднимая рябь в лужах, и замерли.

Вертолёт оказался маленьким, четырёхместным, и забрал только жену Мамонтова, Елену Ивановну.

Все махали руками, кричали: «Счастливо!» И командир полка махал, пока вертолёт не скрылся из глаз.

Плац опустел. Все разошлись по своим делам. Замполит и Мамонтов отправились к радистам. Лётчики дали слово поддерживать связь, пока будет можно.

Первый разговор по эфиру был коротким:

— Всё нормально. Идём над леспромхозом.

«Что у них там?»

— Плавают.

Второй разговор ещё короче:

— Всё нормально. Идём над Тигровой.

Замполит не спрашивал, что внизу. Тигровая падь даже весною разливается в Тигровое море.

Спустя полчаса голос в наушниках стал прерываться, слабеть, пока не исчез совсем.

— Конеч, — вздохнул радист. — Маломощная рация у них.

Он стащил с головы наушники и сдвинул рычажок. Зелёный глазок погас, стихло размеренное гудение. Чудодейственная коробка радиостанции ближней связи ослепла, оглохла, онемела.

— Что же будет? — с отчаянием спросил Мамонтов.

— Всё обойдётся, не волнуйтесь. — Замполит обнял за плечи лейтенанта. — С двумя врачами и в вертолёте не страшно! Идёмте к командиру.

— Ну как? — нетерпеливо спросил командир.

— Связь прервалась...

Лицо замполита выглядело таким же виноватым, как у радиста.

— Никакого порядка в авиации! — сердито отметил командир. Он крутнул ручку телефона в жёлтом футляре и приказал вызвать город.

Полковые радисты приказание исполнили, но разговор не состоялся: генерал был занят.

«Чрезвычайное происшествие, — сообщили из штаба. — Генерал сказали, как освободятся, так сами радируют».

Штабной радист говорил об одном человеке во множественном числе. Из уважения: человек тот был генералом, командующим.

Мамонтов сникшим голосом спросил разрешения уйти.

— Сиди, — буркнул командир. — Не мешаешь. Да и в голову больше ничего сейчас не лезет. И генерал не иначе как этим самым ЧП занят.

Замполит принёс термос:

— Подбодримся?

— В самый раз, — поддержал командир и достал из тумбочки стаканы.

Мамонтов поблагодарил и отказался от угощения.

— Пей, — сказал командир. — Главное — не падать духом. Артиллерист, не кто-нибудь!

Они стали пить горячий кофе, не выпуская из виду телефонный аппарат. Будто звонок можно проглядеть.

Термос опустел, в стаканах не осталось ни капли, а телефон всё молчал. Командир опять затонал болотными сапогами по кабинету. Тишина

становилась трудной и гнетущей. Вдруг телефон ожил. Командир схватил трубку.

— Слушаю! Что? Какая «Земля-10»?

— Аэродром вертолётчиков, — вспомнил замполит.

По радио не полагается разъяснять позывные. А «Земля-10» — позывной.

— Слушаю вас, «Земля-10»! Что-что? Повторить!

Командир плотнее прижал трубку:

— Вас понял! Благодарю. Все мы благодарны!

Командир шагнул к растерявшемуся лейтенанту, ухватил его за руку и затряс:

— Поздравляю! Сын у тебя родился! Всё в полном порядке!

Опять затрезвонило. Командир весело крикнул:

— Слушаю! — И вслед повторил более спокойно и почтительно: — Слушаю вас, товарищ командующий. Ясно. Есть. Вот, рядом. Есть, даю. Мамонтов принял трубку и взволнованно доложил:

— Лейтенант-инженер Мамонтов слушает.

Командующий говорил ему что-то очень хорошее и приятное.

— Спасибо, спасибо, — повторял счастливый молодой отец. — Большое спасибо, товарищ генерал! До свидания, товарищ генерал! Будьте здоровы!

Командир переглянулся с замполитом, но замечания лейтенанту не сделал. Будь здоров так будь здоров. Генерал ведь не только командир, он ещё и обыкновенный человек.

Вслед за штабом в эфире вновь объявилась «Земля-10».

Переговорив с аэродромом, командир грузно опустился на стул, снял фуражку, провёл растопыренными пальцами по волосам и облегчённо, словно после победного сражения, выдохнул в два приёма:

— Всё... Приземлился Серёжка...

Мамонтов изумлённо уставился на командира. И замполит ничего не понял.

— Какой Серёжка?

— Мамонтов. Первого пилота Сергеем зовут. В его честь и... Сама Елена Ивановна пожелала.

Командир, улыбаясь, покрутил головой и уважительно произнёс:

— Традиция у них в авиации такая.

Замполит незаметно подтолкнул локтем Мамонтова, покосился на командира и лукаво сказал:

— В авиации порядок.

Глава вторая

ГАРНИЗОННАЯ ЖИЗНЬ

Военный гарнизон — это маленький город, где живут почти одни военные. И дети военных.

Обычно военные гарнизоны стоят вдали от крупных городов. В глухой тайге, высоко в горах, в жаркой степи, за Полярным кругом, у южного моря, на скалистом острове. Хитрый народ военные! Умеют выбирать себе прекрасные места...

В больших городах тоже бывают военные гарнизоны. Но настоящая армейская жизнь — только в настоящем, дальнем гарнизоне.

Серёжка считал, что в центральные города военные ездят лишь учиться и для праздничных парадов. Разве настоящие военные могут всё время жить в большом городе? Всё равно что моряк с китобойной флотилии — и вдруг продавцом в рыбном магазине!

Так рассуждал Серёжка, когда уже в школу ходил. Маленьким он вообще не знал невоенных мужчин. В гарнизоне все мужчины — военные. Даже доктор. У него на погонах звёздочки и чаша со змеей. У полкового доктора было по четыре звёздочки на каждом погоне — капитан медицинской службы.

Однажды к больному Серёжке капитан-доктор явился в белом халате. Серёжка испугался и расплакался.

— Ты чего? — удивился доктор. — Своих не узнаёшь?

— Не-ет! — в голос заревел Серёжка.

Пришлось снять белый халат, опять стать капитаном, своим. Как можно лечить человека, если он боится?

Разумеется, лучше всего просто не бояться и не болеть. Серёжка рос молодцом, редко хворал. Когда болеть? Каждый день забот по маковку. С самого подъёма.

«Подъём» — команда, с которой в гарнизоне начинается день. Только всплывает над сопкой солнце, как в розовое небо жаворонком взвизывает весёлый сигнал горна. И тотчас в казармах на все голоса кричат дежурные:

— Подъём! Подъём!

Солдаты рывком соскакивают с постелей, одеваются, а глаза закрыты, сны досматривают. Ещё эхо не затихло — «ёом-ём», ещё дежурный для остратки «подъём-подъём» приговаривает, а сержанты и старшины уже требуют:

— Выходи строиться на физзарядку!

Без спортивной закалки солдату нельзя. Немоощный хлюпик не ~~выстоит~~ в бою, он и учебную полосу препятствий не одолеет.

В каждом гарнизоне есть такая полоса. Специальная дорожка. Не очень узкая, не такая уж длинная. Только пройти её не легко. На пути солдата глубокие рвы, заборы, колючая проволока, двухэтажный дом. Дом лишь издали дом. На самом деле это одна деревянная стена с дырами для окон. В окна гранаты надо метнуть, а в нижнее ещё и пролезть. Не просто это. Солдат в полной форме: автомат, противогаз, шинельная скатка, запасные магазины с патронами, сумка гранатная, вещмешок, сапоги пудовые на ногах, на голове каска стальная...

Попробуй с таким грузом бежать, прыгать, стрелять, бросать в цель гранату, перелезть через двухметровый забор, ползти под низко натянутой колючей проволокой.

Не зря эту полосу называют штурмовой.

ШТУРМОВАЯ ПОЛОСА

Сначала играли в войну. «Белые» против «красных». Когда «красные» победили, Сенька Бородин, задетый поражением, фыркнул:

— Подумаешь, война! Забава! — И предложил: — Давайте всерьёз состязаться, на штурмовой полосе!

«Красные» приняли вызов.

— Малышня не в счёт! — оговорил условие Сенька. И демобилизовал из своей армии Серёжку.

Губы Серёжки сами по себе надулись и задрожали, ресницы намокли слезами. Подбородок уткнулся в клетчатую рубашку; лямки коротких штанов — крест-накрест, как у офицерского полевого ремня, — обвисли на груди. Даже белая панама, казалось, привяла, будто цветок колокольчик.

Шаркая сандалиями, сгорбившись от обиды, Серёжка пошёл было прочь, но его остановил Гера, командир «красных»:

— Иди к нам, Серёжа. «Красные» товарищей не бросают.

Серёжка сперва даже не поверил, потом проникся к Гере такой признательностью, что всю дорогу думал: что бы такое сделать приятное Гере за доброту? И придумал.

— На, — сказал Серёжка и протянул свой любимый пистолет.

Этот пистолет был чудом техники. Заложил рулончик с пистонами — и стреляй хоть двадцать раз подряд. Настоящий автомат! Из-за пистолета

Сенька Бородин и раньше брал к себе маленького Серёжку. Примет в отряд и сразу же отберёт пистолет:

— На время сражения маузер будет у меня. Маузеры положены только командующим.

Серёжка не зарился на пост командующего. Для него и простым солдатом воевать — счастье. Ему и деревянная самоделка сойдёт. Пусть с маузером Сенька бегаёт. Не жалко. Серёжка вообще человек щедрой души.

— Насовсем, — сказал Серёжка, протягивая пистолет Гере.

От такого подарка мог отказаться только Гера! И оценить достойно самопожертвование мог только Гера.

— Спасибо, Серёжа. Я к своему привык.

Серёжка поотстал немного, затем опять догнал Геру:

— А хочешь мой велосипед?

Гера обиделся:

— Ты что! Ничего мне не надо.

Пришли к штурмовой полосе. Условились, что забор и дом можно обходить. Слишком уж высокие. Сенька заартачился: оставить дом, и никаких.

— За дом — двадцать очков! — затребовал Сенька.

— Ладно, — уступил Гера, — кто осилит, пускай штурмует. Начинают командиры.

— Давай, — одобрил Сенька и уступил первенство Гере.

Гера ростом не очень высокий, но такой спортивный, позавидовать не стыдно. Полаёт по-пластунски, точно плывёт по земле. Прыгает, будто крылья за спиной.

Ребята бежали рядом, забыли, кто «белый», кто «красный», — все за Геру болели, как на футболе. Кричали, подбадривали. Один Сенька Бородин мешать старался. Прицелился Гера камнем-гранатой в окно, а Сенька нарочно завизжал диким голосом:

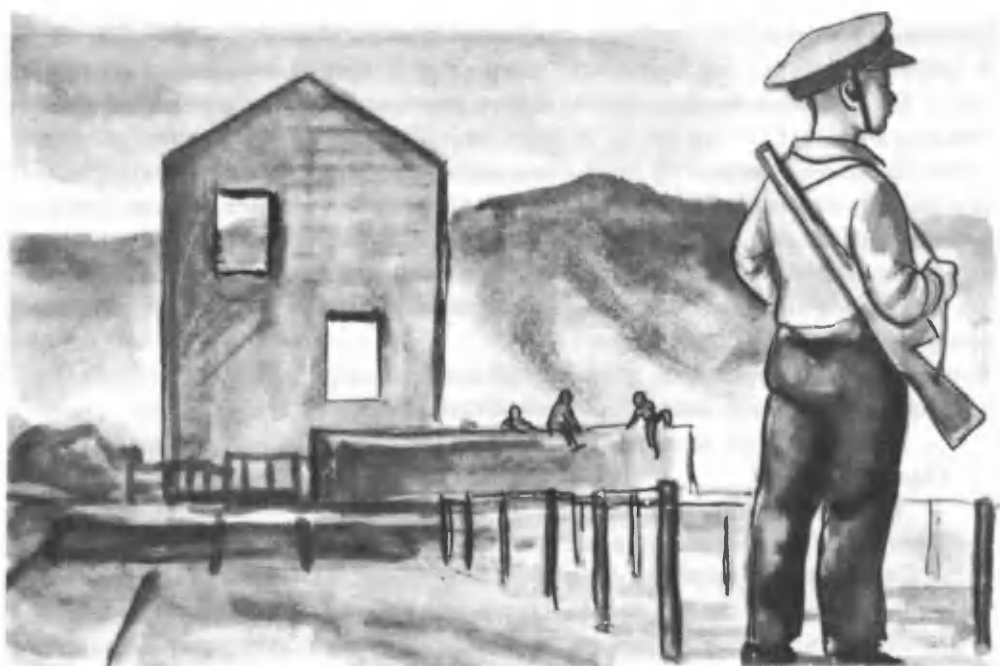
— В белый свет, как в копеечку! У-лю-лю!!!

Напрасно улюлюкал. Гера угодил в цель и сам следом перебрался через окно на другую сторону дома.

— Ура! — восторженно закричали все.

Сенька тоже здорово препятствия брал. Одно за другим. И камни швырял метко. Но «дом»... То ли Сенька перехвастался, то ли уверенность утратил... Повис на вытянутых руках, ногами болтает, вроде на велосипеде Серёжкином едет — коленки в стороны, носками ботинок доски цепляет, — а подтянуться сил не хватает. Спрыгнул, разбежался, опять на стену бросился. Ни в какую!

— Бородин штурмует бастионы, — пошутил кто-то.



Все стали смеяться и выкрикивать:

— Бородин штурмует бастионы! Бородин штурмует бастионы!

В субботу кинофильм в клубе шёл — «Корабли штурмуют бастионы». И Сенька ещё рисовался: «Жил бы я в то время, меня бы адмирал Ушаков взял к себе как пить дать! Я бы первым в крепость ворвался!» Поэтому теперь и кричали:

— Бородин штурмует бастионы!

Сенька от злости вконец из сил выбился, побагровел, хотел было стукнуть кого-нибудь, но сдержался и произнёс таким нахальным голосом:

— Давайте исключим дом из соревнования. Мелюзге не одолеть. Я специально проверял: не смогут массы. Если на личное первенство, я с тобой, Герка, могу, конечно.

— Ладно, — сказал Гера, — исключим.

— Тогда твои двадцать очков тоже не в счёт! — объявил Сенька.

Гера махнул рукой:

— Ладно.

Серёжка очень волновался, боялся подвести своего командира, ребят. И что кричать будут: «Серёжка штурмует бастионы!»



Под колючей проволокой Серёжка на четвереньках прополз. Коленки сбил, руки ссаднил, а прополз. До первой траншеи добежал и остановился. Ни за что в жизни не перепрыгнуть! Маленький. И так Серёжке обидно и стыдно сделалось, что он маленький, — слёзы выступили.

— Ладно, — успокоил его Гера. — Ты и так молодец, десять очков команде принёс. Давай отряхну тебя.

Тут Гера и другие заметили, что рубашка у Серёжки разорвана.

— Нитками заметно будет, — авторитетно заявил Сенька. — Клеить надо. У меня БФ-6 есть. Любую материю склеивает. Как новая делается. В микроскоп не отличить!

Гера сразу подхватил идею:

— Верно, клей универсальный, починит. Неси свой БФ.

— А что мне за него будет? — спросил Сенька. — БФ-6 — на вес золота. И не достать нигде. Только в Москве, в ГУМе. И то редко.

— Ну и жадина ты! — с презрением сказал Гера.

— Ничего не жадина. Я за маузер Сергею две дырки залатаю!

— Что ж ему, и в другом месте рубашку рвать? — возмутился Гера.

— Зачем? Сейчас эту мигом заклеим. А ещё придётся, уже бесплатно сделаю. Идёт, Серёжа?

Серёжка печально подумал, что дома за рубашку нагорит: впервые надел сегодня. Как в таком ужасном виде маме на глаза показаться? Просто невозможно. Если отдать пистолет Сеньке за ремонт, мама и не хватится. Жалко, конечно, такой замечательный пистолет отдавать за две дырки, да что поделаешь?..

— На, — вздохнул Серёжка и протянул пистолет.

Тут Геру просто взорвало.

— Какой же ты товарищ? — напустился он на Бородина. — Купец несчастный! Меняла!

— Не хотите, как хотите, — фыркнул Сенька. — Не навязываю. Мне за такой клей духовое ружьё любой отдаст и пачку пуль в придачу, не то что детский пистолетишко! — И коварно прибавил: — Запросто марку отдадут. Хоть египетскую, со сфинксом.

Такая марка была одна-единственная на весь гарнизон. У Геры.

— Мне БФ тоже не за спасибо достался, — подчеркнул Сенька.

Серёжка уткнулся подбородком в рубашку; лямки на груди обвисли; панамы увяла.

— Ладно, — хмуро проговорил Гера. — Отдаю сфинкса за тубик клея.

Сенька обрадовался и совсем обнаглел:

— За весь — две марки! Египетскую и Австралию.

И марка Австралии с кенгуру была разьединственной на весь гарнизон. Гера не успел ответить. Серёжка решительно выступил вперёд и протянул Сеньке пистолет:

— На.

Гера опять воспротивился, но не так сильно, и Серёжка мужественно расстался с любимым пистолетом.

— Давай рубашку, — деловито сказал Сенька. — Дома сделаю. Всё равно по инструкции горячий утюг нужен.

Возвратился Сенька, наверное, через час. Гера к тому времени ушёл: сестра за ним прибегала.

— Бери, — торжественно провозгласил Сенька. — В микроскоп не отличить. Как новая!

Дыры и на самом деле не стало. Вместо неё было серо-жёлтое квадратное пятно, толстое и прочное, как облицовочная керамическая плитка.

— Всё по инструкции, — хвалился Сенька. — Гляди: под низом лоскут подложен. Заклеил на совесть. Износу этой заплате не будет. Всё истлеет, а заплатка останется!

Ребята дотрагивались до заплаты и удивлялись: какой замечательный клей! Просто железный!

— Может, ещё поштурмуем? — предложил Сенька.

Никто не согласился. Жалко всё-таки любимые вещи за дырки отдавать...

Глава третья

МАНЁВРЫ

Заслышав сигнал боевой тревоги, Серёжка схватил автомат и помчался на плац. Когда он прибежал туда, уже никого не было. Только издали увидел, как уселся в кабину крытого грузовика повар Василий Степанович. В стальной каске вместо накрахмаленного колпака; между колен зажат карабин с примкнутым кинжальным штыком.

Переваливаясь с боку на бок, укатила за машиной Василия Степановича походная кухня с трубой, опущенной будто орудийный ствол.

Серёжка метнулся туда-сюда. Нигде никого.

Над входом в покинутую казарму матово белели электрические часы. Чёрные стрелки торчали вверх и в стороны, как усы. Было без десяти два. Серёжка не понимал ещё в цифрах, но знал: когда усы, пора домой. Едва повесишь на гвоздик автомат, откроешь кран, подставишь руки под холодную струю, донесётся весёлое «Бери ложку-котелок».

Сегодня этого не услышишь. Все уехали по тревоге.

Серёжка вздохнул, натянул поглубже панаму, чтобы солнце не слепило, и зашагал к артиллерийскому парку. Какой ещё обед, когда в гарнизоне объявлена боевая тревога!

В обычные дни к территории артиллерийского парка и на двадцать шагов не приблизиться. Часовой отгонит. Сейчас ворота распахнуты. Под грибом часового пусто.

Серёжка побродил по площадке, где ещё недавно стояли пушки, задрал к небу чёрные дула. На изрытой ребристыми скатами земле валялись деревянные чурбачки.

Под навесом для тягачей стлался угарный туман, остро пахло бензином и перегретым маслом. В носу зачесалось, в горле запершило, заслезились глаза. Пришлось срочно выбираться за ограду. И тут на Серёжку такая чихотка напала!..

— Руки вверх! — звонко крикнул кто-то. — Ни с места!

От неожиданности Серёжка вздрогнул и перестал чихать.

— Стреляю без предупреждения!

Это, конечно, Лёвка надрывался. В зелёной траве ярко пламенела его красная рубашка.

Затрещала очередь. Для большего устрашения Лёвка закричал:

— Та-та-та-та!

Упав плашмя в траву, Серёжка сдёрнул через голову автомат и открыл ответный огонь.

— Нечестно! — выкрикнул Лёвка и вскочил на ноги. — Я первый пулянул! Ты уже раненный!

— Раненые тоже воют!

Лёвка не стал спорить. Всем известно, что советские солдаты героически сражаются до последнего дыхания.

Шмыгнув носом, Лёвка кивнул в сторону артиллерийского парка и спросил, будто и сам не знал, что там ничего нет:

— Там чего?

— Ничего. Уехали все.

— Тревога, — со вздохом произнёс Лёвка и по-взрослому нахмурил лоб.

Задумался и Серёжка: что дальше делать?

Наверное, они одновременно вспомнили один и тот же рассказ. Когда в гарнизонный книжный киоск привозили новую партию товара, у всех ребят сразу появлялись одинаковые книжки. В последний раз всем достался рассказ о мальчишке, который помогал солдатам воевать против фашистов.

— Без разведки нашим не обойтись, — озабоченно сказал Лёвка.

— Не обойтись, — эхом повторил Серёжка.

— А мы с тобой всюду пролезем, — воодушевлялся всё больше Лёвка.

— Пролезем.

Они с Лёвкой запросто могли пробраться в тыл врага и разведать для своих самые важные тайны.

Конечно, дома ждёт обед. Мама обещала пожарить картошку. Она хрустит, как сухари! И компот на третье. Усы на часах когда были! И мама рассердится...

— Пошли, — решительно скомандовал Лёвка.

— Есть, — отчеканил Серёжка. В конце концов разведка первее, чем обед. Обед каждый день бывает.

— Я все дороги знаю, — заверил Лёвка. — Мы даже вчера грибы тут собирали.

Проторённая светлая дорожка, извиваясь, пересекла редкий кустарник и углубилась в тайгу.

В ТАЙГЕ

В тайге было весело. На открытых, насыщенных солнцем полянах цвели голубые, лиловые, чернильные ирисы, жёлтые с тигровыми полосками лилии. С гулом носились, как самолёты на бреющем полёте, шмели. Живыми цветами порхали бабочки: пятнистые аполлоны, кирпично-красные крапивницы, огромные тёмно-синие махаоны.

Один махаон был величиной с воробышка. Лёвка с Серёжкой долго гонялись за ним, да так и не сумели поймать.

— Жаль, сачка нету, — проговорил Лёвка и сел на траву.

Они помолчали немного, отдыхая.

— Пошли, — первым спохватился Лёвка. — Заигрались, как маленькие. Разведчики, называется...

В лесу что-то треснуло.

— Ложись, — свистящим шёпотом приказал Лёвка.

Ползти в густом папоротнике легче и приятнее, чем на каменистой штурмовой полосе. И за рубашку опасаться нечего.

Перед Серёжкиными глазами долго мельтешили зелёная трава и красная спина. Наконец Серёжка чуть не ткнулся лбом в истоптанные Лёвкины ботинки. Он поднял голову, сдвинул назад панамку и вскрикнул.

Впереди, туго обвивая ствол ели, висела громадная змея. Голова её скрывалась где-то внизу, совсем рядом, а хвост терялся в зелёной кроне.

Лёвка в первый момент тоже вжался в землю, потом осторожно оглянулся и шёпотом спросил:

— Ты чего?

Не разжимая ресниц, Серёжка показал куда-то вперёд.

— Чего?

— Змея... — Серёжка приоткрыл один глаз и указал на ель с чудовищем.

— Ха-ха, — неестественно хихикнул Лёвка. Он, видно, тоже сперва перетрусил. — Какая это змея? Это лиана, растение такое вьющееся! Пошли дальше!

Серёжка, осмелев, погладил шершавый жгут лианы.

— Ловкая, — сказал он с уважением. — Вот бы так на деревья лазить научиться!

Сквозь густую хвою и листья с трудом протискивались солнечные лучи. Было тихо и сумрачно. Мальчишки шли рядышком, плечом к плечу, держа наготове автоматы.

Под ногами шуршала сухая листва, потрескивали сучья. На стволах деревьев курчавился косматый мох. Голые нижние ветви нацеливались растопыренными корявыми пальцами, норовили сорвать панаму, исцарапать лицо.

— Сейчас выйдем на большак,— подбодрил себя и Серёжку Лёвка.

Они шли и шли по тёмному лесу, а шоссе всё не было.

Серёжка начал отставать. Лёвка взял его за руку.

— Сейчас выйдем на большак,— не очень уверенно повторил он.

Лес посветлел, пошёл под уклон. Идти стало легче. Вскоре мальчишки выбрались на косогор, густо покрытый стелющимся багульником, блестящим и скользким.

— Ха! — обрадовался Лёвка.

Он опустился на корточки и с весёлым визгом съехал вниз, как по ледяной горке.

— Кати! — крикнул он оттуда.

Серёжка присел, оттолкнулся руками и — полетел. Он сразу потерял равновесие и опрокинулся на спину. Спуск быстро кончился, и Серёжка очутился рядом с Лёвкой.

— Слушай,— сказал Лёвка и оттопырил руками уши.

Совсем рядом о чём-то оживлённо спорили ребята.

— Наши,— определил Лёвка.— Пошли, большак рядом.

Странно. Чем ближе они подходили к большаку, тем неразборчивее становились голоса.

Лёвка обманулся. Никаких ребят. По мелкому каменистому руслу журчал ручей.

— Напьемся и двинем по воде, чтобы следы запутать,— принял решение Лёвка.

Только вода оказалась такой студёной, что и подумать было холодно ступить в ручей босыми ногами. Мальчишки вдоволь напились. Хотя животы раздуло, есть захотелось ещё сильнее.

— Надо бы сухой паёк захватить,— с опозданием вспомнил Лёвка и шмыгнул носом.— Есть охота.

— Ага,— признался Серёжка. Он сидел красный, упаренный.

И небо упарилось за долгий жаркий день, порозовело. Над дальней сопкой повисли мрачные тучи.

Солнце легло на сопку, выставило вверх светлые руки и изо всех сил удерживало тучи над собою.

Грустные мысли овладели Серёжкой: обед давным-давно остыл, мама беспокоится, ищет его по всему гарнизону, спрашивает всех подряд:



Серёженьку не видели? Серёженьку не видели?» И никто не знает, что Серёжа с Лёвкой в разведке и никак не выберутся на большак.

— Ты чего? — нахмурился Лёвка. — Домой захотел?

Серёжка затряс поникшей головой.

— Сейчас пойдём. Только не реви.

— Я не реву, — возразил Серёжка и вытер предательские слёзы. Сам не заметил, когда потекли.

— С тобой только в разведку ходить, — пробурчал Лёвка, но не очень сердито. — Двинем напрямик. Чего нам на гору карабкаться!

Лёвкино предложение Серёжка воспринял с удовольствием. Ноги и на ровном месте плохо повиновались.

Какой ни лёгкий был автомат, только потяжелел он ужасно. Тонкая верёвочка натирала шею. Серёжка зажал верёвочку в руке, и автомат волочился прикладом по траве. Разда Серёжка уронил автомат. Верёвочка как-то сама выскальзывала.

— Ты что! — возмутился Лёвка. — Знаешь, как это называется — оружие бросать?!

Нет бóльшего позора для солдата, чем бросить оружие на поле боя. Серёжка повесил автомат на грудь и мужественно понёс его. Они продвигались вдоль ручья. Вода весело и беззаботно лопотала. Из розовой она стала тёмно-синей. Надвигалась ночь.

— Пошли быстрее, — заторопил Лёвка, всё чаще беспокойно поглядывая на дальнюю сопку. Тёмная туча вдавила в неё солнце по самую макушку.

Силы покидали Серёжку, но он старался не отставать.

На небе зажглись бледные звёзды. Травы, кусты, деревья, сопки — всё вокруг потускнело. Казалось, что тёмная туча, раздавив солнце, расплзлась по земле.

Мальчишки в изнеможении опустили на траву. Уже, наверное, все вернулись в гарнизон. И горнист, и отец. Повар Василий Степанович опять надел белый колпак, расхаживает между столами и предлагает добавку гречневой каши. Трава запахла кашей, но на вкус оказалась горькой. Листок от куста тоже пахнул кашей, только был жёстким. И ягоды пахли кашей...

— А ну, брось! Отравиться захотел? — выбив из Серёжкиной руки черные ягоды, строго прикрикнул Лёвка и спросил потише: — Что будем делать?

Он всё ещё храбрился, но у него тоже сосало под ложечкой от голода и тревоги. Не будь рядом маленького Серёжки, Лёвка сам заревел бы.

А так! он чувствовал на себе ответственность, и это заставляло держаться несмотря ни на что.

— Придётся заночевать, — как можно спокойнее произнёс Лёвка.

Отец, заядлый рыболов, несколько раз брал его на рыбалку. Они разжигали на берегу костёр. Лёвка укутывался с головой отцовским ватником, поверх накрывался плащ-палаткой и сладко спал до самой зари.

— Ищи дрова, — энергично сказал Лёвка, — разведём костёр.

Они собрали в кучу несколько сухих веток.

— А спичек у нас нету... — упавшим голосом вспомнил Лёвка. — У тебя нет спичек?

Серёжка зашарил по карманам. Ржавая гайка, два погнутых гвоздика, свинцовая пломба, найденная под навесом. Спичек он сроду не носил.

— Обойдёмся без костра... Без огня даже лучше. Костёр хищников привлекает.

Услышав о диких зверях, Серёжка всхлипнул. Он с трудом успокоился и забылся тяжёлым сном, а Лёвка, прижав к себе измученного друга, ещё какое-то время лежал с широко открытыми глазами.

Высоко над головой мерцали звёзды. Внизу носились во всех направлениях светлячки. Они вычерчивали в чёрной густой тьме голубые линии, бесшумно вспыхивали фосфорическими пунктирами трассирующих очередей автоматов.

Лёвка и не заметил, как его сморило. Уже под утро светлячки опять объявились. Он не увидел, а услышал их. Грохот автоматной очереди располз тишину. Многократное эхо прокатилось по узкой пади, будто стрельнули не из одного, а из тысячи автоматов.

АТАКА

Командир отделения разведки сержант Куликов с тремя солдатами шли по тяжёлому распадку.

Время от времени сержант Куликов останавливался, настраивал компас и определял направление дальнейшего продвижения маленького отряда. Сержант выбирал приметный ориентир — высокий кедр, обломок скалы, геодезическую вышку на сопке — и показывал на него товарищам. Те беззвучно отвечали: «Ясно». Они понимали: теперь надо держать путь на кедр (или на скалу, на вышку).

Отряд шёл по компасу. Магнитная стрелка всегда нацелена на север, будто привязана к полюсу. Как коза верёвкой к колышку.

Разведчики двигались след в след, молчаливые и сосредоточенные! На манёврах как в бою: всякие неожиданности случаются. На манёврах как на войне: свои законы, строгие и неумолимые. В бою ошибка стоит жизни. На манёврах оплошности и нарушения тоже с рук не сходят. Специальные наблюдатели — посредники — следят за действиями воинов. Сделал что не так, сразу вырастут как из-под земли: «Стой!»

Узнают, кто ты и откуда, запишут и доложат генералу. А тот потом снизит оценку всему полку.

Посредник вроде судьи на футболе. Может штрафной назначить, может и с поля удалить.

Прикажет: «Вы тяжело ранены», — потащат тебя, сильного и здорового, на носилках к врачам.

Скажет: «Вы убиты», — будешь под кустом изнывать от безделья до конца учения. Конечно, таких «убитых» с котлового довольствия не снимают. Но ведь обидно и стыдно лодырничать, когда твои товарищи за тебя боевую работу выполняют.

Сержант Куликов с разведчиками торопились к высоте 101,5. Там они должны были устроить наблюдательный пункт, точно в семь ноль-ноль связаться по радио с командиром дивизиона и сообщить ему координаты разведанных целей «синих». «Синими» назывались условные враги.

Командир, ставя задачу, предупредил:

— Глядите в оба. «Синие», вероятно, забросили диверсионные группы. По данным штаба два дня назад над районом высоты пролетел неизвестный самолёт.

Разведчики настораживались при каждом шорохе, прислушивались, зорко осматривались вокруг. Руки ещё крепче сжимали оружие. В такие моменты забывалось, что в магазинных коробках патроны холостые.

Предраассветный туман густой пеленой покрывал землю. Казалось, разведчики бредут по пояс в дымящейся воде.

Рядовой Хмельнюк шёл замыкающим. Настроение у него было не очень весёлое. Не потому, что не выспался и притомился от долгого ночного похода. За три года службы в армии Хмельнюк стал выносливым и закалённым.

Приблизив к глазам часы, Хмельнюк сдавленно охнул. Не будь тревоги, он бы сидел в это время в автобусе, наглаженный, с белоснежным подворотничком, в надраенных до зеркального глянца хромовых сапогах. И катил бы в город... Старшина обещал увольнительную на всё воскресенье.

Согнувшись, чтобы повыше к плечам подтянуть тяжёлый футляр со стереотрубой, Хмельнюк внезапно углядел в нескольких шагах от себя спя-

щего человека у кучки хвороста. Незнакомец держал автомат и красный флажок.

«Не иначе, посредник умаялся в засаде. Проснётся, засечёт разведку, тарахнет холостой очередью, флажок кверху — «Стой!». И всё прахом. Война кончилась, возвращайтесь с позором, не выполнив боевого приказа».

Надо было сказать о посреднике сержанту Куликову, но тот чуть виднелся в тумане. Хмельнюк решил действовать самостоятельно. Он бесшумно сдвинул предохранитель, направил ствол в небо и нажал на спуск. Прогремела короткая очередь. Эхо разнесло выстрелы по тайге.

Атаковать посредников не предусмотрено никакими инструкциями и уставами. Но в данной ситуации никто не мог упрекнуть солдата в самовольстве. Хмельнюку ничего не стоило оправдаться: «Не разглядел в тумане, товарищ лейтенант. Думал — диверсант синий». И, будьте так ласковы, не придерётесь. Ещё благодарность за бдительность объявят.

Эхо ещё перекатывалось с сопки на сопку, а Хмельнюк уже лежал в росной траве, раскинув ноги, с автоматом на изготовку.

Остальные разведчики и сам сержант Куликов тоже заняли позицию для самообороны.

Человек, которого Хмельнюк принял за посредника, ошалело вскочил на ноги. Опешил не меньше его и Хмельнюк.

Вместо одного посредника оказалось двое детей. Один так и не пробудился, лежал скорчившись. Другой, в красной рубашке, испуганно озирался.

«Вот это влип! — обескураженно сказал сам себе Хмельнюк и скривился, словно от зубной боли. — За такую «бдительность» не благодарность, выговор отхватишь, а то и, будьте так ласковы, увольнительной недельки на три лишат. Жди, дивчина, не жди, не прикатит твой солдат Хмельнюк аж до самой демобилизации».

Он вполголоса выбранился, поднялся на ноги и сказал, больше не таясь:

— Товарищ сержант, тут пацаны какие-то.

СЕРЖАНТ КУЛИКОВ

Хмельнюк, чувствуя вину и перед товарищами, и перед детьми, суетился больше всех. Он отдал из своего пайка сахар, галеты, отцепил от ремня флягу с водой. Будь его несчастные пленники взрослыми, Хмельнюк, не раздумывая, расстался бы и с папиросами вместе с дарёным портсигаром.

Мальчишки с жадностью хрустели галетами, грызли сахар.

Радист Павлов достал из вещевого мешка колбасу.

— Короче шаг,— с улыбкой придерживал изголодавшихся ребят солдат Архипов.

Сержант Куликов напряжённо думал. Надо было торопиться, навёрстывать упущенное время. И ребят не оставишь в тайге...

Отправить их с Хмельнюком в гарнизон? Далеко, километров шесть-семь в один конец. Хмельнюк уже не догонит группу.

Отвести детей в штаб дивизиона? Но ведь это ещё дальше топать.

— Эх, Серёга, Серёга! — раздумчиво пробормотал сержант Куликов, прикрывая синие, в пупырышках, ноги Серёжки плащ-палаткой.

Лёвку заботливо укутал Хмельнюк. Он старался не встречаться взглядом с сержантом и товарищами. Впрочем, никто его и не думал упрекать. Сдуру, конечно, пальбу устроил. Да могло выйти хуже, если бы прошли мимо детей.

До высоты 101,5 оставалось всего ничего, километра три, не больше. Но время приближалось к шести часам. Уже взошло солнце. Тайга вновь заиграла буйным раздольем красок.

— Ты нас не бросишь? — жалобно обратился к сержанту Куликову Серёжка.

Они третий год дружили. Серёжка уже и не помнил, когда они познакомились. Полжизни с тех пор минуло.

— Мы с ними в разведку пойдём,— решил за сержанта Лёвка, радуясь такому счастливому, просто исключительно счастливому случаю. Ребята лопнут от зависти, когда узнают, что он, Лёвка, ходил в настоящую разведку. Такое и Сеньке Бородину не снилось. Такое ни на что не выменять!

— Помалкивай лучше,— хмуро осадил незадачливого разведчика сержант Куликов и спросил радиста: — Когда на связь выходим?

— В семь ноль-ноль,— чётко доложил Павлов.— «Ас» до семи.

«Ас», на языке радистов,— «перерыв». До окончания «аса» вызывать дивизионную радиостанцию бесполезно: никто тебя не ждёт в эфире.

— Н-да,— протянул сержант Куликов и наконец принял окончательное решение: — Мальчишек берём с собой.

Серёжка обрадовался, нацепил на шею автомат, поправил на голове панамку, раскраснелся. Спокойствие вернулось в его сердце. С сержантом Куликовым совсем было не страшно. Забылись все невзгоды, страдания и даже тоска по маме.

Лёвка, несколько обиженный неприветливым тоном Куликова, тихо спросил:

— Вы нас в плен заберёте?

— В плен,— пряча улыбку, ответил сержант Куликов и приказал: — Пленных нести по очереди.

Разведчик Архипов, глядя мимо Хмельнюка, проговорил:

— Хмельнюк и сам донесёт. Его трофеи.

— Разговорчики,— приструнил сержант Куликов и поднял на руки Серёжку.— Вперёд. И — ни звука!

Разведчики шли ускоренным маршем, вновь молчаливые, насторожённые больше прежнего. Автоматная очередь Хмельнюка могла привлечь внимание «синих» и посредников.

К счастью, путь всё время пролегал по закрытой местности. Миновав распадок, густо поросший кустами жимолости, разведчики углубились в широколиственный лес. По мере того как они поднимались всё выше и выше, лиственные деревья охотнее уступали место хвойным: кедру, ели, пихте. Казалось, лесу конца не будет.

Но вот деревья остались позади. Впереди, до самой вершины с отметкой 101,5, громоздились голые скалы, кое-где покрытые лишайником. Между скалами темнели каменистые россыпи. Голец отделялся от леса кольцом низкого кустарника и кедрового стланика. Кустарник помог разведчикам остаться незамеченными.

Сержант Куликов подал знак отступать назад, в спасительную тень леса. Все тяжело дышали.

До семи ноль-ноль оставалось шестнадцать минут. Заветную вершину отделяло не больше пятидесяти метров. Но они могли погубить всю операцию.

Серёжка и Лёвка не понимали, что происходит, только и они прониклись общим тревожным состоянием.

Возвратился сержант Куликов. Он обследовал в бинокль голец до макушки и ничего подозрительного не обнаружил. И всё-таки... Сержант задумчиво остановил свой взгляд на мальчишках. Солдату Архипову показалось, что он уловил намерение командира.

— На червячков?

Куликов недовольно повёл широкими плечами.

— На разведчиков,— поправился Архипов.— Отвлекающий манёвр. Пока они с ребяташками разбираться будут, мы окружим, и!..

— Отставить! — резко оборвал Куликов.

— Мы по-пластунски! — выдвинулся вперёд Лёвка.

— Мы скажем, что заблудились, и будем плакать,— ухватил мысль Архипова Серёжка.— А вы подберётесь, и!..

Что скрывалось за этим многозначительным «и», Серёжка ещё не понял.

— Отставить, — непреклонно повторил Куликов. — Павлов, остаёшься с ребятами. Вступаешь в связь. Архипов, Хмельнюк — со мной!

Разведчики исчезли в кустах. Обиженные мальчишки даже не помахали им вслед.

— Слыхали приказ? — спросил Павлов. — И не рыпаться.

Он снял с плеч радиостанцию, настроился и доложил в штаб дивизиона обстановку. Хотел рассказать о найдёнышах, оглянулся и помрачнел.

— Ас — десять! — выкрикнул Павлов, щёлкнул выключателем и кинулся искать беглецов.

Лёвка с Серёжкой, продравшись через кустарник, вступили на голец.

Из-под ног срывались и с шумом скатывались камни. Красная рубашка Лёвки выбилась из штанов и вздувалась парусом. Серёжка натянул панаму до самых ушей.

Лёвка подтолкнул локтем Серёжку и завопил:

— Э-ге-гей!

— Э-ээ, — попытался крикнуть Серёжка, но ветер заполнил рот. Пришлось сложить ладони рупором: — Э-ге-гей!

Ветер сминал, рассеивал голоса, и эхо не успевало подхватить их.

Мальчишки упрямо взбирались всё выше и выше. Зыбкая россыпь кончилась. Выступающие скалы постепенно становились не такими острыми. Солнце, дожди, ветры тысячи лет разрушали и обтачивали гранитные выступы. Уже не за что было вцепиться пальцами, пришлось карабкаться по гладкому монолиту на четвереньках.

— Э-ге-гей! — продолжал вопить Лёвка, а изо рта вылетало: — Э-ээ-оиии!

Серёжка только сопел. Глаза слезились. Но Серёжка не плакал. Всё его существо было преисполнено гордости и отваги. Серёжка штурмовал высоту 101,5. Он выручал своего друга, сержанта Куликова.

Высота 101,5. Сто один с половиной метра над уровнем моря. Здесь, посреди горных хребтов, высота 101,5 выглядела каменным холмиком.

Подъём незаметно перешёл в ровную площадку. Серёжка, не поднимаясь с колен, отодрал от лица приклеенную ветром панаму и часто заморгал.

Словно закованные по пояс в гранит, стояли четыре богатыря в пятнистых маскировочных халатах. Двое в касках, один, усатый, в офицерской фуражке с опущенным на подбородок ремешком. Офицер держал красный флажок; солдаты выставили автоматы. У всех троих были синие нарукавные повязки.

Глаза их таращились от изумления. Встреча с «синими» произошла столь неожиданно, что Серёжка с Лёвкой просто обмерли.

Автоматчики выбрались из засады и перетащили мальчишек в укрытие. Оно оказалось довольно глубокой и просторной расщелиной. Ветер не забирался в неё, и было тихо и тепло.

— Вы откуда взялись? — удивлённо спросил офицер. Чёрные усы его торчали, как стрелки на часах.

Серёжка сразу вспомнил, что со вчерашнего дня не был дома, и представил себе, как мама, его мама сбилась с ног, разыскивая своего сыночка. «Вы не видели моего Серёжу? Вы не видели?..» И так ему жалко стало маму и себя, что, позабыв о гордой миссии боевого разведчика, он заплакал горестно и безутешно.

Лёвка же, полагая, что Серёжка здорово отвлекает «синих», принялся вопить во всё горло:

— Мы заблудились! Заблудились! Заблудились!

На тонкой Лёвкиной шее вздулись вены, лицо побагровело от натуги.

— Бедолаги, — сокрушенно пробасил ефрейтор.

Ребята сразу и не заметили его. Ефрейтор сидел за радиостанцией.

— Откуда вы? Чьи? — допытывался усатый офицер.

— Э-ге-гей! — вошёл в раж Лёвка.

Радист-ефрейтор переглянулся с офицером.

— Вызывайте штаб.

— Слушаюсь, товарищ майор.

«Товарищ майор». Серёжка притих немного, исподлобья разглядывая офицера. Выходит, усатый майор с повязкой — товарищ, свой? Да и повязка у него не синяя, а белая. Серёжка так и не успел до конца разобраться, в чём дело.

— Бросай оружие! — грозно крикнул сержант Куликов. — Руки вверх!

Автоматчики сконфуженно оглянулись на майора, подняли руки.

Майор рук не поднял, лишь посмотрел на часы.

— Семь ноль-ноль, — одобрительно сказал он. — Молодцы!

И разведчики хором ответили:

— Служим Советскому Союзу!

Лёвка потянулся к автомату «синего» радиста. Тот удержал Лёвку за плечо.

— Руки! — крикнул Архипов и, глядя мимо, пригрозил: — А то связать придётся.

— Можно и кляпом угостить, — ехидно посулил Хмельнюк. — В два счёта, будьте так ласковы.

— Победа за вами,— утихомирил враждующих офицер-посредник и, коротко взмахнув красным флажком, объявил: — «Синие» захвачены в плен.

— Разрешите действовать дальше? — спросил, вытянув руки по швам, сержант Куликов.

— Действуйте. Но сперва один вопрос: кто эти дети?

— Наши, товарищ майор, гарнизонные.

Усы майора зашевелились, глаза сверкнули гневом.

— Да кто вам позволил привлекать на боевое учение детский сад?

— Мы не сад, мы — разведчики! — выкрикнул Лёвка.

— Разведчики,— авторитетно подтвердил Серёжка. Он уже не плакал.

На щеках подсыхали грязные дорожки.

— Молчать! — гаркнул майор. Он так разгневался, что забыл, с кем разговаривает.— Я вас спрашиваю, товарищ сержант! Кто вам позволил?!

— Товарищ майор,— побледнев, ответил Куликов.— Они заблудились. Сами. Мы на них случайно наткнулись и вот... Не бросать же в тайге?

В этот момент подошёл Павлов с радиостанцией. За спиной Павлова гибко покачивалась антенна.

Павлов отдал честь и чётко произнёс:

— Товарищ посредник, разрешите обратиться к сержанту Куликову.

— Обращайтесь,— сказал майор.

— Товарищ сержант,— голос Павлова сделался виноватым,— сбежали они. Самовольно.

Радист метнул на мальчишек взгляд, полный возмущения.

— Потом разберёмся,— коротко сказал Куликов, и это «потом» не предвещало ничего хорошего.

— Помощнички ваши хоть не голодны? — спросил, успокоившись, майор.

— Никак нет! — отчеканил Серёжка, дрожа от холода.

— Взять у пленных куртки,— приказал сержант Куликов.

— А ну сымай! — потребовал Хмельнюк.— Будем мы ещё со всякими «синими» панькаться. И побыстрее, будьте так ласковы.

Майор-посредник подсел к радиостанции:

— Я — шестой. Докладываю. Найдены двое ребят. Заблудились. Отправляю с пленными к развилке, квадрат восемь. Высылайте машину.

Серёжка прижался к сержанту Куликову. Губы надулись и задрожали. Лёвка тоже воспротивился:

— Мы не хотим!

— Надо, друзья,— мягко сказал Куликов. Он уже пересердился.

Мальчишки вздохнули и подчинились. А куда денешься? Некуда.

Сержант Куликов назначил конвоиром Хмельнюка. Тот мгновенно сообразил: радости от этого мало.

— Товарищ майор, — обратился он к посреднику, — может, нам и одного «языка» хватит? Может, двоих «убитыми» засчитаете?

— Не имеет значения, — равнодушно сказал майор. — Всё равно троих конвоировать.

Всё равно, да не для всех. Едва прошли гонец и вступили в лес, Хмельнюк приказал: «Стой!» Он вытер пот со лба и оценивающе оглядел пленников. Хлопцы, как на подбор, — рослые, плечистые.

— Не имеет значения, — пробормотал под нос Хмельнюк и ткнул пальцем в левофлангового.

— Будьте так ласковы, ты того, убитый.

Хмельнюк навьючил его трофейным оружием, хлопнул по плечу и бодро напутствовал:

— Хлопец здоровый, дотащишь!

«Убитый» возмутился:

— Почему именно я? И где логика? Ежели я мёртвый, то...

— Цыц! — грубо оборвал Хмельнюк. — Если ты мёртвый, то по логике и молчать должен.

В наказание Хмельнюк передал «убитому» и свой вещевой мешок.

— А вы, голубчики, — сказал он живым, — берите наших героических пацанов на плечи и, будьте так ласковы, несите до развилки, квадрат восемь.

Распределив таким образом груз и обязанности, Хмельнюк налегке, с одним автоматом на груди, повёл свой караван дальше.

В квадрате восемь машины не оказалось. Не подошла ещё. Это никого не огорчило. Солдаты разлеглись на траве, дружно закурили. Серёжка с Лёвкой тоже не очень торопились домой. Кому охота с военных манёвров уходить!

Спустя минут двадцать появился шофёр, потный и пыльный.

— Мост через реку не готов, машиной не проехать. Переправился на лодке и топал два километра пешком.

— «Два километра!» — Хмельнюк усмехнулся и смерил шофёра брезгливым взглядом. — Избалованный народ — шофёры. Испорченный механизацией! А как же наша пехота от Сталинграда до Берлина шла? И не так себе, а с боями!

Шофёр смутился и начал оправдываться, но Хмельнюк подал команду, и все двинулись по дороге к реке.

Реки ещё не было видно, а лес уже гудел и звенел от стука моторов, шума моторов, ударов кувалд.

— Они что — деревянный мостят? — спросил шофёра Хмельнюк.

— В том-то и суть! Наши понтон наводить стали, а тут гражданское население с прошением. «Поставьте капитальный, солдатики! Третий год район молим. Сулят, а не делают. Мы и лес заготовили, и скобы отковали, гвоздей запасли, а мастеров нету!» Командование и уступило. Отчего людям не помочь!

«Эх, устроить бы и под нашим селом манёвры! — подумал Хмельнюк. — Мост через реку давно подновить не мешает. Едешь, бывало, так доски под колёсами, что твои клавиши на пианино».

Народу у реки — как на фронтовой переправе. Офицеры, солдаты, местные жители — мужчины, женщины, парни, девушки. И не разберёшь, кто кому помогает: сапёры населению или население сапёрам. Работают все дружно, горячо.

Лёвка прикрыл глаза и медленно потянул носом. Серёжка тоже понюхал. Пахло свежими стружками и горьковатым маслом.

Запах масла шёл от танков. Их было четыре, по два на каждом берегу. Танки держали тросы канатной дороги. По тросам бежали подвесные тележки с досками, мотками проволоки, крепёжными деталями.

Тросы провисали под тяжестью, тележки раскачивались, ролики пугливо повизгивали.

— Может, по воздушной трассе прокатимся? — наивным голосом предложил Хмельнюк.

— Лучше на самом танке, — поспешно высказался Лёвка.

Солдаты засмеялись. Серёжка ничего смешного не нашёл в словах Лёвки. Конечно, лучше на танке, чем на этих неустойчивых тележечках. Вообще здорово прокатиться на настоящем танке.

— А что, это идея! — похвалил Хмельнюк и погладил Лёвку по волосам. — Голова! Только подвеску смотать им придётся.

И тут, как по волшебному велению, по Хмельнюка хотению начальник сапёров распорядился демонтировать канатную дорогу. Строительство моста подошло к концу. Осталось нарастить последний пролёт и укрепить перила.

— Им на это час надо, не меньше, — вздохнув, сказал шофёр и затосковал. — За это время кухня как пить дать уйдёт...

— Стой! — закричал Хмельнюк и сорвался с места.

Танк, освободившись от троса, удовлетворённо зафыркал, попятился немного и стал. Танкисты занялись какими-то таинственными приготовлениями.

ниями. Над башней выдвинулась высокая труба, похожая на громадный перископ.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться! Рядовой Хмельнюк! Хмельнюк лихо прищёлкнул каблуками и вскинул руку к пилотке.

Командир, одетый в такой же комбинезон и в ребристый шлем, как и остальные танкисты, молча кивнул.

— Разрешите с вами, товарищ лейтенант! Десантом.— Встретив удивлённый взгляд, Хмельнюк торопливо добавил: — Приказано срочно доставить пленных и пацанов заблудившихся. Лично к командующему!

О командующем Хмельнюк приврал. Для большей убедительности.

— Десантом? — удивился командир танка и, нагнувшись, спросил: — А плавать умеете?

— Зачем нам плавать, товарищ лейтенант? Мы ж десантом, на броне, товарищ лейтенант.

Из переднего люка высунулся по плечи механик-водитель.

— Это тебе не амфибия, солдат! — весело крикнул он Хмельнюку. — Мы — подводники. Понял?

Хмельнюк не всё понял.

— Пацанов хотя бы, товарищ лейтенант! — взмолился Хмельнюк и позвал: — Серёжка! Лёвка! Ко мне, живо!

Мальчишки мигом подбежали к танку.

— Вот они самые и есть, товарищ лейтенант, — представил своих подопечных Хмельнюк. — Между прочим, имеют личные боевые заслуги.

— Ишь ты, — прищурившись, сказал лейтенант, разглядывая сверху мальчишек.

— Ладненько... — Он исчез в танке, поговорил с кем-то по радио и опять вынырнул из люка. — Сейчас перевезём.

Их перевезли. На плавающем автомобиле. Обидно, конечно: перебраться на амфибии — не диво, а вот по дну речку форсировать да ещё в танке — об этом только мечтать можно!..

— Давай, давай, пехота, если есть охота! — заторопил шофёр. — И так опаздываем. Уйдёт кухня, как пить дать уйдёт!

Какой солдат кухню упустит? Нет такого солдата.

— Курс на полковую кухню! — скомандовал Хмельнюк, будто приказывал атаковать высоту 101,5.

Через полчаса машина остановилась в густом кедраче, поблизости от походной кухни. Крышка была поднята, как танковый люк. Солдат в синем халате, перегнувшись над краем люка, чистил котёл.

Шофёр протяжно свистнул и приуныл. Хмельнюк пошёл искать повара. Он спал под деревом.

— Разрешите обратиться! — гаркнул Хмельнюк. От такого крика и мёртвый пробудится.

— Носит вас где попало, расходу не напасёшься, — сонно морщась, проворчал повар.

— Так, Василий же Степанович, — почтительно объяснил Хмельнюк, — мы ж выполняем боевое задание. И опять же, будьте так ласковы, с пацанами задержались.

— С какими ещё пацанами? — мрачно переспросил Василий Степанович и уселся.

— Хлопцы! — зычно позвал Хмельнюк.

Подошли пленные и шофёр.

— А пацаны где? Эй! Живо сюда!

— Спят они, — сказал шофёр.

— Спят они, Василий Степанович. Вы уж покормите нас, будьте так ласковы, а пацанов, как проснуты.

Василий Степанович крикнул помощнику:

— Выдай им расход! Две порции оставить. Пацаны тут ещё... А какие пацаны, откуда?

— Та наши, Василий Степанович, гарнизонные. Лёвка и Серёжка.

— Какой Серёжка? Их у нас полдесятка, не меньше.

— Старшего лейтенанта Мамонтова сынок.

Василий Степанович протёр глаза кулаками, встал, кряхтя, на ноги.

— Пойду погляжу на этих героев. Мамаш, наверное, до инфаркта довели. Заблудились?

— Так точно, Василий Степанович. Та вы не беспокойтесь. В гарнизоне уже знают. Всю ночь переполох там стоял, тайгу от пенька до пенька обшарили, не нашли, а мы на них сами наткнулись.

— Шалопаи, — процедил Василий Степанович и пошёл к машине.

Не успел Хмельнюк и полпорции съесть, как повар возвратился:

— Чего языком мелешь? Какие пацаны? Нету в кабине никого.

Хмельнюк поперхнулся:

— Как — нету?

ШИБЕНИКИ

Ребята хотели идти к кухне, куда звал их Хмельнюк, но тут Серёжка увидел вдруг сразу несколько парашютистов в небе.

— Один, два, три... пять!..

— Шесть, семь! — подхватил Лёвка. — Гляди-гляди, сюда летят!

Казалось, что парашютисты садут прямо на деревья.

Мальчишки, не сговариваясь, припустили по лесной дороге. Она вывела их на опушку.

Впереди расстилалась бескрайняя низина, заросшая изумрудной травой. Вдали трава была голубой и синей, в белой гречишной кипени.

— Море! — восторженно закричал Лёвка и потряс над головой автомат. — Море!

Серёжка замер. Так вот оно какое, море. Настоящее, с кораблями. Множество их, самых разных, полным ходом шли к берегу.

Морская армада хотела захватить плацдарм. А с неба навстречу морскому десанту опускался воздушный. Парашютисты плыли уже совсем низко. По траве, как от облаков, скользили фиолетовые тени.

Лёвка случайно оглянулся и толкнул Серёжку:

— Погоня!

Из леса выезжали легковые машины. Они круто разворачивались, дверцы распахивались. И сразу выросла толпа офицеров и генералов.

— Прячься! — шепнул Серёжка.

Они нырнули в густую траву, отползли подальше от дороги и осторожно высунули головы. Офицеры и генералы даже не смотрели в их сторону.

Зелёное поле побелело от парашютов. Солдаты в комбинезонах гасили пышные букеты куполов, на бегу сматывали их.

Одна за другой взлетели, рассыпая жаркие хвосты, сигнальные ракеты.

Небо загудело с такой силой, что задрожала земля. Несметное множество самолётов парило над лесом. Из самолётов посыпались десантники. Всё пространство над головой покрылось белыми хлопьями. словно налетела среди лета снежная буря.

Закружила, завьюжила, устлала землю пушистым снегом.

За первой волной самолётов появилась вторая, затем третья.

— С прицепами! С прицепами! — завопил Серёжка.

Самолёты вели на буксире толстопузые планёры. Планёры отцепились и, описывая плавные круги, начали снижаться.

Мальчишки, забыв об осторожности, встали на колени. Было чему дивиться. Солдаты выкатывали из планёров пушки, миномёты, пулемёты. Из брюха



других крылатых вагонов сами выезжали танки, бронетранспортёры, самоходные пушки. Целое войско спустилось с небес на землю. И двинулось к морю, чтобы не допустить захват нашего берега.

Вражеская армада была уже близко. Тупорылые десантные баржи под огненным прикрытием крейсеров и эсминцев ползли жуками к берегу.

Всё вокруг стрекотало, ухало, гремело. Как на настоящей войне в кино.

Мальчишки в страхе припали к траве, защищая головы руками.

Громоподобный рёв прокатился над долиной и в ярости забился в дальних сопках. Могучая сила оторвала мальчишек от спасительной земли, зажала в стальные объятия — и понесла. Глаза зажмурились так плотно, что не было сил открыть их.

Что-то тяжело и надрывно хрипело в уши, а тиски сжимали тело, мешая дышать. И вдруг всё кончилось. Неведомая страшная сила внезапно исчезла, и обмякшие, истисканные мальчишки мягко шлёпнулись на землю. Но тотчас загремело опять. Потихше, да не менее грозно:

— Шибеники! Дезертиры! Дурни несчастные!

Хмельнюк, багровый, потный, таращил глаза, потрясал кулаками и орал:

— С ума посходили! В самое пекло полезли!



Странно: рассвирепевший, бранящийся на чём свет стоит Хмельнюк подействовал успокаивающе. Мальчишки поднялись на ноги и украдкой посмотрели на море.

Вражеская армада поспешно удирала в открытое море. К берегу проскочили всего лишь три десантные баржи. Они стояли с откинутой кормой-сходней, как развалившиеся корыта. Над побережьем звенело победное «урр-ра!».

Хмельнюк увидел командирскую группу и ещё больше заволновался.

— Надо тикать. Начальство тут настоящее, не имитация какая-нибудь. Врежут на полную катушку — и будьте так ласковы! А ну, за мной!

Он схватил мальчишек за руки и потащил в лес.

Закрытый грузовик быстро мчался по таёжной дороге. В кабине, зажатые между шофёром и Хмельнюком, сидели Лёвка с Серёжкой. После всего пережитого и сытного обеда клонило ко сну. Головы тыкались подборокками в грудь, словно мальчишки во всём соглашались с Хмельнюком.

— Ох и шибеники! Надо же такое! В самое пекло полезли! А если б то

справдишний взрыв? Мне — выговор? А то и, будьте так ласковы, пять суток гауптвахты? У-у, шибеники!

«Что такое — шибеник?» — хотелось спросить Серёжке, но не было сил ни поднять голову, ни пошевелить языком. В ушах шипело: шиб-ши, шиб-ши, шиб-ши...

Слово «шибеник» в переводе с украинского значит — сорванец. Шибеники — сорванцы. А сорванцы — это сорванцы.

Глава четвёртая

БЕЛЫЕ НОЧИ И «ЧЕРНЫЕ» ДНИ

Жил да рос Серёжка на Дальнем Востоке в таёжном военном гарнизоне и вдруг — приказ:

«Откомандировать старшего лейтенанта-инженера Мамонтова П. Н. на курсы усовершенствования офицерского состава. Со всех видов довольствия снять, из списков части исключить».

Исключить — это не в наказание. Здесь «исключить» означало, что отец, а следовательно, и Серёжка уже не вернутся обратно в гарнизон.

Пришлось срочно собираться в путь далёкий, через всю страну, от Тихого океана до Балтийского моря. Было решено, что, пока отец будет совершенствоваться на курсах, мама с Серёжкой поживут у бабушки в Ленинграде.

Что творится в доме, если кто-нибудь из штатских вздумает отправиться из Москвы в Смоленск! Почти кругосветное путешествие! Неделью снаряжать будут всей роднёй! От Москвы до Смоленска триста девяносто два километра. На Дальнем Востоке это вообще как пригородная прогулка. На Дальнем Востоке и тысяча километров за расстояние не считается. Тем более у военных. У них переезд — обычное дело, даже семьёй, в полном составе. Жизнь у военных походная, вечная перемена мест. Беспокойная жизнь, трудная, интересная.

Серёжка ходил именинником. Все ребята завидовали ему: на Ту-104 полетит! Крейсер «Аврору» увидит! Гулять день и ночь будет: все знают, что в Ленинграде ночи необыкновенные, белые ночи.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Большое дело — появиться на свет в небе. Родился Серёжка в вертолётё и чувствовал себя в Ту-104 превосходно. А мама... Серёжка держал её за руку, когда спускались по трапу на ленинградскую землю.

Бабушка, трижды перецеловав всех, утёрла слёзы и спросила:

— Как же вы долетели?

Наивный вопрос! Очень просто: высота шесть тысяч метров, скорость семьсот пятьдесят километров в час, две посадки — в Хабаровске и Москве.

Мама скромно ответила белыми губами:

— Серёжа долетел хорошо...

И присела на чемодан.

Все пассажиры-дальневосточники уехали автобусом. И с других самолётов уехали автобусом. Но, когда мама «отошла» после перелёта, Серёжку повезли в легковом автомобиле «Волга». Таких машин Серёжка не видел ни разу в своей жизни. В гарнизоне из легковушек только ГАЗ-67, или попросту — «газик». И все машины выкрашены в одинаковый зелёный цвет, для маскировки. «Волга» была тоже одноцветная, белая, но с чёрными шашечками.

— Это такси, — объяснил папа.

Серёжка удовлетворённо кивнул. Он сразу догадался, почему такая «Волга» называется такси. У одного офицера-охотника была собака по имени Такса, тоже белая с чёрными пятнышками.

Серёжка вспомнил свой гарнизон, ребят. Хорошо там жилось... Взгрустнулось даже. Но тут машина въехала в город, какие только в кино бывают. Дома — выше казарм. Куда там — казарм. Выше сопки! Улицы шире полкового плаца. Каналы, мосты, набережные.

На набережных гуляли юноши с гитарами. По Неве плыли весёлые пароходики, заполненные народом. Веселье царило и во дворе бабушкиного дома. Серёжка сразу захотел на улицу, но его спешно, как по команде «отбой», уложили на диван.

— Спи, внучек, спи, — ласково сказала бабушка. — Сейчас глубокая ночь. Не смотри, что небо белое.

А какой тут сон, когда за окнами светло как днём! Книжки листать можно.

Белые ночи бывают на Крайнем Севере и в Ленинграде. Много недель в городе не зажигают на улицах фонарей, в домах почти не включают электрический свет, машины ездят без сигнальных огней.

Только уснёшь, подниматься впору: на смену заре вечерней утренняя пришла.

Серёжка долгое время не мог привыкнуть к белым ночам. А когда наконец привык, ночи потемнели, стали нормальными: со звёздами, луной, уличными фонарями, автомобильными фарами. Обыкновенные ночи.

Но дни наступили необыкновенные. Бабушка возила Серёжку по всему городу. На все главные площади, ко всем знаменитым памятникам. И к дедушке, на Пискарёвское мемориальное кладбище, где спят вечным сном герои обороны Ленинграда. Девятьсот дней и ночей бились они с фашистами. Голодали, умирали от ран — и бились. До победы. Поэтому Ленинград — город-герой.

Бабушка называла Пискарёвское мемориальное кладбище «Пискарёвкой». А голос её, когда она произносила это слово, делался совсем грустным. Серёжка не понимал — почему. Ничего в нём не дрогнуло и когда они вышли из автобуса напротив высоких строгих ворот, за которыми лежали внизу плоские холмы. Их было много, не сосчитать, и все они тянулись рядами к тёмной стене вдаль, где возвышалась бронзовая печальная женщина.

На холмах не было ни обелисков со звёздами, ни каменных плит. Лишь скромные таблички с цифрами. Цифры Серёжка уже знал и подметил, что надписи почти одинаковые: 1941, 1942, 1943...

— Это годы войны,— пояснила бабушка и вздохнула.— А сколько под каждым холмом — никто не скажет.

Бабушка остановилась у одной из братских могил с табличкой «1942» и сдавленным голосом сказала:

— Здесь... Клади цветочки, Серёженька. Сам положи.

Серёжка увидел и другие скромные, чуть привявшие букеты, несколько конфеток в простых фантиках, печенье, ломтик хлеба и старую, облезлую куклу, маленькую, пластмассовую.

Серёжка почему-то испугался и прижался к бабушке.

— Тут и дети лежат,— грустно и просто сказала бабушка.— Не доиграли, не дожили... Блокадные дети.

То, что иногда умирают взрослые, Серёжка слышал, но дети!

Всю обратную дорогу к автобусной остановке Серёжка молчал, не отпускал бабушкину руку.

На другой день отправились на Невский проспект. В Ленинграде почти все большие улицы называются проспектами. Такие они длинные и прямые, от горизонта до горизонта просматриваются. А народу на Невском — как в праздники на гарнизонной площади! И все в штатском. Прямо-таки удивительный город. Рассказать бы Гере или даже Сеньке Бородину — не поверят.

Но главное было впереди — экскурсия на «Аврору». Ведь Серёжкин дед

служил матросом на этом крейсере, воевал против царя. Штурмом брал Зимний дворец, где жили цари.

Наверное, они только зимовали там...

— А летом жили в палатках? — спросил Серёжка.

Солдаты часто живут летом на вольном воздухе и спят в палатках, а перед холодами обратно переселяются в казармы, на зимние квартиры. Как цари.

Бабушка никогда не бывала в военных гарнизонах и просто не поняла вопроса.

— Сейчас здесь Эрмитаж, картинная галерея, — сказала бабушка.

Картины Серёжку мало интересовали. Ему не терпелось взглянуть на крейсер, который подал сигнал революции.

Они сели в троллейбус, переехали один мост, другой, прошли немного и вдруг оказались перед «Авророй». Шевеля губами и загибая пальцы, Серёжка начал считать орудия. Их было так много — на носу, на корме, вдоль бортов, — что Серёжка сбился. И пальцев на руках не хватило.

— Вот это да-а... — прошептал восхищённый Серёжка. Он стоял в двух шагах от легендарного корабля и очень жалел, что нет рядом Лёвки. Они обязательно перебрались бы по дощатому трапу на крейсер и потрогали пушку, которая стреляла по Зимнему.

А бабушку разве затащишь на «Аврору»? Повела в зоопарк.

— Тут совсем близко, — заверила, но почему-то полезла в трамвай.

Трамвай Серёжке не понравились: звенят, гремят, лязгают хуже гусеничных тягачей. Хоть уши затыкай.

И в зоопарке ничего особенного. Бабушка всё восторгалась фазанами: «Ах какие красивые, какие яркие!»

Подумаешь, невидаль! На Дальнем Востоке фазанов больше, чем кур.

Слон произвёл впечатление: хобот у него, когда вперёд вытянется, будто танковая пушка. И жирафы понравились. Ноги длиннющие, шея как ствол дерева. Забраться наверх — лучшего наблюдательного пункта не надо. Недалеко от головы жирафа две шишечки вроде стереотрубы. И выкрашен жираф под камуфляж — пятнами.

Серёжка мысленно примерился, каким образом забраться на наблюдательный жирафий пункт.

Бабушка опять заторопила. Очень ей хотелось показать Серёжке все достопримечательности родного города. Да разве можно осмотреть все достопримечательности Ленинграда!

В нём только мостов больше шестисот. Гранитные, деревянные, чугунные, арочные, висячие. С башнями, скульптурами, старинными фонарями.

Один из мостов держали четыре льва с золотыми крыльями.

— Это сказочные львы, — пояснила бабушка, — грифоны. В древности грифонов считали охранителями золота. Напротив банк помещался, и мост назвали Банковским. В банках хранят деньги и золото, потому и грифонов поставили.

— Как часовых, — сказал Серёжка и подумал, что универсальный клей БФ-6 тоже, наверное, в банках держат. Говорил же Сенька Бородин: такой клей на вес золота...

Бабушка обещала съездить с Серёжкой в Петродворец, фонтаны посмотреть, и вдруг заболела. Примчалась «скорая помощь», увезла бабушку в больницу. Там бабушке сделали операцию, и она так ослабела, что пришлось маме каждый день ездить, кормить бабушку с ложки, как маленькую.

Будто осиротел Серёжка. Целыми днями один. Ленинград — не военный гарнизон, не разгуляешься без взрослых.

Потускнули белые ночи, прекратились увлекательные поездки. Наступили «чёрные» дни.

ЗУБ МАМОНТА

Серёжа ещё раз обошёл мощёный двор, стиснутый со всех сторон высокими каменными домами, и остановился перед аркой, перегороженной железными воротами. Решётчатая калитка, сорванная с верхней петли, глубоко воткнулась острым углом в расщелину между булыжниками и не поддавалась никаким усилиям. И покататься нельзя.

Он постоял под аркой, посмотрел, посмотрел на улицу, но, как нарочно, ни одна машина не прошла мимо.

Оглянувшись, не следит ли за ним дворничиха, которой мама поручала его на день, Серёжка смело двинулся вперёд. Но только он занёс ногу над железной перекладиной, как позади хлопнуло окно и раздался ворчливый голос:

— Ещё чего выдумал! Вернись немедленно!

Все ребята со двора разъехались в лагерь, на дачи, к бабушкам в деревню. Малыши и те перебрались с детскими садами за город. Даже соседскую кошку Рицу, которую почему-то называли сибирским котом, увезли в Зеленогорск. А Серёжа, без мамы, без кошки, без бабушки, без папы, один-одинёшенек неприкаянно бродил по тесному каменному дворику, как последний часовой в гарнизоне, поднятом по тревоге.

Жизнь была такой скучной, что Серёжке даже сны не снились.

Но вот однажды, когда, по мнению дворничихи, у Серёжки был тихий час,

в комнату ворвались знакомые голоса. То воротились из далёкого похода три друга-шестиклассника: Валька из десятой квартиры, Миша Кругликов и Толя. Толя слыл учёным: он увлекался археологией — наукой о древних костях, как объяснили когда-то Серёжке. Он живо сунул ноги в сандалии и сбежал вниз.

Загорелые, обветренные, стояли три, знаменитых теперь на весь двор, путешественника и, перебивая друг друга, отвечали на вопросы трёх мам.

Мамы уже успели завладеть вещевыми мешками. Там, в этих жалких на вид рюкзаках, наверное, таились несметные сокровища.

Серёжка осторожно пощупал рюкзак, который держала за лямки Валькина мама. В тот же миг Валька так дёрнул Серёжку за руку, что тот едва удержался на ногах. И ещё накричал:

— Ты что! Не видишь?! Там ископаемые!

— Осторожно,— добавил рассудительный Толя.— Можно повредить отпечаток ихтиозавра на известняке.

Ихтиозавра Серёжка не знал: в зоопарке таких зверей не держали.

— Мы устроим музей! — похвалился Миша Кругликов и тотчас умолк. Наверное, это было военной тайной.

Когда приехала из больницы мама, Серёжка спросил её, кто такой *ихтиозавр*, почему он ставит печати на известняке и как устраивают музеи.

— Музей — это дом, где хранят редкие вещи,— ответила мама, а про остальное ничего не сказала. Усталая она была и озабоченная.

На другой день Валька, Миша и Толя возились в деревянной пристройке к флигелю, где жила дворничиха. В той пристройке с покатой крышей хранились мётлы, лопаты, ведра. Серёжка несколько раз пытался заглянуть в пристройку, но Валька отгонял его, как щенка: «Пошёл отсюда!» Серёжка отходил и молча наблюдал издали за таинственной работой. Уже стало известно, что директором музея избран Валька.

Долго рызмышлял Серёжка, как попасть в музейную компанию. И его осенило: музею нужен часовой. Ведь там хранятся редкие вещи! Как в банке. А во дворе нет даже крылатого грифона.

— Возьмите меня часовым, а?

Валька сперва онемел от неожиданной дерзости, затем громко расхохотался и не больно, но обидно щёлкнул Серёжку по лбу.

— Видали умника? Люди путешествовали, рисковали жизнью, а он — нате пожалуйста, на готовенькое. «Возьмите часовым»! Пошёл отсюда!

В разговор вмешался Миша Кругликов.

— Вообще-то,— важничая, произнёс он,— охрана нам понадобится.

Серёжка одарил Мишу благодарным взглядом и прошептал:

— Я буду стараться.

❖❖❖

Толя спокойно и равнодушно оглядел его и, по обыкновению, промолчал.

Стало ясно, что всё зависит от Вальки из десятой квартиры. Директор нового музея о чём-то думал. На всякий случай Серёжка отступил от него на два шага.

Вдруг глаза директора вспыхнули, как у кошки Рицы, когда она замечала воробышка, выпавшего из гнезда.

— Хорошо, — объявил наконец Валька, — берём. С условием! — Он подмигнул напарникам и отчеканил претенденту на должность часового археологического музея: — Ты должен внести в нашу коллекцию свой экспонат.

— Какой? — упавшим голосом спросил Серёжка, не решившись выговорить незнакомого слова «экспонат».

— Любой, — довольный своей выдумкой, ответил вполне миролюбиво директор.

— Как твоя фамилия? — задал вопрос Толя. Он держал в руках блокнотик и авторучку. Наверное, собирался отдать приказ о назначении Серёжки часовым музеем.

— Мамонтов, — с готовностью отозвался Серёжка.

— Как-как?

— Мамонтов, — невнятно от волнения повторил Серёжка.

— Ха! — воскликнул Валька. — О чём тогда думать? Тащи зуб мамонта!

Миша Кругликов зажал рот ладонью, прыснул и скрылся за дверью. Толя усмехнулся и покачал головой.

— Всё! — отрезал Валька. — Теперь иди. Без экспоната не подходи к моему музею ближе, чем на сто шагов. — Он прикинул на глаз площадь двора и милостиво сократил запретную зону: — Не ближе пяти шагов.

Где водятся мамонты? Какие они? Длинные, как жирафы? Громадные, как слоны? Шустрые, как мартышки? Мохнатые, как Рица? Даже узнать не у кого. Мама в больнице за бабушкой ухаживает. В музее спрашивать бесполезно. Если бы Валька знал, где живёт мамонт, давно повыбивал бы у него все зубы...

Серёжка принялся тщательно исследовать двор. Первым делом он осмотрел ящики для отбросов и мусора. Приходилось вытягиваться на носках и приподнимать тяжёлые железные крышки. Одна из них больно прижала пальцы. Серёжка послунил их, подул и, мужественно перенося страдания, продолжал поиски.

Как назло, утром приезжала машина и железной, согнутой в локте рукой заменила наполненные ящики порожними.



И зачем только выдумали дворников? Разве найдёшь после них зуб мамонта?

Серёжка заглянул в подвал, обошёл все лестничные площадки на всех пяти этажах всех четырёх подъездов. Ничего утешительного. Совсем обессиленный, он опустился на скамеечку под окном дворничихи и с тоской уставился на большой замок, что висел на дверях музея.

Ночью приснился страшный сон. Будто шёл Серёжка по двору и вдруг увидел мамонта. Большого, мохнатого, как сибирский кот Рица. Мамонт закрывал рот, как Миша Кругликов, чтобы никто не увидел его зубы. Серёжка вежливо попросил у мамонта зуб, один-единственный, самый ненужный. На время хотя бы, пока выздоровеет бабушка.

Но мамонт проворчал:

«Ещё чего выдумал».

Потом рывкнул:

«Видали умника?!»

И прыгнул в зелёный ящик для мусора. Серёжка бросился за ним, но железная рука крана унесла ящик с мамонтом в небо...

Снова наступил день. Серый, дождливый, скучный. Серёжка, навалившись на подоконник, с завистью смотрел на блестящую крышу музея.

Валька выглянул наружу, поднял глаза и заметил Серёжу.

— Нашёл? — крикнул он насмешливо.

Серёжка печально покачал головой.

— Эх ты, Мамонт! — презрительно сказал Валька и скрылся.

И тут Серёжка придумал последний и единственный выход из своего отчаянного положения...

Придерживая одной рукой щеку, Серёжка смело распахнул дверь музея.

— Вот, — с трудом произнёс он сквозь сжатые губы и, протянув правую руку, разжал пальцы.

На влажной ладони лежал маленький щербатый молочный зуб с коротенькими корешками-присосками, ещё розовыми от крови.

Валька-директор часто заморгал рыжими ресницами и мягко положил руку на плечо Серёжки.

— Дурачок ты... — произнёс он странным виноватым голосом.

Толя конфузливо молчал. Миша Кругликов тоже потупился.

— Он давно шатался, — бодрясь, успокоил музейных работников Серёжка и оттянул пальцем губу. — И этот как на ниточке.

НАВЕРХУ ТОЛЬКО СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Старший лейтенант-инженер Мамонтов окончил курсы и получил назначение в Заполярье. Бабушка, ещё слабая после болезни, заволновалась:

— Ребёнок там пропадёт!

Как можно «пропасть» в Заполярье? Толя рассказывал, что древние слоны — мамонты обитали на Севере миллионы лет назад, а их и сейчас выкапывают из мёрзлой земли, как из холодильника вынимают.

— Там вечная ночь!

Конечно, спать миллион лет подряд никому не интересно. Но в Заполярье бывает и вечный день. Полгода гуляй, полгода отсыпайся. Чем не жизнь?

— Там никакой цивилизации! Даже трамваев нет!

Оленья упряжка в сто раз лучше автобуса. И уж не сравнить допотопный трамвай с нартами! Толя сказал, что в Заполярье собаки полностью заменяют такси, легковые и грузовые.

— Если не доверяете мне, — поджав губы, настаивала бабушка, — отправьте ребёнка на юг.

Бабушка имела в виду Севастополь, где жили папины родные: другая Серёжкина бабушка и живой дедушка, Николай Петрович.

— Детям положено быть с родителями, — твёрдо отстаивал Серёжку отец. Вообще-то он тоже заметно переживал. И ему, наверное, не терпелось скорее попасть в край вечной мерзлоты.

Мама металась по магазинам, покупала тёплые вещи. Багаж получался солидным: три чемодана, узел с меховой одеждой и корзина с луком и чесноком.

— Напрасно всё это, — пытался отговорить бабушку отец, — есть там и лук, и чеснок, и фрукты.

— Там ничего нет. Одна цинга, — стояла на своём бабушка.

Пришлось уступить ей.

Серёжка помогал упаковываться изо всех сил. Подавал игрушки, сгребал в кучу бумагу от свёртков, ложился на чемодан, когда нужно было защёлкнуть замки.

Бабушка всё вздыхала и промокала глаза платочком.

Как только отец не успокаивал её!

— Да не терзайте вы себя!

Отец обращался к бабушке на «вы», как к генералу.

— Ненадолго ведь. Год, два, три — и переведёмся в другое место. И вас тогда заберём. Давно ведь предлагаем!

Бабушка хваталась одной рукой за сердце и так смотрела на Серёжкиного отца, словно он ненормальный.

— Я? Из Ленинграда?! Я всю блокаду тут была! Три войны пережила! Замуж тут вышла! Леночку вырастила. Мужа схоронила... — Голос бабушки дрогнул и сломался. — Тут я и помру.

Странные люди штатские бабушки! Ни за что из своего города не едут. Умрут, а с места не сдвинутся.

СЕВЕР

Самолёт был какой-то маленький, с красным хвостом, игрушечный по сравнению с Ту-104. Внутри тесно, полно ящиков, мешков, автомобильных покрышек. Пассажирский отсек всего на три ряда кресел. И те не все заняты.

Серёжка пересаживался с места на место. Но и слева и справа ничего не видно, кроме зелёных крыльев и огнедышащих моторов. У них вокруг шеи открытые щели, как жабры у рыб.

Никто не разносил лимонад в пузатых рюмках, не угощал кислыми конфетками. Пассажиры сами потчевали друг друга.

Кроме семьи Мамонтовых и мужчины в фетровых бурках, на Север летели бывалые полярники. Все быстро перезнакомились. Некоторые и прежде встречались. Теперь они вспоминали общих друзей.

— А где сейчас Шакиров?

— На Диксоне.

— Давно из «Счастливой»?

— Два месяца. На Кавказе отдыхал.

— Ничего?

— Скучно, — пожаловался загорелый бородач. — Никакой романтики! Тенты, лежаки, таблички на все случаи жизни: «не курить», «не сорить», «не входить». Плязи на удельные княжества разгорожены.

Мужчина в фетровых бурках снисходительно заметил:

— Таков порядок. У каждого дома отдыха собственная территория.

— Собственная! Мы к таким вещам непривычны. У нас в Арктике всё моё, всё наше. Верно я говорю?

Земляки-полярники горячо поддержали бородача:

— Верно!

На чемоданах, приспособленных под столы, подпрыгивали стаканы и чашки; в развёрнутых пакетах лежала всевозможная снедь; топорщились зазубренными крышками раскрытые консервные банки.

Время от времени из кабины пилотов выходили лётчики. Они охотно подсаживались, вступали в общий разговор.

В самолёте было шумно, как на вокзале.

О Серёжке забыли, и он обследовал самолёт. В самом хвосте лежали громадные кубические тюки, туго перетянутые крест-накрест проволокой. Тюки пахли лугом.

Серёжке удалось отковырнуть и выдернуть несколько травинок. Он принёс их маме.

— Откуда это? — удивилась она.

Травинки пошли по рукам.

Бронзоволицый лётчик потрепал Серёжку по щеке:

— Шустрёнок! Раскопал!

Мужчина в фетровых бурках, близоруко рассматривавший травинки, поднял голову.

— Как это раскопал? Где? — Он удивлённо посмотрел на лётчика. — Вы что, сено во льды везёте?

И мужчина отрывисто засмеялся.

Бородач подмигнул незаметно лётчику и спросил будничным голосом:

— Всё идёт?

— Угу, — сдерживая улыбку, подтвердил лётчик.

Мужчина в фетровых бурках насторожился:

— Кто... идёт?

Лётчик уклонился от ответа.

— Кто идёт? Товарищи...

Полярники лукаво помалкивали.

— Да этот, — отозвался, наконец, бородач, — как его... Мамонт.

— Мамонт?!

— Обыкновенный мамонт, — подтвердил бородач.

Мужчина в фетровых бурках разволновался:

— Живой мамонт?!

— Живой... Случайно откопали. Летом дело было. Отогрелся и ожил себе на здоровье. Теперь своим ходом в Мурманск идёт.

— Точно, в Мурманск. — Лётчик и бородач произносили название города Мурманска по-своему — Мурмáнск. — Вот и подбрасываем этому мамонту сено, чтоб не помер в дороге.

— Разыгрываете, — неуверенно протянул мужчина в фетровых бурках. Поднялся хохот.

Незаметно забрав с чемодана травинки, Серёжка заспешил в хвост.

— Ты куда, шустрёнок? — окликнул его лётчик.

Серёжка хотел сказать, что идёт травку на место положить, а то мамонту ещё не хватит еды до Мурманска, но лишь показал туда, где лежали тюки, пахнувшие лугом.

Самолёт заболтало, и мама опять «вышла из строя». Серёжка, тот просто уснул. Да так крепко, что не слышал, когда его облачали в шубку, валенки и прочие тёплые вещи. Он очнулся от сна уже на земле. Вернее, не на земле, а на снегу.

Вокруг был только снег. Всё искрилось, сверкало в лучах прожекторов. Над головой простиралось чёрное небо, в звёздах, как в снежинках.

Никакого аэродрома не было. Вся белая земля была аэродромом.

Их уже дожидался крытый грузовик. Над кузовом струился дымок. Внутри было светло и жарко. В машине стояла маленькая железная печурка. Солдат топил её аккуратно напиленными поленьями. И в пути солдат подкладывал дрова. Серёжка привалился к отцу и опять задремал.

Он спал так долго, что должно было настать утро, а его не было. В комнате, от пола до потолка обклеенной газетами, горела электрическая лампочка. Полежав немного, Серёжка проморгался и робко позвал:

— Мама!

Никто ему не ответил. В соседней комнате запели тонким голосом.

— Мама! — громче повторил Серёжка.

Песня оборвалась. Дверь отворилась, и на пороге появилась девочка. Синеглазая, с косичками. На ногах невиданные туфли из золотистого меха.

Серёжка от удивления раскрыл рот. Девочка тоже молча разглядывала его. И наконец спросила, приблизившись к кровати:

— Ты — Серёжа?

— Да, — подтвердил Серёжка и в свою очередь пожелал узнать: — А ты?

— Я? — Девочка даже ресницами захлопала: как это он не знает её? —

Я — Наташа Конова. Я здесь живу.

Слова Наташи Серёжу задела.

— Нет, я здесь живу. Это мой дом.

— Дом наш, — спокойно возразила Наташа, — батальонный. А вы у нас поживёте, пока не сдадут третий корпус.

— Нам дадут первый.

С какой стати Серёжка должен ждать третьего?

— Первый давно заселили и второй. Думаешь, тут заселяться некому? У нас и до тебя люди жили, только без детей. Они своих детей на Большой земле оставили.

Про такое Серёжка слышал впервые. С Дальнего Востока детей увозили на запад, бабушка предлагала отправить Серёжку на юг, в Севастополь. В запад входили Москва, Ленинград, Киев, Ташкент и еще разные города.

— Большая земля, — объяснила Наташа, — это Ленинград, Москва, Крым — всё остальное, что внизу.

— Как — внизу?

— А ты разве не видел географическую карту в клубе?

В клубах Серёжка бывал, только не обращал внимания на карты.

— По карте ясно видно, где мы живём. И всё внизу — Большая земля.

— А наверху?

— Наверху — Северный полюс.

Про Северный полюс Серёжке доводилось слышать. Там жили полярники. Прямо на льдине. Вот бы куда сбегать!

— Туда далеко? — оживился Серёжка и начал одеваться, будто сию минуту собирался на Северный полюс.

— Часов... несколько лёту.

— А по дороге нельзя?

— Можно, далеко только.

— А ты знаешь, где эта дорога?

— Ясное дело, знаю.

— Где? — загорелся Серёжка.

— У нашего дома.

Серёжка недоверчиво глянул на белое промёрзшее окошко, затем на Наташу:

— Врёшь ты.

— Я никогда не вру!

Наташа резко отвернулась. Синие банты метнулись за косичками, словно махаоны.

— Пстой! — позвал Серёжка. — Не сердись. Я верю.

— Очень надо! — Наташа презрительно фыркнула. — Можешь не верить. А только здесь от каждого дома идёт дорога на Северный полюс. Выше нас уже ничего нет, только льды и полюс.

У Серёжки дыхание замерло. Вот это да! Жить под самым полюсом! Хорошо, когда папа военный.

— У тебя папа тоже военный? — вежливо спросил Серёжка.

— Он капитан Конов,— гордо сообщила Наташа.— Командир нашего батальона.

— Дивизиона,— поправил Серёжка.— В артиллерийском полку дивизионы, а не батальоны.

— Нет, батальона.

— Ты давно сюда приехала? — с некоторым превосходством в голосе спросил Серёжка.

— Я не приезжала. Я всегда тут живу.

— Всегда-всегда? — поразился Серёжка, утратив своё превосходство. Он-то новичок, а Наташа родилась на Севере.— А я в вертолёте родился! — похвастался Серёжка.— На самом Дальнем Востоке.

— Я на Большой земле не была,— грустно сказала Наташа.— А ты видел, как растут настоящие большие деревья?

— Конечно. Там запросто большие деревья растут. Выше дома.

— Высокие, как антенные мачты и столбы?

В заполярном гарнизоне росли лишь столбы. Когда выпадало много снега, столбы превращались в пенёчки с фонарями. В плотном, как белая глина, снегу отрывали дорожку, глубокую, вроде траншеи.

— А ты на собаках каталась? — задал самый главный вопрос Серёжка.

— Конечно. И на собаках, и на оленях.

Счастливая! Зато Серёжка праздничный салют в Ленинграде смотрел. Всё небо горело разноцветными огнями, как сто ёлок.

— А я салют видел!

— Какой он?

— Как новогодняя ёлка.

— Ёлка? — переспросила Наташа и вспомнила: — А-а, как полярное сияние, но маленькое.

— Полярное сияние?

Такого Серёжка ещё не видывал.

— Оно ещё будет? — осторожно спросил Серёжка.

— Обязательно,— успокоила его Наташа.— Полярное сияние у нас бывает чаще, чем кино.

КИНО

Серёжка быстро освоился на новом месте, познакомился со всеми. Наташа знала батальон пофамильно. И её солдаты знали. Ничего удивительного: единственная девочка в гарнизоне. Наташа разговаривала со всеми на равных:

- Как дела, Фирюбин?
- Нормально, — отвечал здоровенный сержант.
- Что нового, Сизокрыленко?
- Всё старенькое, Наталка.
- Накауридзе, письмо получил?
- Получил, Ната, получил. Всё замечательно!
- Ну как, Тихонов, поправился Рекс?

Солдат улыбался белозубым ртом:

- Полный порядок, Талочка! А твой Пижон жив-здоров?

У Наташи был свой пёс, Пижон, но он отзывался и на кличку Буржуй. Мохнатый, толстый, хвост крендельком на спине. Сильный: один Наташины санки возил.

- Будет сегодня кино, Алёшин?
- Обязательно, Наташенька!
- Опять «Чапаев»?
- Опять, понимаешь, не подвезли ничего. Погодка, сама видишь...

Погода была неважная. Вторую неделю не унимался буран. Между бревенчатыми домами натянули канаты. Люди ходили, держась за канат, чтоб не заблудиться, хотя между домами не больше двадцати — тридцати шагов.

Серёжка понял, зачем стены оклеены во много слоёв газетами. Малейшая дырочка, гвоздя не просунешь, а наметет столько снега — растопить, выкупаться можно.

Хорошо, клуб — стена к стене с Наташиным домом. Серёжка с Наташей каждую ночь в кино ходили. Или каждый день — не разберёшь.

«Чапаева» Серёжка ещё на Дальнем Востоке смотрел. И здесь эту картину вторую неделю крутили. Сначала, как полагается: от первой части до последней.

Потом кто-то предложил переставлять части. Сначала красные громили белых, а уж после того белые шли в психическую атаку, и их второй раз обращал в бегство лихой Чапай.

Скоро зрители выучили наизусть все слова из фильма. Киномеханик Алёшин стал убирать звук, солдаты сами хором говорили и за Чапаева, и за Анку, и за бородатого солдата, который удрал от белых. Серёжка тоже запомнил все слова. Дома они с Наташей играли в «Чапаева».

— Василий Иванович, — спрашивала Наташа-Петька, — ты армией командовать можешь?

- Могу, Петька, могу, — отвечал Серёжка-Чапаев.

Погода в конце концов наладилась, прилетели самолёты, доставили новые кинокартины: «Подвиг разведчика», «Руслан и Людмила».

Серёжка и Наташа играли в «Руслана и Людмилу». Серёжке, ~~кроме~~ Руслана, приходилось быть и Рогдаем и Черномором.

Оседлав веник, Серёжка бегал по комнате и звал Людмилу. Её нигде не было видно. Наташа надевала на голову меховую шапку, а Серёжка зажимуривал глаза, и Наташа-Людмила превращалась в невидимку.

Как в пушкинской сказке:

Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень
И задом наперёд надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале!

Стоило Наташе перевернуть шапку, Серёжке открыть глаза, и сразу Наташа-Людмила становилась видимой.

Елена Ивановна несколько раз читала ребятам книжку про Руслана и Людмилу. Наташа и Серёжка знали её почти всю на память.

Верхом на златогривом венике Серёжка медленно ехал вокруг стола, а Наташа декламировала:

Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.

При этих словах Серёжка замирал на месте и с опаской глядел на огромную подушку. Она изображала Живую Голову.

Это Наташа придумала. Ведь Голова спала, когда подъехал Руслан. И с перьями была, как подушка:

Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в тёмной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.

Серёжка знал, что Голова вовсе и не голова, а подушка. Но на всякий случай предлагал:

— Давай без Живой Головы, а то я с Черномором подраться не успею.
— Эх, ты! Подушки испугался! А если бы на тебя белый медведь напал? Ты знаешь, как однажды медведь нашу машину атаковал?

— Как?

— Медвежонок перебежал дорогу. За ним медведица шла. Машина закрыла медвежонка, медведица подумала, что мы её сына забрали. Да как зарычит, как бросится! Крючков прибавил газу, машина отъехала, медведица увидела медвежонка, и они вместе убежали, а мы поехали дальше.

— И тебе не страшно было?

В зоопарке белые медведи не очень белые, желтоватые. Глазки маленькие, злые. С таким зверем встретиться...

Наташа презрительно фыркнула:

— Очень надо! У нас же автоматы были.

— С автоматом я бы и Мёртвой Головы не побоялся, — сказал Серёжка и опять оседлал веник.

Младой Ратмир, направля к югу
Нетерпеливый бег коня, —

нараспев произнёс Серёжка и поскакал нагонять Русланову Людмилу.

Вскоре «Руслана и Людмилу» увезли на Большую землю. В полярный гарнизон прислали «Щедрое лето», «Медовый месяц» и картину «Испытание верности». После таких фильмов играть было не во что...

Но как волшебным образом расцвело чёрное полярное небо! Никакое кино не сравнить с полярным сиянием!

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Целыми днями, в то время когда все бодрствовали, трещал, как мотоцикл, движок гарнизонной электростанции. На ночь, на то время, когда дети, женщины и свободные от караульной службы солдаты и офицеры укладывались спать, движок умолкал. В деревянных домах офицеров и в солдатских казармах зажигали керосиновые лампы и фонари «летучая мышь».

Елена Ивановна прикрутила фитиль и ласково сказала Серёжке:

— Спи, мой маленький.

И тут вдруг вспыхнули и засверкали огнём промороженные оконца.

— Пожар! — ахнула Елена Ивановна и кинулась в комнату Коновых.

— Это не пожар, тётя Лена, — успокоила Наташа. — Это полярное сияние.

Серёжка соскочил с кровати и стал лихорадочно одеваться. Мама, вместо того чтобы, как обычно, прикрикнуть и обратно загнать Серёжку в постель, быстро помогла ему натянуть валенки, шубу, шапку, башлык, поверх всего повязала тёплый пуховой платок, сама оделась. И они вышли из дому.

Снизу до зенита высились многоцветные крутые скалы. Они шевелились, вот-вот рухнут на бревенчатые домики гарнизона.

— А-а-а! — вскрикнул Серёжка и приткнулся к маме.

— Ах! — восторженно воскликнула Елена Ивановна и подняла Серёжку на руки. — Смотри, смотри!

Отвесные скалы поджались, превратились в занавес с бахромой. Занавес колыбался, свёртывался, развёртывался и каждую секунду менял свою удивительную окраску.

Потом осталась лишь длинная бахрома. Красная, синяя, жёлтая, зелёная, пурпурная. Будто выпустили в небо тысячи ракет праздничного салюта.

Ракеты сошлись головами и образовали сплошной купол. Словно гигантский парашют раскрылся над снежной тундрой.

Казалось, что воздух загустел, как холодный брусничный кисель.

Справа от разноцветного парашютного купола высвечивались и гасли, удлинняясь и подтягиваясь, частые светлые полосы.

— Небо причёсывается! — крикнул Серёжка.

Он уже не боялся волшебного сияния. Неопишуемая красота обворожила его. Ему чудилось, что он плывёт по радужному небу, и волны, красные, синие, жёлтые, зелёные, раскачивают его, возносят всё выше и выше...

Когда Серёжка проснулся, он увидел себя в привычной кровати, под мягким тёплым покрывалом из оленьего меха. В знакомой комнате, обклеенной от пола до потолка старыми газетами.

КОРОВА

Если бы на Крайнем Севере устроили зоопарк, в нём поместили бы не росомых, не леммингов, не белых медведей. Полярным жителям в диковинку обыкновенная для Большой земли корова.

Гарнизон Наташи Коновой славился коровой. Её привезли по Северному морскому пути на ледоколе, когда родилась Наташа. И хотя корова числилась батальонной, одна на всех, молоко отдавали маленькой девочке. До последней капли.



Корова была здесь такой редкостью, что ей даже имени не придумывали. Все называли корову Коровой.

На Большой земле убирать конюшню или ходить за скотом направляют в наказание. В полярном гарнизоне солдаты сами просились к Корове. А доить её устаивались не многие.

Солдаты тесно обступали счастливого дояра и, жмурясь от блаженства, шумно вдыхали аромат парного молока.

Не потому, что голодные были. Паёк на Севере обильный: всего вдоволь. И местных деликатесов хватает: оленья строганина, рыба, белая и красная. Всякие консервы. Только уже не глядели бы солдатские очи на сгущённое молоко.

Парное молоко!.. Оно пахнет коровой, Большой землёй, родимым домом...

Для Серёжки родной дом там, где служит отец. Молоко же — просто очень вкусная еда. Такая вкусная, что солдат Сизокрыленко говорил: «Та я б спав на молоци!» Серёжка на молоке не спал, но свою долю, целый литр, выпивал с наслаждением и по нескольку раз в день наведывался с Наташей в хлев. Они гладили тёплые бока Коровы, подкладывали сена в кормушку.

Сено доставляли лётчики. Не по обязанности, по дружбе.

Когда прибывали тюки с прессованным сеном, Серёжка радостно докладывал маме:

— Корове посылку привезли.

Приходили посылки и для Серёжки. Из Севастополя и Ленинграда. С конфетами, сушёными фруктами, игрушками.

Ленинградская бабушка, кроме того, посылала на Север лук и чеснок. Против цинги.

Антицинготных средств накопилось столько, что пришлось отправить в солдатскую столовую полный мешок.

— Сколько можно! — посмеиваясь, говорил Серёжкин отец и просил: — Лена, напиши, пожалуйста, что уже весь гарнизон на два года луком обеспечен.

— Тысячу раз писала, — оправдывалась Серёжкина мама.

Зачем отговаривать бабушку? Пускай шлёт. Серёжка втихомолку подкармливал луком бурёнку, оберегал её от цинги.

Корова привередливая была. Притронется к луковице мягкими губами, скосит на Серёжку влажный тёмный глаз и отвернётся.

— Очень ей надо! — фыркала Наташа. — Лук — это как лекарство. А лекарство и коровы не едят.

Всё-таки Серёжка перехитрил Корову. Бутерброды с маслом и луком де-

лал. Бутерброды Корова любила. Солдаты приучили. Они её хлебом с яблочным джемом угощали. И сахаром.

Серёжка Корову тоже сахаром потчевал, но редко. Сахар ел с аппетитом Пижон-Буржуй. А лук и чеснок даже не нюхал.

Замечательный пёс Пижон! Всю зиму катал Серёжку с Наташей на маленьких нартах. Да ещё двух кукол в придачу.

Игрушек у Наташи полным-полно. Каждый солдат-отпускник подарки ей привозит. Одну нарядную куклу с закрывающимися глазами прислала из Ленинграда Серёжина бабушка. Только Наташе все игрушки, хоть самые распрекрасные, не нужны. У неё свои любимые вещи: настоящий пистолет марки «ТТ» и две куклы в военной форме.

Пистолет внутри пустой, без ствола и механизма. Но об этом знали лишь Наташа и Серёжка! С виду пистолет был таким боевым, хоть в караул с ним заступай. Наташа прятала на ночь пистолет под подушку. И на улицу иногда брала. У неё кобура была на ремешке.

Куклы в военной форме на самом деле были девчонками. У них и лица, и причёски остались девчачьими. Но одну звали «Ваня», а другую — «Тарас». Серёжка их тоже считал мужчинами, а когда отдавал приказ, обращался, как и положено в армии: «Товарищ Ваня!»

БЕРЕЗЫ

Всю долгую полярную ночь окрест гарнизона виднелись только синие снега. Не верилось, что они когда-нибудь растают, обнажат землю. Что земля, промёрзшая, наверное, до самого дна, покроется травой и цветами.

Но настала пора северного лета, короткая и яркая. Небо из чёрно-фиолетового стало сине-зелёным, затем ещё побледнело, до лимонного, и наконец засияло весёлой голубизной.

Природа сурового края явила людям всё богатство летних красок. Зазеленела вокруг синих и бурых озерков густая осока. Словно одуванчики, забелели пушистые нардосии. Полярные маки расцвели целыми островками, красными и нежно-лиловыми.

Безжизненные обломки скал нарядились в лишайники, цвета потускневшего, с прозеленью, серебра. Запестрели бархатные мхи. Разбежались по торфяным болотам морошка и багульник.

Ожили карликовые северные деревца: лиственница, сибирская ель, ива. Деревья, а такие маленькие, как молодые сеянцы: Серёжке по колено. На самом же деле деревьям по тридцать, сорок лет.

Лилипутский лес. Серёжка, подобно Гулливеру, перешагивал запросто сибирскую ель и иву с крошечными лиловыми листочками. А по ернику — зарослям из стелющихся берёзок — шёл напрямую.

Прилетели с жаркого юга гуси, утки, кулики. Повеселели постоянные жители Заполярья — тундровые куропатки и белые совы.

Объявилась и проклятая мошкара. На Дальнем Востоке житья от этих гнусных созданий не было, и здесь, за тридевять земель от тайги, руки и лицо Серёжки вечно горели от укусов. Серёжка рассудил своим умом, что в Заполярье и лета настоящего не бывает — тут даже в июле случаются заморозки, — чтобы не хотелось раздеваться до трусиков. Заела бы тогда мошкара! Одно спасение от них — у дымного костра сидеть. Белыми вечерами собирались солдаты в круг, разжигали огонь, вели разные разговоры.

Серёжка с Наташей Коновой тоже тут как тут. Наташа то и дело вмешивалась в беседу взрослых, а Серёжка помалкивал да всё удобнее устраивался на необыкновенном табурете из позвонка кита. Китовый позвонок похож на серый пенёк с крыльями, на корабельный трёхлопастный винт. Устойчивый, гладкий, удобный. Где ещё посидишь на таком табурете, как не в Заполярье!

А разве покатаешься в Ленинграде на оленях? Там только машины стадами по проспектам носятся.

В Заполярье оленей больше, чем «Волг» в Ленинграде, видимо-невидимо. Ветвистые рога над оленьим табуном — самый высокий лес в тундре. На Севере олень — главное домашнее животное. И возит, и кормит, и греет.

Серёжке подарили замечательные сапожки из оленьего меха — камысы. Светло-коричневые, с чёрной оторочкой, расшитые орнаментом из ярких бусинок. Просто загляденье! Даже жалко было расставаться с ними на лето.

И солдаты перешли на летнюю форму: вместо меховых комбинезонов и полушубков надели шинели.

У костра солдаты обычно вспоминали родные края. И получалось по их рассказам, что лучшего места, чем то, где они жили до армии, нет во всём мире. Ефрейтор Сизокрыленко хвалил Украину, Фирюбин бредил Волгой, Тихонов ни на что не поменял бы свою Рязанщину, даже на Кавказ с Чёрным морем в придачу.

— Ты видел настоящие горы?! — горячился младший сержант Накауридзе. — Ты видел настоящее море?! Ты не видел настоящих гор! Ты не видел настоящего моря!

— А ты видел настоящие берёзовые рощи? — с грустью спрашивал Тихонов.

— Подумаешь — берёза! — взмахивал руками Накауридзе. — На Кавказе всё есть: мандарины, апельсины, чинары, берёзы — всё!

— Не те на Кавказе берёзы, — мягко, но непреклонно отвечал Тихонов. — Таких берёз, как на Руси, нигде нету.

— В Белоруссии не хуже, — вступал в спор Алёшин.

— А на Украине? — не выдерживал ефрейтор Сизокрыленко.

— Нешто это берёза? — грустно вопрошал Тихонов, глядя на искривлённую веточку с мелкими листочками, карликовую берёзку с корнями и кроной. — Эхма!..

И Тихонов бросал, как веточку, тощее деревце в огонь.

Спор угасал. Солдаты молча вздыхали, каждый по своему дому, по своей природе, по своей берёзке.

Глава шестая

В ГОРОДЕ СЛАВЫ

Отец пришёл со службы необыкновенно рано. И необыкновенно сияющий. Серёжка видел его не так много, только в обед, и то не каждый день. Он сразу бросился к отцу на руки:

— Ты пришёл, чтоб повести меня к морю?

— Повезти! — с подъёмом поправил отец. — Повезти, сынок!

Он вытянулся по стойке «смирно» и отпрапортовал:

— Есть убыть к новому месту службы!

«Не иначе, как на Северный полюс, — мелькнуло в Серёжкиной голове. — Выше уже ничего нет».

— Куда? — спросила мама пересохшими губами.

— К Чёрному морю!

— В Крым?

Мама ахнула и присела на застланную кровать.

Крым. Чёрное море... Сержант Накауридзе всегда говорил: «Чёрное море — самое синее море!»

— Ну, не совсем в Крым. Не совсем к Чёрному морю. Но что для нас, дальневосточников, тысяча-другая километров!

— Куда же?

— В Раздолье. Вот где отогреемся!

— Там вечное лето? — задал наконец вопрос и Серёжка, печально разглядывая узор на носках камысов.

Отец засмеялся. Ему от всего весело было сейчас.

— Не волнуйся, Серёга, пригодятся твои олени сапожки! Летом в тех краях жара, а зимой — арктические ветры. Но это всё потом. Сейчас — в Севастополь. К Чёрному морю, в отпуск.

...Прощай, Заполярье. Прощайте, нарты, северное сияние, долгая ночь. Прощай, верный Пижон-Буржуй, прощай, ещё незнакомый и уже потерянный Бобик... Через пять дней должны были принести его в дар Серёжке. Живого малюсенького щенка, пушистый комок, белый, с чёрной пуговицей носа. Серёжка и место уже оборудовал для него — ящик из-под бабушкиного лука. Он вырезал из журнала буквы, из которых составляется имя Бобик, и наклеил на боковую стенку. Получилось не очень ровно, зато красиво и не спутаешь: Бобик.

Прощай, Бобик! Прощай, славная Наташа...

— А Наташа Конова тоже едет?

— Нет, приказ только на меня.

Серёжка грустно уткнул подбородок в грудь. Он не заплакал. Плакать без пользы глупо. Приказ есть приказ. В армии не просят, а приказывают, не предлагают, а назначают.

— Собираться! — скомандовал отец, и начались обычные для офицерской семьи сборы в дальний путь.

Вечером Серёжка в последний раз сходил к костру, попрощался с друзьями-солдатами.

Расставание с Наташей было самым трудным.

Пижон облизал руки и отошёл в сторонку, чтобы не мешать хозяйке попрощаться с другом.

— Уезжаешь?

— Ага.

— Жалко...

— Приказ...

— Приказ есть приказ, — подтвердила Наташа и сказала фразу, которую не один раз слышала: — Приказ должен выполняться безоговорочно, точно и в срок.

— Ага.

— Не «ага», а «ясно», — машинально поправила Наташа и печально вздохнула: — Жалко, что уезжаешь.

Наташа ещё раз вздохнула и протянула Серёжке маленького костяного медвежонка.

— На память, — по-взрослому сказала она.

Серёжка не решился сразу принять такой дорогой подарок. Он знал,

что медвежонок вырезан не из обычного моржового клыка, а из настоящего бивня мамонта. Наташа сунула медвежонка Серёжке в руку.

— Спасибо,— сглотнув от волнения и щемящего чувства благодарности, тихо произнёс Серёжка. От зашарил по своим карманам.

— Не надо ничего,— предупредила Наташа.— Ты мне лучше пришли с Чёрного моря большую берёзу. Если сможешь.

Он чуть не выкрикнул: «Смогу!» Но тут же вспомнил громадные деревья Большой земли и понял, что никакая почта не примет посылку с берёзой.

— Если смогу,— не осмелившись огорчить Наташу, пообещал Серёжка.— А краски я тебе пришлю обязательно.

Наташа давно мечтала нарисовать на стенах, обклеенных газетами, настоящий зелёный лес. Цветные карандаши для такого дела не годились: проткнёшь ещё, снегу полную квартиру наметёт.

— Пока,— сказала Наташа и кликнула собаку: — Буржуй!

Пижон, как известно, не сердился и на эту оскорбительную кличку. Ему было безразлично, как позовёт его хозяйка. Лишь бы она всегда была с ним и никуда не уезжала — ни к Северному полюсу, ни к Чёрному морю.

Наташа, не оглядываясь, уходила всё дальше и дальше. Пёс бежал рядом. Он не был ни пижоном, ни буржуем, а был обыкновенным другом.

Серёжка ещё постоял, глядя сквозь туманную пелену на стремительную фигурку Наташи, затем круто, на одной ноге, повернулся и бросился к дому.

Шофёр прогревал мотор. Стоял август, уже холодало. А где-то на южном берегу Большой земли, на золотом песчаном пляже, резвились в тёплых синих волнах мальчишки из Севастополя.

СЕВАСТОПОЛЬ

Мамонтовы летели до Симферополя, затем троллейбусом доехали до Ялты, пересели на крылатый теплоход «Метеор» и помчались в Севастополь.

Отец хотел «сразу вкусить все сто удовольствий», как метко сказала мама. Она и сама потеряла голову от счастья. Потому, наверное, и согласилась плыть морем.

Но всё обошлось благополучно. Море было таким смирным и гладким, что даже Серёжину маму не укачало.

«Метеор» летел по синему морю, как нарты по крепкому снежному насту. Не доставало лишь радужного полярного сияния.

Теплоход обогнул последний выступ Крымских гор, мыс Фиолент, и вскоре отец сказал:

— Смотри, Серёга. Там город Херсонес.

Какой же это город! Ни стен, ни крыш — ни одного дома. Несколько фундаментов и недостроенных толстых колонн.

Отец рассмеялся.

— Глупенький. Это остатки города. Его разрушили пол-тысячи лет назад. А колонны нашли в земле археологи. Теперь здесь просто музей.

Серёжка понимающе кивнул и нащупал языком новый зуб. Можно было и не вырывать старый, если знал бы, что под Севастополем есть целый город древностей. Написать деду, он бы съездил в Херсонес, обратился в музей... Директор не Валька из бабушкиного дома, который в Ленинграде. Не пожадничал бы, подарил какую-нибудь совсем старую-престарую, негодную уже вещь — экспонат из Херсонеса.

Через несколько минут крылатый корабль сбавил скорость и вошёл в горловину Севастопольской бухты.

И сразу же открылся взору сказочно-прекрасный город. Белый-белый, с зелёными аллеями и скверами, с настоящими большими деревьями. Город раскинулся на высоких холмах и обрывистых скалах. Он гляделся в бухту, как в зеркало.

Севастополь. В переводе с древнегреческого языка это слово значит — город славы. Севастополь и есть город-герой. Город, известный всему миру с давних времён.

Дедушкин дедушка, Серёжкин прапрадед, сражался здесь больше ста лет тому назад, когда английские, французские и турецкие эскадры осадили русскую морскую крепость.

В Великую Отечественную войну на Севастополь опять напали. Немецкие фашисты. Снова встали насмерть моряки и солдаты.

Серёжин отец, в те времена ещё маленький, был эвакуирован, а дед Николай Петрович остался биться с фашистами. Двести пятьдесят дней и ночей не смолкал бой. И всё-таки город пришлось сдать. Но потом Красная Армия вновь пошла в наступление и освободила Севастополь. Главную высоту, Сапун-гору, штурмовал и дед Серёжки.

Дед с бабушкой жили далеко от центра в небольшом посёлке у Макаровой бухты, в двухэтажном белом доме. Окна и балкон выходили прямо на море.

Внизу, в бухте, морю было, наверное, не очень удобно, тесно от скал и белокрылых яхт. Но за каменными воротами море простиралось до края земли. Безбрежное, могучее, самое синее Чёрное море.

Отдохнув немного с дороги, все пошли к морю. Спустились по глинистой тропинке, перебрались через обломки скал, и море — вот оно, у самых ног.

Загорелые люди с улыбкой глазели на бледнотелых северян. Чему удивляться? На Севере даже совы белые.

Серёжка так рвался к морю, что, казалось, в одежде кинется в волны. Но стоило ему ступить босыми ногами на скользкие мокрые голыши, как он сразу отступил назад.

— Никак, моря испугался? — огорчился дед Николай Петрович. — Правнук севастопольского моряка, внук балтийского матроса, опять же внук севастопольского солдата, сын советского офицера и — трусить? Ну, брат, этого мы тебе не позволим.

Он подхватил Серёжку на руки и шагнул в воду. Серёжка от страха завизжал, обвил руками жилистую шею, прижался тесно-тесно.

Дед остановился, ухмыльнулся в усы и произнёс удовлетворённо:

— Теперь вижу, что внук приехал. Вот как деда своего любит!

И все вокруг засмеялись. Взрослые и дети. Затрясся от смеха и мальчик, голый, чёрный, весь в пупырышках, вроде печёного оленьего языка. Серёжка его сразу приметил. Вылезет из моря, попрыгает то на одной ноге, то на другой и опять в море.

В этот момент вышел на берег мальчик постарше, с мешочком в руке. С мешочка стекала вода.

— Женька, — потребовал у печёного старший, — давай сетку.

Дрожащий от холода Женька вытащил из расщелины в скале обыкновенную авоську с чёрными овальными раковинами. Старший опорожнил в неё мешочек. В нём тоже были раковины.

— Это что? — спросил Серёжка, забыв свои страхи.

— Мидии, — объяснил дед.

— А зачем они?

— Жаркое готовить. Вкусно, говорят.

Братья с мидиями полезли по скалам наверх.

Дед опустил Серёжку на гальку и просто сказал:

— Пошли, внук, искупаемся.

Серёжка вдруг успокоился, взял дедову руку и пошёл в море.

Вода была такая тёплая, прозрачная, весёлая, что выходить не хотелось.

Отец поплыл на середину бухты. Там он стал нырять и подолгу скрывался под водой. Наконец что-то показал в вытянутой руке.

— Рапану добыл, — определил дед.

Рапаной называлась кручёная раковина с розовым мясом внутри. То было не мясо, а живой моллюск. Дома отец очистил раковину, вымыл её,

высушил на солнце, но от раковины ещё много месяцев пахло. Не очень приятно, только Серёжке запах нравился: он напоминал ему первое купание в море.

Вечером, за столом, дед объявил:

— Завтра с утра искупаемся и с ходу — на Малахов курган. Оттуда в панораму. Успеем, так и на Сапун-гору съездим.

— О господи! — всплеснула руками бабушка. Она выглядела моложе ленинградской бабушки. Наверно, потому, что жила у Чёрного моря. — Дай детям отогреться после того Севера. Повидают они ещё твою панораму и диораму!

О чём шла речь, Серёжка не мог понять.

Дед отставил чашку и запетушился:

— А что? И мои! На одной дед мой запечатлён, на другой я сам с боевыми товарищами!

— Как прилетит кто, так он сразу в музей тащит, — с укоризной произнесла бабушка.

— А как же! Не в Ялту прибыли. В Севастополь! Человек должен в Севастополе первым долгом героям поклониться!

И на другой день Серёжка отправился с дедом в город. Сперва зашли в кондитерскую, накупили конфет. Потом, прямо на улице, выпили лимонад.

Дед предлагал кислое молоко, но Серёжка отказался. Молоко и на Севере есть, а лимонада там не бывает. В Севастополе лимонад продавали на каждом шагу. А молока — хоть залейся!

Сколько же надо коров, чтобы на всех молока хватило! А доить? Целая армия нужна... Да, на севастопольских коров бутербродов не нападёшься...

— О чём задумался? — прервал Серёжкины размышления дед. — Или жарко стало? Отвык от солнца.

От солнца он отвык, и от больших деревьев отвык, и от многолюдных улиц. Только не хотелось признаваться.

— Ни о чём.

— Тоже дело.

Прошлись по аллеям, по тенистому бульвару, задержались у набережной, где из воды поднималась мраморная колонна. На вершине её орёл держал бронзовый венок.

— Из Херсонеса, — тоном знатока определил Серёжка.

Колонна была не из древнего города. Она называлась — Памятник затопленным кораблям. В прошлом веке русские моряки специально потопили



свои корабли при входе в бухту, чтобы ни один фрегат — ни английский, ни французский, ни турецкий — не смог проникнуть в Севастополь.

— Корабли как люди, — сказал дед, — погибают, но не сдаются.

И предложил:

— Пошли к троллейбусу. На Малахов курган поедем.

То, что Малахов курган оказался в городе, не удивило. На Дальнем Востоке сами города в кольце сопок; а «сопка» и «курган» почти одно и то же, просто слова разные.

На плоской вершине, у старой крепостной башни, пылал Вечный огонь. Не в наземной чаше, а на макушке факельной колонны. Огненное знамя трепетало над Малаховым курганом, над братской могилой нескольких поколений бессмертных героев.

Николай Петрович глядел куда-то вдаль. Серёжка тоже глянул, и сердце его вспорхнуло к горлу. На высоком холме стоял удивительный дом. Издали — точь-в-точь огромный шлем с шишкой, Живая Голова из пушкинской сказки!

— То и есть наша «Панорама обороны Севастополя 1854—1855 годов», — пояснил дед. — Мы и туда съездим.

Весь вечер дед просидел на скамеечке под зелёной кровлей винограда и мурлыкал под нос фронтовые песни. Серёжка возился в огороде, лепил из земли старинные пушечные ядра. Ему помогал соседский Женька, тот, что ловил с братом мидии на жаркое.

— Теперь давай играть в тир, — предложил Женька.

Поставили на заборе банку из-под консервов и открыли по ней прицельный огонь земляными ядрами.

Позвали спать. Серёжка попросил разрешения расстрелять весь боевой запас.

— Быстро только, — уступила мама.

А отец сказал:

— Лучше в тир завтра съездим.

— В настоящий? — обрадовался Серёжка.

— В настоящий, — подтвердил отец.

ТИР

Тир помещался в деревянном сарае-навесе. В нём стреляли из настоящего оружия, но без пороха, сжатым воздухом.

Духовые ружья заряжались маленькими свинцовыми пулями. Две копейки штука.

В глубине тира стояли раскрашенные железные мишени: тигры, волки, медведи. Были там и смешные клоуны: попадешь в чёрный кружок над колпаком, клоун задрыгает ногами-руками. Угодишь в мельницу — завертятся крылья.

Перед барьером толпилось много любителей стрелкового спорта.

Хлопали выстрелы, падали волки, тигры, медведи, дрыгался клоун, вертелись пропеллеры мельницы.

Когда дошла очередь до Серёжки, все цели были повержены.

— Одну минуточку, мужчины! — остерегающе поднял руку толстый человек в тюбетейке, начальник тира. — Опустите оружие, будьте осторожны. Даже незаряженное ружьё стреляет раз в год абсолютно самостоятельно!

Говоря всё это, начальник тира прошёл к железным мишеням и стал оживлять их. Поднялся на задние лапы медведь, оскалился полосатый тигр, клоун выставил над колпаком чёрный кружок.

Тигры и волки вроде фашистов. Их не жалко. Но как можно стрелять в весёлого клоуна!

В тире было мужское царство. Серёжка не осмелился громко заступиться за клоуна. Он потянул отца за руку и шепнул в самое ухо:

— Клоуна не надо.

— Понял, — тоже шёпотом ответил отец и спросил на весь тир: — А круглые мишени есть?

Начальник тира отозвался высоким голосом:

— Только на приз, мужчина! Аккорд — пять выстрелов — двадцать копеек. Выбили пятьдесят очков — бесплатный аккорд. Выбили меньше пятидесяти — больше сорока семи — на премию две пульки.

— Согласен, — улыбнулся отец и подмигнул Серёжке.

Начальник тира прикинул бумажную мишень с чёрным кругом.

Все отступили от барьера, чтобы не мешать отчаянному стрелку.

Какой смысл покупать за двадцать копеек аккорд, когда на такую сумму можно получить не пять, а десять пулек?

Отец прицеливался тщательно и спокойно. Один за другим захлопали выстрелы. После каждого болельщики восторженно выкрикивали:

— Десятка! Яблочко!..

Отец выбил пятьдесят очков.

— Снайпер! — хором похвалили меткого стрелка болельщики.

— Вы, конечно же, военный человек, — с уважением произнёс начальник тира. — И конечно же, офицер!

Каким образом он догадался, что Серёжкин папа — старший лейтенант-

инженер? Ведь отец был в штатском. Выяснить Серёжке было некогда. Отец зарядил ружьё премиальной пулькой.

— Давай, Серёга.

Глаза не видели ничего, кроме пляшущего дула и полосатой жестянки с очертаниями тигра. Ружьё выстрелило, толкнуло в плечо. Тигр не пошевелился.

— Ничего, мальчик, — успокоил огорчённого Серёжку начальник тира. — Вырастешь и научишься стрелять, как твой папа. Хотя в тире, конечно же, дети ведут себя, как взрослые, а взрослые становятся детьми.

Мальчишка в соломенной кепке протиснулся к Серёжкиному отцу и солидно спросил:

— Скажите, пожалуйста, как вы брали: под обрез или с просветом?

— В центр, — ответил отец.

— Всё оружие центрального боя! — запоздало объявил начальник тира. Серёжка раньше не знал этого. Потому, наверное, и промазал.

Он утешил себя, что впереди ещё много дней отпуска и можно за- просто научиться стрелять, как папа.

Но больше не пришлось попасть в городской тир. Родители уехали отдыхать в военный санаторий.

Серёжка и с дедом не скучал. И друзья завелись по соседству. Женька и Витка. Братья, но с разными фамилиями. Фамилия Витки была Субботин. Родной Виткин отец, мичман Субботин, героически погиб уже после войны. Дед хорошо знал мичмана и рассказал Серёжке о его подвиге.

МИЧМАН СУББОТИН

В солнечный майский день командир водолазного бота особого назначения мичман Субботин получил приказ немедленно отправиться в Бухту пиратов. Приезжий аквалангист случайно натолкнулся на затопленную немецкую баржу.

В барже лежали мины, бомбы, снаряды. Они давно проржавели в солёной морской воде, и никто не мог поручиться, что этот смертоносный груз спокойно догниёт до конца.

Бухта пиратов — залив между Ялос-Дагом и мысом Рыбачьим. На мысе когда-то стояло три барака, в которых жили рыбаки. После войны там вырос большой посёлок городского типа. Если бы начинка немецкой баржи взорвалась, могли пострадать тысячи людей.

Группа мичмана Субботина получила приказ обезвредить бухту: раз-

минировать чудовищный фугас, поднять со дна каждый снаряд, каждую бомбу и мину, отвезти в открытое море и уничтожить их.

Тральщик ушёл подрывать последнюю партию ржавых боеприпасов, а мичман Субботин, облачившись в водолазный костюм, спустился к барже. Проверить, всё ли сделано как положено.

Минёры-подводники, как говорится, подмели трюм под метёлочку.

Выбравшись из трюма, Субботин обошёл баржу снаружи. Дно было твёрдым, каменистым, баржу не засосало, но обложило вокруг наносным грунтом. Субботин продвигался медленно, часто подсовывая под борт длинный щуп. Вдруг щуп упёрся в какую-то преграду. Субботин разгрёб спрессованный илистый песок и обнаружил металлическое тело в форме цилиндра. «Торпеда», — безошибочно определил мичман.

Во время оккупации в Бухте пиратов базировались немецкие подводные лодки. Перед отступлением гитлеровское командование, предполагая, что в бухту войдут военные советские суда, решило устроить кровавый сюрприз.

В центре бухты затопили баржу с двадцатью тоннами боеприпасов. В качестве детонатора уложили под днище торпеду. От неё протянули на берег кабель к электрической подрывной машинке.

Матросы-десантники дерзкой ночной атакой выбили фашистов, и те не успели довести коварный замысел до конца.

Мичман Субботин был искусным водолазом и опытным минёром, уже после войны обезвредил не одну сотню морских мин и других «штучек». Он знал, что фашисты всегда ставят дополнительные взрыватели, специально для разминирователей.

У торпеды под баржей наверняка есть коварный секрет. Раскрыть его не просто. Баржу не приподнять. Да и рискованно: между днищем и торпедой может стоять отжимной взрыватель. Освободишь его, он и ахнет. И трюсом торпеду не потянешь.

«Придётся руками откапывать. От головы до хвоста», — пришёл к выводу мичман и просигналил «подъём».

Матросы отсоединили сферический шлем с иллюминаторами, помогли стянуть резиновый скафандр. Мичман выкурил папироску и велел подать акваланг.

Перед спуском под воду не очень-то хорошо курить, но никто ничего не сказал. Не потому, что мичман командовал на боте. Он собирался на поединок с самой смертью.

Записав в бортовой журнал о торпедо и своём решении разминировать её в одиночку, Субботин приказал отвести бот в море, дабы не рисковать жизнью своих подчинённых.

— Пошёл, — сказал мичман и спиной кинулся в воду.

Навсегда.

11

...Огромный султан воды взлетел над бирюзовой гладью, опал, тугими кольцами разошёлся по бухте, расшибся на мелкие брызги о береговые скалы.

Некуда было возложить ни венков, ни мичманской фуражки.

Бухта пиратов стала безопасной, но за ней укрепилась мрачная слава. Не заходили сюда прогулочные катера, не бросали якоря рыбацкие баркасы, туристы не ставили палаток в прибрежных скалах.

Место считалось таким же гибельным, как во времена морских разбойников, хотя с Бухтой пиратов связывалось теперь в народе светлое и благородное имя Виткиного отца, мичмана Субботина.

Глава седьмая

КРАБ БИКФОРД ВИРГИАНОВ

Витка не любил санаторный пляж. Море в загородке! Вдоль берега — решётчатый забор, по бокам — ржавые сети на сваях, в море — ограждение из красных буйков. Заплывёшь дальше, подлетит катер, и зарычат в мегафон:

— Грражданин! Веррнитесь в зону пляжа!

Не море, а запретная зона. В воде до самых буйков — головы, головы, головы.

И всё-таки Витку тянуло на санаторный пляж. Здесь открывался особенный вид на мыс Ялос-Даг.

Прекрасная Ялос-Даг («ялос» — по-гречески берег, «даг» — гора) восхищала и манила курортников и экскурсантов. Курчавая зелёная вершина, обнажённые скалы, выступы, дикое нагромождение обломков у воды. На Ялос-Даг ежедневно совершались туристические экскурсии и походы. Любили туда ходить и местные ребята. Только Витка Субботин никогда не лазал на Ялос-Даг. Для него это была не гора, а памятник.

Люди без воображения или не в меру восторженные сравнивали гору с римским профилем. Витка другое лицо видел...

Ему было четыре года, когда не стало отца. Вскоре мать вышла замуж за угрюмого моториста. Витка, не отгоревав ещё тяжкой потери, сторонился отчима с первого дня. Отчим тоже не навязывался с родством. Не выделял пасынка в семье, как чужого, но и не обнаруживал особых нежностей. Да

и родного Женьку не очень баловал. Такой уж у отчима характер был.

Соседи помнили мичмана Субботина, гордились им и относились к сыну погибшего героя с явным состраданием. Витка всегда это чувствовал и втайне обижался. Он не считал себя бедным, несчастным сиротой. Если чего и доставало ему, так только одного. Витке не доставало мужской дружбы, на равных, без скидок на сиротство, и он время от времени заводил знакомства с отдыхающими из санатория. Мужчинами.

Вообще-то Витку знал весь санаторный пляж. Витка добывал раковины и крабов, ловил морских коньков, рыбу-иглу, и всё это раздаривал любителям сувениров. Заказы сыпались со всех сторон.

— Витка, достань краба, а?

— Витуся, милый, подари мне, пожалуйста, красивую раковинку!

— Вита, я хочу отшельника.

Будь Витка дельцом, он бы заработал кучу денег. Как тётка Важиниха. Она скупала рапаны у подводных изыскателей вёдрами, словно картошку.

С аквалангом и дурак рапану найдёт. С аквалангом по дну можно, как по огороду, ходить и рапану вместо репы дёргать. Ты с простой маской попробуй! За каждой рапаной по два раза в лучшем случае нырять приходится. И метров на десять, а то и глубже.

Важиниха скупала рапаны оптом, а продавала поштучно. Отмочит их в тёплой воде, очистит от моллюсков, лаком протрёт — и налетай, хватай экзотику!

Пока фабричного снаряжения не было, Витка тоже не отказывался от серебра в награду за нелёгкий труд. А обзавёлся маской, трубкой и ластами, перестал деньги брать. Какая радость от торговли?

Он не промысловик, а исследователь, плавает и ныряет, чтобы изучить подводный мир. Витка перечитал все книжки о жизни моря, помнил названия водорослей, русские и иностранные имена рыб, моллюсков, крабов.

Здорово, что космос осваивается. Только и моря-океаны забывать нельзя. В школе рассказывают о Луне, Марсе, кометах, заставляют вызубривать, сколько колец у Сатурна. А как начнётся про море — смех и грех.

«Моря омывают нашу Родину почти со всех сторон». Забегала указка по карте.

«Моря и океаны, омывающие наши побережья, богаты ценными породами рыб и млекопитающих». Пошёл списочек богатств! И все почти на одну букву: киты, котики, кефаль, кета, килька, краб камчатский...

Подумаешь, в Камчатском море — камчатский краб! В Чёрном море не только черноморские живут, а и балтийский краб, и оксанский, эмигрант

из Северной Америки, Blackfordia Virginiana. По-русски — Блэкфордия Виргиниана. Или чуточку иначе. Витка ещё не изучал чужие языки, но расшифровал это имя полностью, по словарям. Black — чёрный, ford — брод, virg — ветвь. В общем, Витка перевёл так: «Ветвистый чёрный бродяга». Наверное, не очень точно. Но и Витку неправильно называли. Виктор он, Витя, Витька, а не Витка. Женька, когда маленьким был, без мягкого знака обходился. С тех пор и прилипло — Витка.

Новый Виткин друг — он до всего дотошный — сразу выяснил настоящее имя и обращался как к равному: «Виктор». Или по-модному: «Старик».

— Зови меня без отчества-мочества, старик, — сказал он. — Надоели церемонии-антимонии. Зови просто: Станислав.

СТАНИСЛАВ

Дружить с ним было весело и интересно. Они встречались ежедневно на прокатной станции, ровно в шесть часов. Брали шлюпку и выходили в море.

Витка садился на вёсла, а Станислав удобно устраивался на корме. Станиславу за тридцать, но выглядел он моложе. Высокий, мускулистый, с курчавым пушком на груди. Короткая причёска с боковым пробором, дерзкие умные глаза, рот с постоянной иронической усмешкой. Полная противоположность Витки.

Витке — одиннадцать, а на вид все пятнадцать. Поджарый, загорелый дочерна; выцветшие белёсые волосы не стрижены с начала лета. Лицо до глаз — отцовское: крепкий подбородок, добрые губы, прямой нос. А глаза неизвестно в кого: янтарные, в густых ресницах.

Станислав сбрасывал полосатую тенниску и оставался в одних шортах из тёмно-синей болоньи.

- Итальянские? — спросил как-то Витка.
- Шорты-морты? Нет, старик, наши. Мэйд ин тут. Тутошние.
- Мэйд — это маде?
- Мэйд — это мэйд. Пишется — маде, читается — мэйд.
- Ты и английский знаешь, Станислав?
- Болтаю немного... Возьми левее, Виктор.

Витка несколько раз сильно гребнул левым веслом.

- А как перевести слово «Блакфордия»?
- Блэкфорд?

— Букву «р» Станислав произносил как-то особенно. Вместо одного звука получалось два — «рл».

— Блэкфорлд? «Блэк» — чёрный. «Форлд» — брод, бредущий. Чёрный бредущий, вероятно. Где ты это вычитал?

— В книжке.

— Да? А я думал, что на вывеске. Ресторан «Чёрный бродяга». Звучит!

— Это не ресторан. Это краб такой, переселенец из Северной Америки.

— Мэйд ин УСА... Хватит, старик. Суши вёсла. Подрейфуем.

Витка переставал грести и настраивал самодур. Самодурами называют рыболовные крючки с пёрышками селезня вместо наживки. Пёрышко крепится цветной ниткой. На одну леску подвязывают штук шесть-семь самодуров. Тяжёлый свинцовый грузик и — снасть готова. Ни удилица, ни червей не надо.

Самодуром ловят ставриду. Известно, что в августе ставрида не идёт. Станислав и не гнался за богатым уловом. Подложив под спину пробковый круг, он блаженно грелся под мягким утренним солнцем.

Опустив за борт самодуры, Витка стравливал несколько метров лески и плавно подёргивал её. Когда ставрида идёт, сразу по нескольку штук нацепляется. Глупая рыбёшка принимает яркое пёрышко за малька и бросается на крючок.

— Не клюёт? — лениво спрашивал Станислав.

Витка оправдывался:

— Рано, сезона нет.

— Аллах с ней, старик! Разве в этом счастье?

Конечно, счастье заключалось в том, что Витка и Станислав вместе, рядом. Утренние морские прогулки были лучшими часами в Виткиной жизни.

Отпуск Станислава подошёл к концу. Они ещё раз встретились на лодочной станции.

— Завтра-мавтра уже не выйдет, старик. День сборов и прощаний. После ужина — автобус, вокзал, поезд-моезд и... Такова жизнь! Сплошные расставания. А вы чего страдаете, старики?

Женька и Серёжка, глядя на печальное лицо Витки, тоже загрустили. Взять брата на рыбалку велел Витке отчим. Женька его настропалил. Витка запротестовал, но отчим сказал, как отрезал: «Тогда и сам не пой-

дѣшь». Мало того, Женька и Серёжку, внука Николая Петровича, потащил за собой.

Витка махнул рукой: всё равно последняя прогулка испорчена.

— Так что же вы страдаете, старики?

— Недоспали, видно, — хмуро ответил за ребят Витка и освободил лодку от цепи.

Серёжка с Женькой устроились на носу, Станислав, как обычно, разлёгся на корме, а Витка сел на вёсла. Он выгреб на середину бухты и закинул самодур. Ничего не ловилось, и Витка занервничал.

— Брось расстраиваться, старик, — успокоил Станислав.

Женьке понравилось, что Станислав так беспокоится о его брате.

— Он хороший дядька, правда? — тихо спросил Женька у своего друга.

— Ага, — подтвердил Серёжка. Дядя Станислав и ему симпатичным показался. Весёлый такой! «Стариками» всех называет.

— Брось расстраиваться. Аллах с ними! Аллах-феллах. Кстати, а кто такие феллахи?

— Египетские колхозники, — ответил Витка, подёргивая леску.

— Стари-ик! Какие же в Египте колхозники-совхозники? — Станислав засмеялся.

Женька с Серёжкой не очень поняли, в чём дело, но им тоже весело сделалось.

— Ну, просто крестьяне, — поправился Витка.

— Крестьяне-миряне. А ещё кого ты знаешь в Египте?

— Кого проходили в школе, того и знаю, — нехотя сказал Витка и строго оглянулся на ребят. Те притихли.

Разговор забавлял Станислава, он удобнее улёгся на круг.

— А фараон? С чем его едят?

Витка лукаво хмыкнул. «Второй раз не подденешь!»

— Не мидия, есть не будешь. Фараон — сушёный царь.

Станислав икнул и съехал с кормовой банки на дно. Он трясся от смеха, охал, постанывал, подскакивал, как рыба в лодке.

Витка втянул голову в острые плечи. Женьке и Серёжке за него стало обидно. И зло взяло на Станислава: чего он издевается!

— Не смейся! — крикнул Женька и сжал кулаки.

И Серёжка на Станислава исподлобья посмотрел.

— А у тебя верные защитники, старик! — удивлённо произнёс Станислав, оборвал смех и, опять забравшись на корму, сказал миролюбиво: — Ты фараона с мумией спутал. Но — «фараон — сушёный царь» — это гениально, старик! С меня двадцать коп.

— Какие ещё копейки?

— Ну, так говорится, когда кто-нибудь удачно схохмит. У нас... Нет, к чертям служебные воспоминания! К чёрту город-мороз. Да здравствует природа! Первозданная, дикая, нетронутая, прекрасная!

Он закинул руки за голову и засвистел какую-то песенку.

Витка сосредоточенно подёргивал леску. Женька с Серёжкой, сколько ни вглядывались в зелёную воду, не увидели ни одной рыбки.

Станислав следил за ребятами через смежённые ресницы. И вдруг сказал с затаённой тоской:

— У меня ведь тоже есть сын. Яшка — светлая мордашка. Потрясный парень. Поймал бы ты краба, что ли, для него на память, а, старик? Приеду, непременно встречу с ним. И краба вручу. Дар моря. Скажу: от лучшего друга, Виктора Севастопольского.

— Его фамилия не Севастопольский, а Субботин! — крикнул Женька, он ещё не отсердился.

— Субботин? — Станислав нахмурил лоб и задумался, припоминая что-то. — Субботин, Субботин... Мичман Субботин?

— Да, — взволнованно подтвердил Витка.

— Мичман Субботин! О нём же трёхколонник в газете был.

— Какой «трёхколонник»? — Витка насторожился.

— Статья на три колонки. Мичман Субботин! Ну, как же... Он ведь... геройски...

— Погиб, — досказал Витка и отвернулся к Ялос-Дагу.

Станислав внимательно посмотрел на Женьку:

— И ты — Субботин?

— Нет, — ответил Женька и быстро добавил: — Только мы с Виткой всё равно родные!

— Понятно... — Станислав протяжно вздохнул и повторил: — Понятно, старики...

Витке не хотелось говорить об отчине. Он вспомнил, что Станислав непременно встретится с своим сыном. Разве они не вместе живут?

— Это всё сложно, старик.

Станислав не захотел поделиться с другом своей тайной, и Витка не посмел настаивать. А краба он такого добудет для Яшки — светлой мордашки — весь пляж ахнет!

Хорошего краба найти нелегко. Витке нужен был не просто хороший, а выдающийся краб. Такие в санаторном заливе и не водятся. Редкостные экземпляры живут лишь в Бухте пиратов.

Витка с вечера приготовил снаряжение, но вдруг выяснилось, что завтра воскресенье и мать с отчимом уезжают в дальний колхоз за дешёвыми огурцами для засолки. Женька остаётся на Виткино попечение.

В Бухту пиратов Витка сам ходил очень редко, а Женьку и подавно никогда не брал.

Можно было поговорить с Николаем Петровичем. Ему всё равно с приедем внуком возиться. Но Витка не любил обращаться за помощью. Это его все о чём-нибудь просили. Или приказывали, как отчим.

Кроме того, если мать с отчимом придут раньше, чем Витка возвратится из бухты, пощады не жди... Придётся взять Женьку с собой.

Женька, конечно, обрадовался, даже не спросил куда. Он с братом хоть на край света идти готов! Только хорошо бы и Серёжку прихватить. Бабушка его на базаре, а у бабушки Николая Петровича нога разболелась.

— У него осколки чешутся, — объяснил Серёжка.

— Давай возьмём, — заканючил Женька. — Давай! Ему скучно. И мне будет скучно.

«И верно, — подумал Витка, — вдвоём веселее. Поиграют, удочки взять можно. Женьку бросить одного — перекупается до посинения».

Но пришлось соврать немного:

— Мы близко, Николай Петрович, за санаторный пляж. Там бычки ловятся и собаки.

Морского конька Серёжка видел — у Женьки засушенный есть. Собаки в Заполярье лучшими Серёжкиными друзьями были. Но ловить собак! В море!

— Это рыбка такая, вроде окунька, — пояснил дед. — Ну, добро. Идите. Я знаю, ты, Витка, парень самостоятельный. Положиться можно.

— Не подведу, Николай Петрович.

— И сомнения нету!

Витка опустил глаза. Скажи Николай Петрович ещё что-нибудь в таком роде, Витка бы покался, что обманывает. Не на пляж, в Бухту пиратов собрался.

— Нате вот, возьмите, опять же мороженое на пляже купите.

— Спасибо...

Мороженого Витка купил две порции. Гривенник сэкономил на автобус.

Они доехали до Рыбачьего, прошлись пешочком и — вот она, Бухта пиратов.

Нашли укромное местечко. Нависающая скала давала тень, подводная гряда подковой отделяла тихую мелкую заводь.

— За риф не заходить! — строго предупредил Витка. Он выловил ми-
дию для наживки, настроил удочки ребятам и уплыл в море.

Прибрежная галька кончилась, началась песчаная полоса. По дну ползали раки-отшельники, суетливые и нагруженные, как муравьи. Только белые и непомерно большие.

В маске сквозь толщу воды всё выглядит увеличенным раза в два с половиной.

Пустые створки морского гребешка лежали на дне фарфоровыми блюдечками. Изредка пробегали боком крабы-песчаники. Жёлтые, с зеленоватыми пятнами, словно азиатские дыни, только поменьше и круглее.

Солнце пробивалось до дна и плескалось золотыми «зайчиками».

Витка плыл кролем, чтобы скорее добраться до глубоких мест. Начались подводные камни, обросшие разноцветными водорослями: зелёными, синими, фиолетовыми. Между камнями грациозно покачивались нежно-салатные листья зостеры. На подводном лугу паслись морские коньки; ленивые зеленухи, толстые и нарядные, тыкались в водоросли, будто коровы в траву.

Вскоре показалась тёмная громада, плоская, длинная, тупоносая к берегу и заострённая в море. Витка давно прозвал эту скалу Утюгом.

Он знал бухту, как собственный двор. От Утюга надо повернуть влево, и метров через двадцать объявятся Близнецы: два одинаковых камня рядышком. В створе Близнецов, дальше в море, стоит Замок Ихтиандра. Крыша замка у самой поверхности, можно постоять отдохнуть. Фундамент сверху не виден: глубоко, вода внизу тёмно-синяя. Чтобы осмотреть Замок Ихтиандра, приходится нырять раз пять. Замок великолепен: карнизы, гrotты, башни. По-другому и не назвать — настоящий древний замок.

У Замка Ихтиандра Витка задерживаться не стал. Есть там и рапана и крабы. Но краба взять сложно: заберётся в расщелину — не достанешь.

Море внизу почернело. Витка не боялся глубины, но, когда не видишь дна, тянет повернуть назад. Даже под толщей воды дно ощущается, как земля под ногами.

Прижав руки к бёдрам, Витка плавно опрокинулся вниз головой. Он

не очень глубоко нырнул, только чтоб дно увидеть. Почувствовав давление в ушах, он вытянул вперёд руки и, волнообразно изгибаясь, пошёл горизонтальным курсом. Дно просматривалось, как в буром тумане. «Филлофора пошла», — определил Витка.

В красных зарослях филлофоры мало рыб, зато водятся крабы.

«Тут и поищем», — решил Витка и пошёл вверх. По пути он пересек густую серебристую стаю. «Ставридка появилась! Жалко, что завтра Станислав уезжает...»

Витка готовился к спуску и лишь пошевеливал лапами, отдыхал.

Внезапно послышался странный клёкот. Витка приподнял голову и огляделся. Поблизости играла килька. Вода кипела.

Появилась чайка, высмотрела добычу и спикировала. Клёкот мгновенно прекратился. Чайка взлетела, и опять море забурило.

«Соображает! — с уважением подумал Витка. — Мелочь ведь, с мизинец всего. В голове кильки и места для мозгов нету, а на тебе, понимает опасность, хитрит. Живое существо, не мумия».

Вляпался он тогда с сушёным царём! Станислав бы о флоре и фауне моря спросил — это Виткина область. Поймает Витка краба для Яшки — светлой мордашки и на бумаге имя напишет по-русски и по-латынски. Краба Витка непременно найдёт. Яшке на радость. Маленький, а уже горе мыкает. И Станиславу не очень-то: единственного сына не всегда видеть может...

Витка перестал двигать ногами. Под ним важно и безбоязненно плыл морской кот. Широкие рыжие крылья развевались испанским плащом; длинный хвост торчал как шпага. Чёрные бугорки глаз смотрели из-под косых век нагло и угрожающе.

«Иди себе своей дорогой», — мысленно сказал коту Витка. Он не собирался его трогать. Со скатом вообще лучше не связываться: даст хвостом, мучайся потом. Морские коты не электрические, но ядовитые.

«Иди, иди, разбойник».

Черноморская рыба научилась отличать пловцов от охотников. Кот тоже понял: у Витки ни ружья, ни остроги. На поясе — пустой бумазейный мешочек и короткий самодельный ножик с деревянной ручкой. Кот растаял в синеве, и Витка оглянулся на берег. Береговые камни слились с тёмной галькой. Далеко уплыл. Надо поторапливаться. Он глубоко вдохнул и пошёл вниз.

Сдавило виски, в уши ворвалась вода. Витка даже свист слышал. Ласты бурлили воду; вверх тянулся пузырчатый белый след.

Живот втянулся, а грудь выперлась до подбородка.



Наконец проявилось во тьме коричневое пятно. Оно расширилось и покраснело. Витка заскользил над красными водорослями. Было видно как на земле в густые сумерки.

Крабы тоже приспособленцы и хитрецы. В зарослях филлофоры перекрашиваются в красно-коричневые тона. Маскируются.

Можно ещё немного пошарить по дну, но и на подъём надо воздух оставить. Витка оттолкнулся ногами и пошёл вверх.

Отдышавшись чуточку, нырнул снова.

После третьего погружения пришлось хорошенько «продуться». Уши работали нормально, на подъёме вода с шумом освобождала барабанные перепонки, но немного воды оставалось. Витка сдвинул на лоб маску, зажал нос и сильно дунул. Из ушей будто пробки выскочили.

Нырнув до самого дна в пятый раз, Витка нашёл того, кого искал. Разглядеть краба он толком не успел, увидел, что огромный, запомнил место и рванул вверх. Не теряя времени на продувание, набрал полные лёгкие свежего воздуха и стремительно кинулся обратно.

Крабы глаза, как островные маяки, во все стороны глядят. Краб увидел Витку и занял оборону. Хитоновый щит — торчком, клешни — как рога расставлены, щёлкают, будто кусачки.

Витка чуть не хлебнул воды от восторга. Такого краба он ещё никогда не ловил! Даже в Севастополе на биологической станции такого не видел.

Обычно Витка заходил на краба сверху или подкрадывался идя над самым дном, правой рукой прижимал панцирную спину, а другой хватал слева все пять ходильных ног. Указательный палец подпирает клешню: ни цапнуть, ни вывернуться.

Этого голыми руками не трожь...

Взяв ножик за лезвие, Витка быстро сунул деревянную ручку крабу. Клешни намертво сомкнулись. Витка мгновенно ухватился за панцирь. Он был слишком велик, почти вершок в поперечнике. Не удержать. Надо бы прижать краба и правой рукой взять ходильные ноги справа, но Витка привык делать это левой рукой. Так, конечно, удобнее, правая рука остаётся свободной.

Едва Витка отпустил панцирь, краб почувствовал свободу и резко повернулся. Лезвие ножа задело ладонь. Витка инстинктивно поднёс руку к маске. Пореза он не рассмотрел, но потерял драгоценную секунду. Опомнившись, Витка снова атаковал краба. Клещеногий не бросил ножа, пришлось действовать осмотрительнее.

Кончался запас воздуха. Кровь прилила к голове. Витка больше не

мог оставаться на дне. Но краб... Витка в последнем отчаянном броске изловчился и накрепко схватил когтистый пучок. Краб выпустил нож, Витка уже не мог думать ни о чём другом, только о глотке воздуха.

Подъём казался вечностью. Голова раскалывалась, в уши будто вдвигали тупые гвозди, а грудь стягивали широким обручем. Нестерпимо хотелось выдохнуть, разлепить сдавленную гортань.

В глазах помутилось, будто запотело стекло маски.

...Он не видел и не помнил, как выбрался к солнцу и небу. Делал всё правильно, но совершенно автоматически. Лёг на спину, вытолкнул изо рта загубник и дышал, дышал, дышал часто и жадно.

Когда начал соображать, первая мысль была о крабе. Нет, не разжал пальцы, не выронил драгоценную добычу!

Витка приподнял руку с крабом над водой и издал торжествующий вопль. Мощные передние лапы с чёрными клешнями были мохнатыми, обросли щетиной и ходильные ноги. Бурый панцирь, словно днище корабля, облепили мелкие бутончики ракушек.

В руке шевелился великолепный мохнатый бродяга, пришелец из океана. Virginiana, очевидно, переводится и как «мохнатый». Но Black...

«Так он же в Америке чёрный! — догадался Витка. — В океане. А здесь, в филлофоре, красным сделался. Мимикрия!»

— Ур-ра! — завопил Витка и смолк. Он не слышал себя.

Торопливо распустив тесёмки на мешочке и поместив туда краба, Витка зажал нос, сомкнул рот и резко дунул.

Ничего не получилось. Уши заложило ещё плотнее, а из носа выдавилась кровь. Сначала Витка подумал, что это из руки, но на ладони виднелась лишь розовая чёрточка.

«Очень уж глубоко там», — подумал Витка и поплыл к берегу.

Мешочек с крабом тёрся о бедро. Острые коготки проткнули тонкую бумазею и царапали кожу. Витка был счастлив победой, и ему казалось, что не царапает, а ласкает его покорённый Blackfordia Virginiana.

БИКФОРД ВИРГИАНОВ

Пока Витка плавал, Женька и Серёжка не тратили времени зря. Женька разбил камнем чёрную раковину мидии, нацепил розовые кусочки моллюска на крючки, и началась рыбная ловля.

Они забрели по колени в воду, встали на плоский камень и забросили удочки. Даже не забросили, а опустили: рыбёшки ходили у самого камня.

Ребята, стоя на коленях, глядели вниз и терпеливо подводили крючки с наживкой к рыбе.

Женька таскал бычков одного за другим. Наконец повезло и Серёжке. Зеленоватая в крапинках рыба заглотила кусочек мидии, Серёжка дёрнул удилище к себе.

— Собака,— определил Женька с одного взгляда.— Ничего, крупненькая.

Серёжка ошалел от восторга:

— Огромная! Смотри-смотри: в руке не помещается! Даже хвост свисает!

— Крупненькая,— подражая кому-то, опять похвалил Женька.

— Ага! Я сразу понял. Тяну, тяну, тяну... Она упирается, а я тяну, тяну. Даже руки заболели!

— Давай с крючка сниму,— предложил свою помощь Женька.— А то упустишь ещё.

— Я сам!

На всякий случай Серёжка вылез из воды и присел под скалой. Отсюда рыба не сбежит!

Возвращаясь обратно, он чуть не наступил на фиолетового жука. Серёжка низко наклонился и увидел, что это не жук, а настоящий краб, только маленький-маленький. Рядом ползал по камням ещё один.

— Крабные дети! — закричал Серёжка. Он отбросил удочку и стал гоняться за крабами.

Малюсенькие, а такие вёрткие! Серёжка подкрадывался осторожно-осторожно, погружал в воду руку — и хват! А краб уже под камень улизнул. Сдвинет Серёжка скользкий голыш, а краб — юрк в другую щель.

Серёжка хохотал от удовольствия как ненормальный. Даже повизгивал. Женька не выдержал и тоже смотал удочку.

Они забыли о рыбалке, купании, обо всём на свете. Целый час лазили по камням. Женька одного крабёнка изловил. И Серёжка. Только Серёжка своего выпустил. Краб, даже не краб, а крабище, он больше всех других был, куснул его. До крови! На кончике пальца выступила красная капелька.

— Ух ты, какой кусучий! — не столько возмутился, сколько загордился Серёжка.

Едва Витка вылез на берег, Серёжка сразу показал ему раненый палец:

— Это краб укусил! Кусучий страшно!

Витка безразлично кивнул и разлёгся на тёплой гальке. Из носа медленно текла кровь.

— Ты нос разбил! — встревожился Женька.

Брат не отзывался. Лицо его было бледным, словно весь загар в море облез.

— Витка! — закричал Женька и затормозил его.

— Сейчас пойдём, — вяло произнёс Витка, не открывая глаз.

Отлежавшись, он попытался очистить уши. Продувался, прыгал на одной ноге. Всё напрасно.

— Покажи, чего поймал, — попросил Женька.

Витка, не обратив внимания, укладывал в авоську снаряжение.

— Покажи!

Витка и головы не поднял.

Серёжка и Женька переглянулись.

— У него уши заложило, — шёпотом сказал Женька и не стал больше приставать.

Дома, как и следовало предполагать, ждали неприятности. Николай Петрович дважды ходил на санаторный пляж и, разумеется, не нашёл никого. Спасибо ещё, не поднял тревогу, не всполошил спасательную станцию.

Только ступили на порог, приехали мать с отчимом.

— Помогите огурцы перетаскать! — позвал отчим.

Николай Петрович выразительно посмотрел на Витку, но ничего не сказал. Взял Серёжку за руку и ушёл.

— Ты что, оглох? — разозлился отчим и стукнул Витку по худому затылку.

— У него уши заложило, — заступился за брата Женька.

Мать подбоченилась и напустилась на Витку:

— Опять нырял? Утопить хочешь!

Хорошо, что никто не знал, где спрятано подводное снаряжение. Витка не слышал матери, но догадывался, о чём она кричит...

— Сейчас же иди в поликлинику!

— Выходной сегодня, — сказал отчим угрюмо.

Мать всхлипнула:

— Мало ему, что отец в море загинал, так ещё и сам в пучину лезет.

— Мичман за общее дело голову сложил, а этот...

Отчим ничего хорошего о пасынке не добавил и всё равно заставил перебирать огурцы для засолки.

Витка сортировал огурцы и думал об отчине. Много обид на него накопилось в душе. Чёрствый человек! Даже странно слышать от него светлые слова о погибшем отце...

Ошибался Витка, рассуждая так об отчине. Не всегда моторист был

таким суровым и молчаливым. Он замкнулся и очерствел после гибели жены и дочери в осаждённом Севастополе. И после войны не оттаял, остался угрюмым и нелюдимым. Команда водолазного бота особого назначения сторонилась моториста, хотя уважала как отличного специалиста и надёжного товарища.

Когда мичман Субботин погиб, моторист принял на себя заботы о вдове и осиротевшем мальчике. Потом он стал его отчимом.

Витка ничего не знал об этом. Он не понимал отчима, как, наверное, и отчим не понимал его, Виткиной души.

Серёжка и Женька поели, выспались, а Витка всё с огурцами в подвале возился. Уши у него так разболелись, что пришлось платком повязаться.

Ребята переживали за Витку и, кроме того, извелись от неутолённого любопытства. Какого же краба он поймал, если оглох и кровь из носу пошла?

Они сидели у входа в подвал и тихо беседовали.

— Ему сильно попало? — спросил Серёжка.

— Не-е... — Лёгкие подзатыльники и шлепки Женька не считал битьём. — Дал разок по шее, и всё.

— Больно, наверное. — Серёжка страдальчески сморщился.

— Нисколечко!

Серёжка подумал, что будь у Витки такая же фамилия, как у Женьки, никто бы его не обижал.

— А Витка не может твою фамилию взять?

— Чудак ты! У Витки же отец знаменитый герой, мичман Субботин. Про Субботина все знают. Даже Станислав! Зачем Витке другая фамилия?

— Чтоб родным сделаться.

— От фамилии люди родными не делаются.

Женька обхватил руками голые коленки и надолго задумался.

— Послушай, — заговорил он через какое-то время, — вот у Витки два отца: родной и не... Но мы же с Виткой братья! Значит, я тоже немножко Субботин?

Из подвала вышел Витка. Отчим отправил его отдыхать. Витка глянул по сторонам и таинственно поманил ребят. Он увёл их в дальний угол двора, к старой вишне. Все присели. Витка вытащил из-под кучи сухой картофельной ботвы влажный мешочек и бережно вытряхнул на землю краба.

Серёжка как сидел на корточках, так и отпрыгнул назад.

— Лягушонок, — сказал, улыбаясь, Витка, довольный сильным впечатлением, которое произвёл его краб.

— Мохнатый! — сдавленным голосом протянул Серёжка.

— Блэкфорд Виргиниана, — торжественно объявил Витка.

Женька с восхищением и гордостью взглянул на брата.

— Такого ещё никто не ловил!

— Можете потрогать, — милостиво разрешил Витка.

Ребята, словно по команде, спрятали руки за спину.

— Ещё бороду помнём, — благородно отказался Серёжка и торопливо прибавил: — У меня тоже крупненький был. Меньше, конечно, но зато такой кусучий!

И он показал Витке палец.

— Не бойтесь, — успокоил Витка, — я его в газету заверну. Краб, его хоть в папиросную бумагу упакуй, сразу смирным делается. Жень, ты ведь знаешь, где Станислав обедает?

— На веранде.

— В самом углу, на веранде. Сбегай, отнеси краба. Сейчас ужин как раз. И спроси, автобус когда. Попрощаться я приду. А в столовую неудобно в таком виде появляться.

Смуцал не внешний вид. Не хотелось глухим с крабом к Станиславу идти.

— Можно, и я с Женькой? — попросил Серёжка, но вспомнил: Витка же не слышит...

Они несли толстый пакет с крабом по очереди. Совсем не страшно было. Витка завернул краба в газету и перевязал шпагатом. Он велел сразу не говорить Станиславу, что и от кого. Удивится сперва, потом сам догадается. Такого краба только старик Виктор мог добыть со дна морского для Яшки — светлой мордашки.

Имя «Бикфорд» для Серёжки не было новым. У сапёров шнур есть, бикфордов. Толовые заряды поджигать. Наверное, Бикфорд не только запальный шнур изобрёл, но и краба первым нашёл. А фамилия у краба прежняя осталась, Виргианов.

Женька влез на перила, просунул голову через зелёную стену винограда и заглянул на веранду. Станислав ещё не приходил ужинать.

Ребята притаились за гипсовой вазой и стали караулить.

Женька отдал пакет Серёжке.

— Пойдёшь ты. Сюрпризнее получится.

Наконец появился тот, кого они ждали. Высокий, загорелый мужчина в шортах и полосатой, под тельняшку, нейлоновой тенниске. На ногах резиновые «вьетнамки». Серёжка и не узнал его сразу.

— Иди,— шепнул Женька.

Серёжка вышел навстречу.

— Вы — Станислав? — сурово спросил он, будто видел его впервые в жизни.

Мужчина остановился, удивлённо посмотрел сверху вниз на мальчика в соломенной кепке с красноармейской звездой и в голубой рубашке, испачканной извёсткой.

Станислав удержался от улыбки и, браво прищёпнув «вьетнамками», доложил:

— Так точно, мой генерал!

— Вам пакет!

— О-о! — воскликнул Станислав, пытаясь на ощупь определить содержимое газетного свёртка. — Благодарю вас, мой генерал.

— Сварить в крутой солёной воде! — отчеканил инструкцию Серёжка. Витка говорил, что надо бы в муравьиную кучу положить, да уж некогда.

Придётся сварить, а то... — А то завоняется!

— Всё будет исполнено, мой генерал.

Серёжка молча отдал честь и хотел удалиться, но Станислав придержал его.

— На два слова, старик! Я понимаю: военная тайна, но... От кого пакет, мой генерал?

Разве можно что-нибудь утаить от такого прекрасного человека!

— От Витки,— шёпотом сказал Серёжка и убежал.

Женька нагнал его у лестницы. Они стремглав взлетели по каменным ступенькам и пропустили по дороге к дому.

Почти у самого двора Женька вспомнил, что так и не выяснили, когда отправляется автобус. Пришлось возвращаться. Только теперь ребята уже не бежали, а шли. Устали.

Они опять подкрались к веранде с двух сторон и заглянули внутрь.

За угловым столиком ужинали двое: Станислав и незнакомая женщина. Они не просто ужинали. Они пировали. В стаканах пенилось жёлтое пиво; на большом блюде лежало что-то оранжевое и белое. На тарелочках громоздились оранжевые скорлупки.

— Обожаю снатку!

Женщина с хрустом раскусила толстую лапку.

Станислав отхлебнул из стакана. На верхней губе осталась белая пена.

— Снатка — камчатский краб, — со снисходительностью знатока сказал он. — Данный экземпляр выловлен здесь. Между прочим, это не абориген, то есть не коренной житель, а пришелец из Северной Америки.

— Импортный!

— Почти. В штатах его называют Блэкфордиа Виргиниана. Что в переводе...

Дальше Серёжка уже не слышал. Он дёрнулся назад, прыгнул на землю и бросился вон от страшного места. Женька последовал за Серёжкой.

Они ни о чём не говорили. Оба всё видели и всё поняли.

Витка сразу догадался: произошло нечто ужасное, непоправимое.

В глазах у ребят дрожали слёзы, губы тряслись и кривились.

— Потеряли?

Ребята отрицательно замотали головами. Говорить они ещё не могли.

— Уехал?

Женька качнул головой: «Нет».

— Передали краба?

Оба подтвердили.

Витка успокоился.

— Когда автобус?

— Нет! — вне себя закричал Серёжка, и слёзы градом хлынули на потные щёки. — Не ходи к нему! Они съели Бикфорда Виргианова! Съели! Съели!

Глава восьмая

РИО-ДЕ-РАЗДОЛЬЕ

Вероятно, нет на свете города с более заманчивым названием, чем столица Бразилии. Попасть в Рио-де-Жанейро мечтали многие литературные герои: отчаянные мальчишки и отпетые авантюристы.

Новый Серёжкин гарнизон на географических картах ещё не обозначен, и знает о нём не так много людей.

Официально гарнизон именуется — Раздолье. Бытует и другое имя, шутовское — Рио-де-Раздолье. Посёлок закладывали в раздольной степи, на голом месте. Первые жители ютились в палатках. Брезентовый городок как бы временно исполнял обязанности будущего Раздолья. Вот и пустил кто-то из романтиков и острословов: ВРИО-де-Раздолье.

Палатки давно уступили место кирпичным многоэтажным домам, слово

«временно» утратило смысл, буква «В» отпала, а Рио-де-Раздолье осталось.

Рио-де-Жанейро красуется на берегу Атлантического океана. В Рио-де-Раздолье ни океана, ни моря, ни озера, ни реки. Только водонапорная башня. И если сравнивать гарнизон с дальними землями, то не с Бразилией, а с пустыней Сахарой. Военный городок посреди рыжей, раскалённой, как солнце, степи сродни оазису.

В Рио-де-Раздолье, как в оазисе, много зелени: клумбы, деревья. Их поливали ранним утром и вечером. Но они, наверное, всё равно перегревались от жары. Вид у деревьев был унылый и истомлённый. Такие деревья бесполезно отправлять на Север — умрут по дороге.

Елена Ивановна ещё из Севастополя выслала Коновым посылку с фруктами. Серёжка вложил в ящичек для Наташи кручёный домик рапаны и сушёную иглу-рыбу. Иглу Серёжка поймал сам, голыми руками. Серёжка хотел положить немного морских камушков, но мама сказала, что Наташе сушёные фрукты полезнее.

В Рио-де-Раздолье тоже росли фрукты, но не было ни прекрасной морской гальки, ни рапаны, ни крабов, ни морских собак, ни бычков. Рыбы вообще не было. Разве что на рынке... Мама однажды привезла даже необыкновенную золотую рыбку.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Рыбу поместили в таз и залили водой. Таз поставили на решётку в ванной. Мама ушла на кухню, а Серёжка остался.

Всё-таки бывает сказочная живая вода! Сонные рыбы в автобусе выбились из последних сил. Теперь они воспрянули, зашевелились, жадно задвигали жабрами, глотали и пузырили воду. Потускневшие тела, тёмно-зелёные на спинах и золотые с боков, заблестели, засверкали, словно были из настоящего золота. Особенно выделялась одна, крупная, сильная рыбина. Она растолкала мелюзгу, выбралась наверх и ударила хвостом так, что вылетела из таза и шлёпнулась на дно ванны.

Мама, конечно, немедленно крикнула из кухни:

— Не трогай рыбу! Она вся в слизи.

Какая может быть у рыбы слизь? Рыба одета в чешую. Чешуя вроде богатырской кольчуги — холодная и гладкая.

Серёжка наклонился над ванной и ухватил рыбу, но она выскользнула из рук. На ладонях осталась липкая слизь.

«Чудеса!» — подумал Серёжка и вдруг понял, что это не простая рыба, а золотая.

От этой догадки его в жар бросило. Золотая рыбка! Это лучше лотерейного билета.

Олег из соседнего дома по лотерейному билету выиграл парфюмерный набор. Вернее, не Олег выиграл, а его отец, и набор достался матери. Сам Олег собирался выиграть подвесной моторчик для лодки, а когда выигрались духи и пудра, заявил, что «на худой конец парфюмерный набор — тоже хлеб».

С золотой рыбкой можно получить и парфюмерный набор, и моторчик, и всё-всё, что пожелаешь.

А чего Серёжке больше всего хотелось? Серёжка задумался.

Во-первых, надо попросить большую берёзу для Наташи Коновой.

Во-вторых, подарить севастопольскому Витке акваланг, а то он оглохнет насовсем.

В-третьих...

Пальцы левой руки собрались в кулак. Надо было придумать что-нибудь для деда и двух бабушек, и для Женьки, но Серёжка не умел дальше считать. Считать он умел до тридцати, больше даже. Да как правильно сказать: в-шестых? В-шестерых? В-шестых?

Чего же ещё больше всего на свете хочется?

Вырасти скорее. Стать лётчиком, моряком и артиллеристом. А ещё лучше — зенитчиком: шпионов ракетами сбивать.

Ухватив рыбину поближе к жабрам, Серёжка благополучно перенёс её в таз.

— Опять трогаешь? — прикрикнула из кухни мама. — Оставь рыбу в покое и гулять иди. Ты слышишь?

— Ага, — отозвался нехотя Серёжка и приподнял голову золотой рыбки.

Толстые губы горестно и беззвучно задвигались. Серёжка наклонился и прислушался. Нет, не разобрать ни слова. А может быть, полагается первому заговорить?

— Золотая рыбка, — тихонько позвал Серёжка и опять приблизил ухо. Рыба молчала.

Он стал вспоминать, как это всё делается в сказке.

Как взмолится золотая рыбка!

Голосом молвит человечьим...

Оказывается, начинала разговор в таких случаях золотая рыбка. Сейчас она молчала, наверное, потому, что никуда её не могли отпустить...

— Рыбка золотая,— горячо зашептал Серёжка,— ничего мне не надо, никакого откупа. Сделай только море!

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула...

Тут он до конца вспомнил историю про рыбака и рыбку. Сперва старик бесплатно отпустил рыбку в море. «И сказал ей ласковое слово». А впоследствии рыбка не откупалась, а помогала доброму старику, просто, по-человечески.

— Ты всё ещё в ванной?

Эх, не знает мама, что в эту минуту в Серёжкиной душе творится!

— Иди сюда, мальчик к тебе пришёл.

Мальчик оказался Олегом.

— У меня золотая рыбка есть! — похвалился Серёжка.

Глаза Олега загорелись.

— Где?

Серёжка повёл его в ванную. Там уже была мама. Она принесла за чем-то кухонный нож с толстым черенком и выложила на решётку одну рыбку.

— Золотой линь,— с ходу определил Олег. Он здорово разбирался в рыбах.— Изжарить — так очень вкусно получается.

— А мы её сейчас и пожарим,— сказала мама.— Усыпить её только надо раньше.

Мама вдруг принялась, крикнула: «Молоко!» — и убежала к плите.

— Помочь, что ли? — Олег обрадовался, что может показать свою умелость, и взял нож за кончик лезвия.

Серёжка, не раздумывая, согласился. Ему ещё никогда не приходилось видеть, как усыпляют рыб.

Олег поднял на ладони линя и коротко, сильно ударил черенком по плоской голове.

— Первый готов! — И опять ударил черенком.— Второй готов!

Серёжка бросился спасать свою золотую рыбку.

— Поддержать хочешь? Ну держи. И-эх!

Золотой красавец задёргался в Серёжкиных руках. Упругими волнами пробежали от головы к хвосту судороги. В золотой груди, прямо под пальцами, что-то отчаянно забилося.

«Сердце!»

Серёжка онемел. Внутри сделалось холодно, будто проглотил большой кусок льда.

Сердце золотого линия ударилось ещё раз, другой и остановилось.

— Третий готов.

Выронив мёртвого линия, Серёжка кинулся вон, вбежал в комнату, упал на диван и разрыдался. Он ещё никогда не плакал такими слезами. Впервые в его руках, при его участии оборвалась жизнь. Рыбья, но — жизнь! И это было ужасно, чудовищно, несправедливо.

Пришёл Олег, за ним — мама.

— Ты чего? Ты чего? — допытывался Олег.

Мама лихорадочно ощупала сына с ног до головы.

На Серёжке не было никаких ран. Снаружи.

— Ему линия жалко стало, — первым догадался Олег. — Вот чудило!

— Правда? — Мама облегчённо вздохнула и погладила Серёжку по русым волосам. — Глупенький! Разве класть на сковородку живую рыбу лучше?

«Хуже! Всё хуже!» — попытался крикнуть Серёжка, но слёзы заливали лицо, душили горло.

Олег попробовал отвлечь его. Серёжка был знаменит во дворе тем, что мог пересказать всего «Чапаева».

— Как бородач пленный говорил? А, Серёжка?

Обычно Серёжка произносил дрожащим голосом: «Брат Митька помирает. Ухи просит». Сейчас он не хотел и не мог говорить. Ни о чём.

— «Брат Митька помирает. Ухи просит», — напомнил Олег. — Слышал? Ухи просит! А уха, известно, без рыбы не бывает. Вообще лучше ухи нет ничего. Перед смертью и то не котлету какую-нибудь несчастную человек просит, а уху!

— Ладно, Олег, — торопливо сказала мама. — Ты иди пока. Он успокоится и выйдет.

— Пожалуйста, — обиделся Олег и ушёл. Он нарочно задержался под открытыми окнами и громко сказал: — Подумаешь, нежности!

Серёжке не хотелось прослыть неженкой и плаксой. Он перестал рыдать, но слёзы ещё долго стояли в горле.

— Глупенький, глупенький малыш мой! — ласково приговаривала мама, прижимая к себе всхлипывающего Серёжку.

Она ошибалась, по привычке называя его малышом. В этот день Серёжка задумался о жизни и смерти — основных вопросах бытия, которые всю свою историю решает и не может решить человечество.

Не удалось сразу решить вековечный вопрос и Серёжке.

Дом просыпался от звона будильника. Серёжка выходил с отцом во двор и делал зарядку. Позавтракав, отец уезжал на службу, а Серёжка шёл гулять.

Ребята уже съехались после каникул. Скоро в школу. Серёжке тоже идти. В первый раз. Всё уже давно приготовлено для школы: форма, книжки, тетради, ручка, карандаши. Отец подарил прозрачную «командирскую линейку» и совсем новую кожаную полевую сумку. От портфеля Серёжка отказался: с портфелями только девчонки ходят.

Вот и Галке из соседнего подъезда купили портфель. Девчонка! Притом вреднющая. И неграмотная! Серёжка всё-таки читать умеет. Если бы он жил в Ленинграде или Севастополе, давно бы хорошо читать научился. Там пройдёшь из конца в конец одну улицу и сразу все буквы встретишь. Не то что в гарнизоне. Вывесок раз, два — и обчёлся: «Продовольственные товары», «Промышленные товары», «Парикмахерская», «Дамский зал», «Мужской зал», «Гарнизонная баня». Ещё две-три вывески, и всё. Кроме того, всюду ещё и одинаковые строчки: «Военторга № 1». «Промышленные товары Военторга № 1», «Парикмахерская Военторга № 1», даже баня — «Военторга № 1». Как будто в гарнизоне несколько бань или пять военторгов! Недавно открыли двухэтажный универмаг. И опять — «Универмаг Военторга № 1». Только на здании гарнизонного клуба нет «Военторга № 1». Просто: «Дом офицеров».

В Доме офицеров показывали кино. Приезжали в гарнизон и артисты из областного города и московские. Плохо только, что кукольного театра не бывало. Но это не такая уж беда: кукольные спектакли по телевизору посмотреть можно. Но телевизор лишь вечером работает.

Олег копался с удочками. На рыбалку готовился.

— Как жизнь? — спросил он безо всякого интереса.

— Нормально, — ответил Серёжка и присел рядом на корточки.

— Дал одному, — как бы между прочим сообщил Олег, распутывая зелёный клубок лески, — раз закинул, и вот, пожалуйста, «борода».

Серёжка знал, что «борода» — это когда леска у спиннинга запутается. Олег каждый день тренировался в поле. Что поделать, когда до ближайшего озера сто километров?

— Насмерть запуталось! — Олег ловко сдул с кончика носа каплю пота и отложил зелёную «бороду». — Ох, тоска дикая! — и с этими словами легонько толкнул Серёжку в плечо.

Серёжка опрокинулся на спину, а Олег захохотал. Дать бы ему за такие шутки! Попробуй... Олег уже в пятом классе будет учиться.

Скучно. Воздух струился, как над костром. В конце асфальтной дороги чудилась лужа. Мираж.

— Правда, что на Крайнем Севере и летом прохладно?

Трудно Олегу представить, что есть на земле места, где не бывает жары. Он жил здесь вечно, со времён ВРИО-де-Раздолья. И никогда никуда не выезжал. Даже в Заполярье.

— Правда.

— Расскажи чего-нибудь про Север! Ты здорово рассказываешь.

Олег явно лстыл Серёжке. Никакой он не рассказчик. Память, это верно, у него крепкая.

Серёжка вспомнил лютые морозы, пургу, полярную ночь.

— Правда, что там за железо руками взяться нельзя? Намертво примерзают?

Примерзают ли голые руки, Серёжка не знал, а язык...

Наташа как-то сказала, что, если прикоснуться языком к дверной ручке, язык прилипнет. Серёжка не поверил. «Значит, я вру? Вру? Да?» — возмутилась Наташа и в доказательство своих слов лизнула белую от инея ручку двери. Вернее, она не лизнула, а только дотронулась кончиком языка и тотчас рванулась назад. Серёжка увидел кровь на Наташином языке и закричал:

— Верю! Верю!

Только поздно. Наташа с высунутым языком вбежала в дом.

— А на ручке кожа так и осталась? — спросил пораженный Олег.

— Кусочек, маленький.

— Сила! — Олег вздохнул, лёг на спину и раскинул руки.

Солнце светило прямо в глаза, и он зажмурился. Мысли перескакивали с одного на другое, как воробьи с ветки на ветку.

— Может, за червями сходим?

Червей для рыбной ловли копают вечером или ранним утром. Но делать всё равно нечего было.

За телевизионной вышкой тянулся длинный и глубокий овраг. В редкие дождливые дни по дну оврага текла рыжая река. Для таких случаев через овраг кто-то перебросил мост. Не мост, а два железнодорожных рельса. Мостом этим почти никогда не пользовались или пользовались очень давно. Один рельс сорвался с каменной опоры и завалился концом вниз, до дна. Второй висел над оврагом, как над ущельем.

— Пройдём по Чёртовому мостику? — предложил Олег.

Серёжка согласился. Олег, балансируя руками, осторожно перебрался на другую сторону.

— Теперь ты! — крикнул он.

Серёжка несмело поставил ногу на рельс. Потом другую.

— Давай! — подзадорил Олег.

Сделав два шага, Серёжка глянул вниз. Под ногами зияла жёлтая, в трещинах, глубина. С крутого откоса предостерегающе светил красными огнями колючий будяк.

— Давай!

Шаркая подошвами по заржавленной узкой полосе рельса, он продвинулся ещё немного. И опять посмотрел вниз. Овраг показался бездонной пропастью.

— Давай! Давай!

Ноги задрожали, коленки подогнулись. Он в страхе присел и вцепился руками в рельс.

— Струсил!

Ни сказать, ни двинуться, ни вздохнуть свободно. Только бы не сорваться. Руки судорожно держали горячую сталь.

— Давай назад! — с презрением крикнул Олег.

Тело прилипло к спасительному рельсу: ни назад, ни вперёд.

— Эх ты! — выкрикнул Олег и перебрался через овраг по тропке. Держась одной рукой за Чёртов мостик, он помог Серёжке возвратиться на безопасный берег.

— Трус! — процедил сквозь зубы Олег и сплюнул.

Серёжка, сгорбившись от позора и унижения, поплёлся домой. Вдогонку ещё раз полетело:

— Трус!

ТРУС

Отец лежал на диване и читал газету. Серёжка долго ходил туда-сюда мимо отца, не решаясь заговорить о том, что заставило страдать его весь день.

Наконец отец обратил на него внимание:

— Что-нибудь произошло, Серёга?

Серёжка мотнул головой и остановился перед диваном.

— Рассказывай. — Отец отложил газету и спустил на пол ноги.

— Я спросить хочу, — глядя на свои туфли, тихо сказал Серёжка.

— Спрашивай.
— Вот... если человек... трус, так он уже навсегда такой?
— А что случилось? — настойчиво повторил отец и усадил Серёжку рядом с собой.

Пришлось открыться.

— Вот оно что! — протянул отец и заходил по комнате.

Не очень приятно узнать, что твой сын трусишка.

В роду Мамонтовых трусов не было. Серёжка своими глазами видел в Севастополе героев-предков.

В панораме вкруговую, а в диораме в полкруга разворачивалась настоящая битва. Трудно было отличить, где пушки настоящие, а где нарисованные на полотне.

Прапрадед был изображен в «Панораме обороны Севастополя 1854—1855 годов».

«Видишь, в центре, на белом коне, генерал Хрулёв? — громко шептал дед Николай Петрович. — А поближе генерала, вон, с усами, с ружьём! То и есть твой прапрадед».

Со всех сторон окружали генерала на белом коне солдаты, все усаые и все с винтовками.

В другом здании, где диорама, на картине «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года» Серёжка сам отыскал деда Николая Петровича. Дед, ещё молодой и без усов, бежал с автоматом в атаку. Над его каской летели огненные стрелы «катюш». И уже пылало над Сапун-горой знамя победы.

И у такого прапрадеда, у такого деда такой... Серёжка, низко опустив голову, ждал приговора.

— Собирайся, — приказал отец и сам быстро оделся. — Мы прогуляемся, — предупредил он маму.

Когда Серёжка проходил мимо крыльца Олега, тот скороговоркой спросил:

— Ты куда, Мамонт?

Серёжка промолчал. Он и сам не знал, куда ведёт его отец.

За телевизионной вышкой Серёжка понял куда. К Чёртову мостику. От волнения вспотели ладошки.

— Здесь?

— Ага, — внезапно осипшим голосом подтвердил Серёжка.

Отец докурил папиросу, огляделся: нет ли посторонних? Вокруг не было ни единой души.

Не говоря ни слова, отец быстро прошёл по рельсу туда и обратно.

— Становись, — приказал, — и не бойся. Я снизу страховать буду. Вперёд, Серёга!

И Серёжка пошёл вперёд.

Уверенно, как по бревну в спортивном городке. Туда прошёл. Обратно. Идти было спокойно: внизу, готовый в любое мгновение поймать его, двигался отец.

— Молодец, — похвалил он и весело подмигнул.

Серёжка, не в силах больше сдерживать радость, рассмеялся.

— Всего делов! — сказал отец. — Думаешь, никто никогда не боится? Все чего-то бояться. Только смелые люди пересиливают страх, а трусливых страх на лопатки укладывает.

— Я теперь смелый? Навсегда?

— Теперь смелый. Сейчас. А как дальше будет, от тебя самого зависит.

— Я и дальше смелым буду, — решительно заверил Серёжка.

— Тогда сам пройди. Без страховки.

Сердце сразу сжалось в комочек, но Серёжка переборол страх и, молча кивнув, шагнул к Чёртову мостику.

— Погоди, — остановил отец. — Ну-ка, приведи сюда Олега. Только быстро.

— Есть! — по-военному крикнул Серёжка и помчался к дому.

— Что? Чего? — допытывался дорогой Олег, но Серёжка не отвечал ему.

Увидев Серёжкиного отца, Олег смутился и стал робко оправдываться:

— Я не заставлял. Он сам.

— Вот это уже не годится, — нахмурился капитан-инженер Мамонтов. — Открещиваться от своих поступков — тоже трусость.

Серёжка успел отдышаться.

— Смотри! — гордо сказал он Олегу и пошёл через опасный Чёртов мост. Туда и назад.

— Сила! — искренне признался Олег.

Отец пожал руку:

— Молодец, Серёга!

Серёжка был на седьмом небе от счастья.

— А теперь, друзья мои, вот что, — заговорил отец. — Риск — дело благородное. Но только при одном условии: когда стоит рисковать. Когда есть за что и для кого. А со скуки шею ломать — глупо и бездарно. Ну-ка, взялись!



Отец ухватился за конец рельса, напрягся, и не успели ребята прийти на помощь, как стальная балка рухнула вниз.

В глиняной наклонной стене появилась свежая борозда; жёлтая пыль вздулась облачком и осела. Чёртов мост перестал существовать.

Но память о нём осталась в душе Серёжки на всю жизнь.

Глава девятая

«С ПЕРВОКЛАССНЫМ ПРИВЕТОМ»

Новогодняя ёлка в районном Дворце пионеров всем так понравилась, что ребята всю дорогу не могли успокоиться. Автобус звенел от восторженных голосов. Только Коська Шариков пытался сохранить невозмутимость. В прошлом году он ездил в Дом пионеров с братом и теперь то и дело говорил одну и ту же фразу:

— Вот в про-ошлом годе!..

Учительница Анна Фёдоровна каждый раз замечание ему делала:

— В году.

Коська поправлялся и опять забывал.

— Вот в про-ошлом годе!..

В конце концов весь первый «А» стал хором кричать:

— В году!

И так увлеклись, что, когда Коська, наконец, сказал правильно — «В прошлом году», — хор завопил:

— В го-оде!

Такой смех поднялся, чуть автобус не лопнул. Лопнуть не лопнул, но остановился. Задёргался и остановился. Не от ребячьего смеха, конечно.

Шофёр поднял капот и стал чинить машину.

СОЛДАТ АНДРЕЙ ИВАНОВ

Андрей Иванов возвращался из отпуска. Поездку на родину он заслужил отличной солдатской службой. Срок отпуска заканчивался 28 декабря, и солдат торопился. Как нарочно, на станции не оказалось ни одной автомашины из гарнизона. Потратив без толку два часа, солдат решил добираться пешком.

Для солдата дистанция в один переход не расстояние. А без полной боевой выкладки и вовсе лёгкая прогулка. Андрей нёс обыкновенный фибровый чемоданчик, с каким солдаты в отпуск ездят. Что в таком из дому везут? Банку консервов, пироги. В чемоданчике Андрея лежали пироги. Мать испекла в дорогу и для угощения друзей-товарищей. Чемодан с домашними пирогами солдату не в тягость!

Андрей бодро шагал по накатанной снежной трассе. Солдатскую шинель не продувал ветер, не пробивал мороз. Под сапогами весело поскрипывал снег.

«Встретить попутку, так и к обеду поспеть можно», — подбадривал себя Андрей.

Он прошёл половину дороги, но попутная машина не попалась.

Багровое солнце низко плыло над степью, выбирало уютное место для ночлега.

Мороз крепчал. Подымался ветер. По пустынному тракту вихрилась позёмка.

«Обед давно прошёл, добраться бы к ужину», — подумал Андрей и ускорил шаг.

Через полчаса, перекладывая чемодан с одного плеча на другое, он уже мечтал попасть в тёплую казарму хотя бы до отбоя. И тут увидел впереди в снежной дымке автобус. Присмотревшись, солдат понял, что автобус стоит на месте. Только бы не опоздать!

Колющие иглы защипали щёки.

За разрисованными инеем окнами автобуса ничего не было видно. Ветер наметал сугробы к неподвижным колёсам. Водитель, солдат в полушубке, копался в моторе.

— Привет!.. — тяжело дыша, поздоровался Андрей.

Водитель оглянулся и мрачно ответил:

— Привет.

— Чего там?

— Горючее не подаёт, — с досадой сказал водитель и опять полез под капот.

Андрей не разбирался в автомобильных двигателях, но понял, что автобус пойдёт не скоро, если вообще пойдёт.

— Из Раздолья? — спросил Андрей и тронул за плечо водителя.

— Допустим, — неприветливо отозвался тот и покосился на незнакомого солдата. — Впрочем, где-то я тебя видел.

— В кино, — подсказал Андрей.

— Точно, — оттаял немного водитель.

— Приду, доложу дежурному, чтоб летучку выслали, — предложил Андрей.

Водитель прыгнул на снег, вынул из кармана смятую пачку сигарет.

— Или буксир прислать?

— Когда он ещё прибудет! — с тоской сказал водитель. — До гарнизона девять километров. Пока дойдёшь, пока то-сё, ребята помёрзнут.

— Какие ребята?

— Школьники младшие. С ёлки везу.

— Как же быть? — Андрей опустил на подножку чемодан.

— Чёрт его знает! — выругался водитель.

— Может быть, там догадаются?

— Ничего не догадаются.

Андрей протянул руку к мотору.

— Остыл уже, — сказал водитель. — Пришлось воду спустить. Час маюсь. — Он вытащил из-под машины ведро с заледенелой водой. — Слушай, а если напрямую?

— Как — напрямую?

— Бензонасос по боку, горючее прямо из канистры на карбюратор. Канистра есть, шланг тоже. Идёт, а? Холодно, конечно, поморозиться можно. Только другого спасения я не знаю.

— Надо — значит, надо.

Водитель принялся за дело. Андрей хотел помочь ему, но тот распорядился:

— Разводи костёр, грей воду. Ветошь и солидол под сиденьем.

Соорудив из заводной рукоятки и домкрата перекладину для ведра, Андрей облил промасленную ветошь бензином для растопки и зажёл костёр. Потом он полез в автобус. Ребята, один другого меньше, зябко жались к учительнице, как цыплята вокруг наседки.

— Выходить греться! — командирским голосом крикнул Андрей.

Все обежали несколько раз вокруг автобуса, затем окружили плотным кольцом маленький костёр. К чёрному дыму протянулись руки в варежках и перчатках.

Девочка в заячьей шубке дула на пальцы, будто они обожжены, а не застыли. Андрей протянул свои солдатские рукавицы:

— Надевай поверх своих, теплее будет.

— Мерзлячка! — презрительно сказал Галке Серёжка. И ему холодно было, но он крепился.

— И у меня замёрзли, — пританцовывая, выговорил Коська Шариков.

Андрей взял с сиденья шофёрские перчатки и отдал их.

— Есть хочу! — опять пожаловался Коська.

— Это мы сейчас, мигом! — сказал солдат и пошёл за чемоданом.

Галка отогрелась немного и съехидничала:

— А в прошлом году есть не хотел?

— В году! — поправила Анна Фёдоровна. Она тоже ободрилась. — Серёжа Мамонтов! Не суй руки в огонь.

— Я не сую, — возразил Серёжка. — Я бумажки подкладываю.

Серёжка разжал пальцы и показал фантик.

На ёлке выдавали подарки: яблоко и конфеты в нарядном пакете.

— Находчивый какой! — похвалила Анна Фёдоровна, и ребята стали быстро есть конфеты, а бумажные фантики бросать в костёр.

Серёжка и пакетик сжёг. Яблоко он протянул солдату.

— Спасибо, друг! — поблагодарил солдат, но яблока не взял. — Сам ешь. Тебя как зовут?

— Он — Мамонт!

«Вечно эта девчонка не в своё дело суётся!»

— Сергей, — представился Серёжка.

— А меня Андреем зовут. — Солдат протянул руку. — Иванов по фамилии. Гостинцы свои вы сами ешьте. Сейчас я вас пирогами угощу. Домашними! Мать испекла.

Андрей раскрыл чемодан и роздал ребятам пироги. Учительница сперва отказалась.

— Обидите, Анна Фёдоровна...

— Благодарю вас, Андрей.

Анна Фёдоровна надкусила пирожок и похвалила:

— Очень вкусно!

— Ешьте на здоровье, Анна Фёдоровна.

Учительница была не старше солдата. Она сказала:

— Я только для ребят Анна Фёдоровна...

Галка подтолкнула Серёжку. Тот резко обернулся:

— Чего толкаешься!

Если бы Коська толкнул, Серёжка бы так дал, что... А с девчонками драться — стыд и позор.

— Не ссориться! — приструнил Андрей. Он рассовал по карманам свои вещи и наступил сапогом на пустой чемодан.

Сухая фибра затрещала в огне. Вода запарила.

Подошёл водитель:

— У меня всё. Как водичка? — Он сунул грязную руку в ведро, с наслаждением подержал её там и одобрил: — Вполне!

Ребята возвратились в автобус. Водитель залил в радиатор горячую воду. Андрей Иванов встал на подножку, одной рукой крепко взялся за дверцу кабины — стекло водитель опустил донизу, — другой прижал к себе железную канистру с бензином.

Из горловины канистры, обмотанной проволокой, тянулся к мотору резиновый шланг.

Водитель нажал на стартер.

Мотор чихнул и завёлся.

— Держись! — сказал водитель. — Лицо отворачивай.

То, что Андрей остался без рукавиц, водитель не заметил. У него у самого после работы руки огнём горели.

Автобус, набирая скорость, помчался домой, к теплу, к свету.

Солнце укрылось за горизонтом. В снежной пелене догорали багровые отблески зари.

Мотор разогрелся, водитель включил отопление, и в салоне автобуса опять потеплело.

Галка стряхнула трёхпалые рукавицы, надетые поверх варежек:

— Жарко!

Увидел Серёжка рукавицы, и всё в нём перевернулось. Андрей с голыми руками на морозе едет!

— Стой! — закричал Серёжка и забарабанил в стекло водительской кабины. — Стой!

Анна Фёдоровна тоже крикнула:

— Остановитесь!

Автобус резко затормозил. Серёжка выхватил у Галки рукавицы и рванулся к выходу.

Водитель открыл дверь, Серёжка, а за ним Анна Фёдоровна соскочили на снег.

Солдат, заиндевший и неподвижный, стоял на подножке, крепко прижимая канистру. От неё резко несло бензином.

Серёжка протянул рукавицы.

— Надевайте! — требовательно сказала Анна Фёдоровна.

— Дотерплю, — через силу улыбаясь, проговорил солдат, но всё-таки оторвал руку от канистры, и Анна Фёдоровна сама надела ему рукавицы.

— Спасибо, — Андрей опять улыбнулся, но губы плохо его слушались.

— И лицо, лицо укутайте,— сказала учительница и ахнула: — Да у вас щёки белые!

Она растёрла ему шерстяной варежкой щёки до румянца, но несколько белых пятен осталось.

— Ничего, дотерплю,— повторил солдат и обратился к водителю: — Поехали!

Анна Фёдоровна, не обращая на возражения никакого внимания, обмотала Андрею лицо своим шарфом. Одни глаза из-под шапки светились. Водитель махнул Серёжке и Анне Фёдоровне: «В машину!»

Автобус рванул с места и помчался, как самолёт по взлётной полосе.

Лицо Анны Фёдоровны было таким бледным, словно и она обморозилась.

У самых ворот, перед шлагбаумом, встретилась крытая машина с надписью: «Техническая помощь». Родители встревожились, позвонили в Дом пионеров и узнали, что дети давно выехали. Срочно снарядили аварийную летучку.

Неисправный автобус потащили на буксире в гараж. Продрогших ребят увели по домам, а солдата Андрея Иванова санитарная машина увезла в госпиталь.

Больного часто проводывали друзья-однополчане, родители школьников и сами ребята, которых, можно сказать, спас мужественный солдат. Дружба первого «А» класса не оборвалась и после демобилизации Андрея Иванова.

К концу учебного года Серёжка умел не только бегло читать, но и писать. Своё первое в жизни письмо он направил Андрею Иванову. От имени всего первого «А».

Письмо начиналось словами:

«С ПЕРВОКЛАССНЫМ ПРИВЕТОМ!»

Здравствуйте, дорогой солдат Андрей Иванов! Пишет вам ваш 1 «А». Мы всегда помним о твоём подвиге. Мы обещаем учиться только на 4 и 5. Привет от всех и учительницы Анны Фёдоровны.

Ждём ответа.

Серёжа Мамонтов.

Письмо заняло всего одну страничку. Серёжка предложил внутри разврата нарисовать что-нибудь.

— Вот ты и нарисуй,— сказала Анна Фёдоровна.— Сogласны, ребята?

— Сogласны! — хором прокричал весь класс.

Серёжка рисовал целый вечер. Разноцветными карандашами. Получилась не картина, а диорама, сразу не охватить взглядом жестокий бой с фашистами.

Слева били орудия всех калибров. Чёрные снаряды, круглые, как ядра, летели на врагов. Красные стрелы «катюш» заполнили небо. Реактивные краснозвёздные самолёты падали из всех пулемётов. Шли в атаку тяжёлые танки. С автоматами наперевес штурмовала пехота.

В стане врагов всё почернело от красно-чёрных взрывов. Бомбардировщик падал вниз, объятый пламенем.

На хвосте и крыльях бомбардировщика Серёжка вычертил паучью свастику. Но всё же его терзало сомнение: понятно ли, что это сбили фашистский самолёт? Не каждый ведь знает, что свастика — знак фашистов.

— Как назывались фашистские самолёты? — спросил у отца Серёжка.

— «Юнкерс», «хеншель», «мессершмитт».

— Спасибо,— поблагодарил Серёжка. Ему достаточно было и одного названия.

Он послюнил карандаш и старательно написал печатными буквами на крыле бомбардировщика — «Мистир Шмид».

Письмо с рисунками всем очень понравилось.

— Настоящий художник! — восторгалась Галка.

На похвалу Серёжка не обратил никакого внимания: он не любил Галку. Ябеда и хныкала. Дотронешься до косички, сразу слёзы в два ручья и: «Анна Фёдоровна, а Мамонт...» Противно просто!

Вот Наташа Конова, та — человек!..

Серёжке понравилось писать и рисовать письма. Он написал и нарисовал ещё два: в Ленинград и Севастополь.

— А можно, я и Наташе pošлю?

— Нужно, Серёга,— поддержал отец.— Друзей нельзя забывать. У меня и конверт для тебя есть, «авиа».

На Север, конечно, только самолётами почту доставляют. Но от аэродрома до гарнизона ещё на собаках...

— А собачьих марок нет? — спросил Серёжка.— Или оленьих?

— Хватит и «авиа»,— улыбнулся отец и закрылся газетой.

«Довезут бесплатно,— подумав, успокоился Серёжка.— Там все любят Наташу Конову».

Письмо сочинилось быстро. Как и все Серёжкины письма, оно начина-

лось неизменным «первоклассным приветом» и кончалось — «Серёжка Мамонтов».

— Может быть, когда-нибудь и увидимся ещё,— сказала мама, имея в виду Коновых.— Мир тесен.

Она всегда так говорила, когда неожиданно встречалась со старыми знакомыми: «Подумать только! Как тесен мир!»

МИР ТЕСЕН

Серёжка проснулся среди ночи от тяжёлого гула моторов. Стены тряслись. В серванте тонко позвякивала посуда. Дрожали стёкла.

Серёжка бросился к окну. По широкой улице плыло над бетонкой бесконечное цилиндрическое тело, укрытое брезентом.

Наконец показался хвост. Под зелёным чехлом угадывались стабилизаторы. У задней тележки сплющились от чудовищного груза огромные ребристые скаты.

— Ух ты! — восхищённо прошептал Серёжка. Такой ракеты он ещё не видал.— Не меньше как «маршал»! — определил Серёжка.

В доме недавно появилась книжка «Реактивное оружие капиталистических стран». В ней было множество иллюстраций: всевозможнейшие заграничные ракеты. Они назывались воинственно и угрожающе: «юпитер», «найкгеркулес», «кобра». Боевые американские ракеты носили военные звания: «капрал», «сержант». По сравнению с ними увиденная только что ракета была по крайней мере «генералом армии», даже больше — «маршалом».

На следующий день Серёжка с трудом дождался часа, когда надо идти в школу. Не терпелось скорее поделиться с ребятами. Не каким-нибудь слушком, как это делает противная Галка, а настоящим известием чрезвычайной важности.

Перед самой школой он замедлил бег, сменил рысь на шаг и задумался. Мало ли что можно увидеть в военном гарнизоне. Что ж, сразу и выбалтывать обо всём! А если это военная тайна?

До большой перемены Серёжка загадочно помалкивал.

— Ты чего такой надутый, Мамонт?

«Опять Галка!»

— А я новость знаю!

Вот тебе и военная тайна! Даже Галка видела гигантскую ракету.

— Собственными глазами видела!

— Я тоже.

— И ты видел? — Галка по-птичьи округлила глаза. — И как она тебе?

— Замечательная! — вырвалось у Серёжки, хотя он вовсе не собирался делиться с Галкой своим впечатлением о ракете.

— Уж и замечательная! Такая, как все! Обыкновенная.

— Много ты понимаешь!

И он ушёл в класс. Тем более, что звонок зазвенел и в конце коридора показалась учительница.

Анна Фёдоровна пришла не одна, с незнакомой девочкой. Глянул на неё Серёжка и вспыхнул от радости.

— А у Мамонта уши красные! И лицо! — громко прошипела Галка и мстительно ткнула Серёжку острым локтем.

Серёжка мгновенно повернулся к обидчице.

— Мамонтов! Серёжа! — строго остановила Анна Фёдоровна. — Это ещё что такое! С кулаками на девочку! Ведь ты же будущий мужчина. Садись. Внимание! Ребята, к нам прибыла новая ученица. Её зовут Наташа Ковнова.

МУЖЧИНА

Серёжка с разгона прыгнул на крыльцо, накинул в передней фуражку на колышек и влетел в комнату:

— Мама! Знаешь!..

Голос осекся и смолк.

На полу картонные ящики из-под стирального порошка. Дверцы шкафа и серванта распахнуты, будто в оружейных пирамидах по сигналу тревоги. Над тахтой, на выгоревших обоях, яркий прямоугольный след от ковра. Свёрнутый и перевязанный ковёр прислонён к голой стене, как обломанная колонна. Тахта завалена платьями, пальто, кителями. Проволочные крючки вешалок торчат из одежды знаками вопроса.

Мама с соседкой укладывали в картонный ящик посуду. Каждую чашку и тарелку они заворачивали в бумагу. Под ногами лежала кипа старых газет, их никогда не выбрасывали, копили для переездов.

— Мама...

Елена Ивановна подняла голову, устало улыбнулась:

— Знаю, Серёженька. Видишь: собираюсь уже. Обед на столе. Поешь сам.

Серёжка хотел объяснить, что он другую новость принёс, но пришла Галкина мама.

— Лена! — закричала она так громко, словно звала Елену Ивановну в степи. — Решено! Сервант беру я, а шкаф купит новая майорша. И всё остальное, наверное. Они приехали из Заполярья с одними чемоданами.

«Значит, капитану Конову майора дали», — отметил про себя Серёжка. Отцу тоже недавно новое звание присвоили, капитан-инженер.

Галкина мама окинула комнату цепким взглядом и остановилась на аквариуме.

— Если не найдётся покупателя на рыбок, я возьму. Не возражаете?

— Возражаю! — выступил вперёд Серёжка. — Дарёное назад не отнимают...

— Не понимаю...

— Мы уже подарили аквариум.

— Кому? — удивилась Елена Ивановна.

— Одному человеку, — тихо ответил Серёжка. Он перешагнул через кастрюли и подошёл к своей полке с книгами. Томик Гайдара и стихи Маршак он отложил к учебникам. Остальные книги поместил в нижний ящик шкафа и повернул ключ.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Елена Ивановна.

— Для Наташи. И аквариум ей останется.

— Какая Наташа? — не поняла сразу Елена Ивановна.

— Конова. Они приехали, а мы уезжаем...

— Коновы? Да что ты говоришь! Как тесен мир! Где же они?

— Коновы — прекрасные люди, — объяснила соседке Елена Ивановна. — Мы так обязаны им! Но почему они телеграмму не дали?

Почему... Известно почему. По номеру воинской части не угадаешь, где находится гарнизон. Можно через улицу жить и переписываться.

Галкина мама уже ушла, а Серёжка ещё не знал, где поселились Коновы. Ему так и не удалось поговорить с Наташей. При всём классе подойти постеснялся. И Наташа, видно, тоже не решилась. Особенно после Галкиной выходки. Противнейшая на свете девчонка и после уроков помещала: прилипла к новенькой, не оторвёшь.

— Ах, как жаль, что мы уезжаем! Серёженька, сбегай разыщи их. Увидеться хотя бы, поговорить две минуты. Но только поешь сперва. Обед на столе. Мне некогда, сам видишь.



— Вижу...

У Серёжки тоже дел по горло было. Наташу найти, на стадион к футболу не опоздать. И уроков много задали... Уроки можно теперь, конечно, не учить. Теперь всё равно в эту школу не ходить...

Ещё утром ребята подсчитывали, сколько осталось дней до каникул, и Серёжка вместе со всеми радовался: до настоящего, вольного лета всего ничегошеньки, какая-то несчастная неделя. А сейчас вдруг жаль стало покидать Рио-де-Раздолье, школу, ребят, учительницу Анну Фёдоровну. И себя жаль, словно не он, Серёжка, уезжает от всех, а все уезжают от него. И Наташа Конова... Только встретились, и опять расставаться.

Большая Наташа стала. Коса длинная...

— Когда мы едем?

Офицеров не спрашивают при назначении на новое место. И офицеры не задают лишних вопросов: куда? зачем? почему? Надо — значит, надо.

— Не знаю, Серёженька, не знаю. Вечером или завтра рано утром. Когда самолёт будет.



...Маленький тупоносый автобус двигался в тумане, как танк по дну реки. Серёжка впервые ехал в «уазике» (так ласково называют машину Ульяновского автомобильного завода). В широкой передней кабине два кресла: шофёрское и командирское. Между ними, на уровне локтя, покатый кожух мотора. От него в любой мороз тепло в кабине. И в салоне не холодно.

Кроме Серёжки с Еленой Ивановной, в салоне, заставленном ящиками и чемоданами, ехали незнакомая полная женщина с дочкой, большой, лет двенадцати.

Отец сидел рядом с шофёром.

«Уазик» двигался медленно, с зажжёнными фарами. Но туман был таким плотным, что всё равно ничего не было видно.

— Может, напрямик, товарищ капитан? — предложил шофёр. Он забеспокоился, что не успеет доставить пассажиров к вылету самолёта. — Дорога не очень, конечно, но проскочить можно.

— Давай, — подумав, согласился капитан-инженер Мамонтов.

«Уазик» съехал с невидимой из-за тумана бетонки на полевой тракт.

Тоже невидимый, но ощутимый. Колёса бились в окаменевшей глубокой колее, машину трясло, бросало, раскачивало, мотало во все стороны. Невозможно было сосредоточиться, и Серёжка ни о чём не думал.

Солнце поднялось выше. Туман постепенно испарился. Под голубым небом распростёрлась зеленеющая степь. Пепельно-серая дорога разрезала её до самого горизонта.

Ехали, ехали и вдруг остановились. Впереди лежал деревянный мост через реку. Широкую, как Нева. Только берега не гранитные, а глинистые, изъеденные вешними водами. Вода в реке мутно-жёлтая, в пузырях и пене.

Шофёр и капитан-инженер Мамонтов пошли обследовать мост. Вид его не внушал доверия.

Они пританцовывали, испытывая мост на прочность, сдвигали изжёванные гусеничными траками доски настила, совещались, покачивали головами и возвратились с озабоченными лицами. Понятно было и без объяснений. По такому мосту не то что машиной — пешком рискованно переходить. Серёжка невольно вспомнил рельс через овраг у телевизионной вышки в Рио-де-Раздолье. В сравнении с тем мостом-рельсом этот был по-настоящему чёртовым.

Незнакомая женщина заволновалась.

— Придётся возвращаться?

— Прошу всех женщин выйти из машины, — непрерываемым голосом потребовал шофёр.

Серёжка, опередив всех, соскочил на землю.

— А вы, товарищ капитан, идите, пожалуйста, впереди, поглядывайте и сигналийте, если что.

Солдат-шофёр взял на себя полную ответственность и теперь командовал всеми.

— Потихоньку только, — предупредил Мамонтов.

— Проскочим! Не впервой, товарищ капитан. Товарищи женщины! Переходите вы сперва. Не бойтесь, мост ещё хоть куда!

Незнакомая женщина, уцепив дочку за руку, ступила на мост, как на подтаявший лёд. Дочка вышагивала длинными, цаплиными ногами. И шею вытянула, и голову вниз наклонила, будто цапля. Серёжка чуть не прыснул от смеха. Шофёр встретился с ним глазами и тоже улыбнулся. Только в улыбке его почудилось Серёжке и другое: «Поглядим, брат, как ты пойдёшь. Тогда сразу и посмеёмся. И над тобою заодно».

На душе сразу стало нехорошо и беспокойно. И совестно перед солда-

том. Каждый о себе тревожится, а солдат ради всех жизнью рискует.

— Пойдём, Серёженька! — заторопила Елена Ивановна.

Шофёр бил ногой по колёсам — давление проверял.

Отец почему-то смотрел в небо. Но когда Серёжка протянул маме руку, отец так странно глянул на них, что рука отдёргнулась и опустилась. Серёжка понял: не должен он бросать шофёра. Не может уйти с женщинами.

Оторвав от надёжной земли отяжелевшие ноги, Серёжка возвратился к автобусу.

Елена Ивановна переглянулась с мужем.

— Разве он тоже женщина? — громко сказал отец.

Он распахнул переднюю дверцу и посадил Серёжку на командирское место.

Дверца захлопнулась, как танковый люк. В машине остались двое: солдат и Серёжка. Сердце его колотилось у самого горла, перехватывало дыхание, но отступать было поздно. Шофёр нажал на стартер.

— Вперёд, — приказал капитан-инженер Мамонтов, поднял согнутые в локтях руки и поманил машину за собой.

Мотор утробно рычал и выл. Кожух так нагрелся за дорогу, что пришлось отодвинуться от него подальше.

Машина не катилась, а ковыляла, заваливаясь то на один, то на другой бок. Внизу угрожающе скрипели брёвна, трещали раздавленные доски. Каждую секунду казалось, что мост развалится и машина рухнет вместе с обломками опор и настила в пенистую реку.

В Серёжиной груди всё заморозилось, а рубашка прилипла к взмокшей спине. Руки, вцепившиеся в скобу, побелели от напряжения. Стоило неимоверного труда не закричать от страха: «Стойте! Я вылезу! Не могу больше. Стойте!»

Но он стиснул зубы и молчал. Его мотало, дёргало. Зелёное море перед глазами тошнотворно колыхалось. Тёмные фигуры женщин за мостом чудились у самого горизонта и тоже качались вместе с землёй и небом. Отец, будто приплясывая, пятился к другому берегу, пристально и тревожно вглядываясь под колёса. Шофёр смотрел только на руки офицера и точно выполнял бессловесные приказы.

Наконец машина скользнула под уклон, и всё кончилось. Мотор зарокотал тихо и умиротворённо. Шофёр тыльной стороной ладони вытер испарину на лбу. Губы медленно растянулись в улыбке.

— Молодец, Ван Ваньч! — вполголоса похвалил сам себя солдат, затем потрепал Серёжку по плечу: — А ты парень что надо!

Подошли остальные. Серёжка хотел уступить отцу командирское место, но руки, ноги — всё тело ощущалось, как чужое.

— Оставайся здесь, Серёга. Командуй. Ты ведь мужчина у нас. Поехали!

— Поехали! — следом за отцом сказал Серёжка.

«Уазик» опять выбрался на бетонку. Гладкая, полированная трасса бежала рекой. Ветер поглаживал зелёную шерсть степи.

Серёжка окончательно пришёл в себя. Чувство самоуважения и гордости наполняло его сердце. На душе было легко и спокойно. Он выдержал нелёгкое испытание. Теперь думалось уже не о прошлом, а о будущем: о неведомом горном крае, незнакомом надоблачном гарнизоне, о новых друзьях и товарищах. Какие они там будут? Что ждёт его? Какие впереди обыкновенные и необыкновенные приключения?

Показались ангары и ряды серебристых самолётов с зачехлёнными двигателями. У взлётной полосы стоял грузо-пассажирский Ил-14, готовый перенести офицера Мамонтова с семьёй в другой далёкий городок. Городок, где живут почти одни военные. И дети военных.



СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ

П о в е с т ь





ШЕСТЬ СТРОК

(Вместо предисловия)

Худые вести обуты в тысячемильные сапоги. Трагическое сообщение из Вьетнама догнало грузовой теплоход «Ваганов» в Северном море.

В рубке стоял полумрак. Горела лишь надстольная лампа в нахлобученном алюминиевом колпаке. Вытянув гибкую шею кронштейна, лампа близко-руко уставилась в пишущую машинку. Каретка машинки от качки съехала до упора в сторону и спряталась в тень густо заполненный лист бумаги, словно напечатанные строчки заключали тайну.

Принятая радиограмма не была ни секретной, ни служебной. Очередной радиобюллетень газеты пароходства. Урезанной, предельно сжатой, втиснутой в жёсткие рамки отпущенного эфирного времени. Всё второстепенное отброшено, факты очищены от лишних слов, как орехи от скорлупы.

Встреча высокого гостя из братской страны.

Досрочный пуск домны в Сибири.

Открытие новой станции метро в Ленинграде.

Зарубежная хроника.

И эти шесть строк из Вьетнама...

Сеанс радиосвязи кончился. Николаев имел право спуститься в свою каюту на отдых. И время — самый сон, два часа после полуночи. Справа и слева

по курсу ни огонька. Европа спит. Не засветились ещё окна и в Ленинграде, но там в прошедшую ночь в одной из квартир, наверное, и не смыкали глаз. Женщина, во всяком случае...

Николаев лежал на диване, упёршись длинными ногами в подлокотник. Крутые волны заваливали судно то на один борт, то на другой. Николаев тоже качался, но не замечал этого. Из головы не выходили шесть строчек.

И думал он вроде бы не о них, не о том, что случилось во Вьетнаме, вспоминал давнишнее, полузабытое, занесённое давним слоем времени. Копался в памяти, словно археолог на раскопках. Попадалось драгоценное, существенное и нечто случайное, забытые пустячки. Но теперь всё имело значение, было важным и дорогим.

Мысли Николаева обращались по замкнутым орбитам, как спутник вокруг Земли, то удаляясь, то приближаясь к главному центру.

Над головой, насторожённо выпучив рубиновое око, приглушённо урчал автомат SOS. Случится в море беда — автоаларм сработает, поднимет тревогу, зазвонит-затрезвонит, вызовет в рубку радиста. Сейчас автоматический приёмник сигналов бедствия молчал. Тому, что произошло во Вьетнаме, уже никто и ничем не мог помочь...

Через приоткрытый иллюминатор ветер трепыхал накрахмаленную занавеску. Она билась и шуршала, как светомаскировочная штора в разбитом окне.

Как тогда, в Ленинграде, в сорок втором...

Надо было встать. Встать во что бы то ни стало. Встать, преодолеть бесконечное расстояние между диваном и окном, прижать нижнюю кромку бумажной шторы к стене, приколотить гвоздями, сделать что-нибудь. Не для затемнения: электричества в городе давно не было, а последняя площадка сгорела.

Надо встать, закрыть амбразуру окна. Через раму с выбитыми стёклами врывались снежные заряды, сугроб дорос до дивана.

Он замерзал. Не мёрз, а замерзал. Насовсем, навсегда.

В одурманенном сознании билась несбыточная мысль: выбраться из-под вороха одеял и пальто. Они не грели, лишь давили на истощённое, сморщенное от холода и голода тело.

Выбраться, отгородиться от метели, спастись от лютого мороза. Изрубить бабушкин буфет с аппетитными тетеревами и виноградом на дверцах, разжечь железную печку-«буржуйку». (Бабушка и мама, когда ещё были живы, называли печку «буржуйкой».) Набрать в чайник снегу, поставить

на огонь и потом медленно, обжигаясь, отхлёбывать животворный кипяток.

Всей жизни уже не хватит на эту работу! Руки, ноги — будто и нет их совсем. И не было никогда.

Разве эти ноги — неподвижные тонкие жерди — били когда-то по мячу? Возносили без передышки на пятый этаж?

Разве эти руки — тонкие ветки засохшего деревца — водили пером, держали паяльник? Отрывали киркой и лопатой щели-убежища у дома?

Разве была когда-то мирная жизнь? Без войны, без блокады, без смерти? Он не сразу сдался: пережил всех в квартире и подъезде, а быть может, и во всём доме. Вокруг — мёртвая тишина.

Говорят: толстые больше страдают от голода. Но у тощих ведь никаких внутренних резервов! Вася с рождения худой и тонкокостный, вот и обессилел. На шестом месяце блокады.

Встать. Надо встать. Помог бы кто, одному не справиться. Верный друг Коська Смирнов исчез куда-то, неделю не виделись. Или две. Или месяц. Дни считать — тоже силы нужны.

Встать. Надо встать...

От мучительно долгого напряжения опять помутилось в голове. Тетерева на дверцах буфета ожили, принялись клевать виноград, защебетали: «Вася... Вась, ты жив?»

Бред, конечно. Тетерева не поугаи, не разговаривают. Тем более деревянные. Это Коська зовёт. Стоит, наверное, внизу, на тротуаре, задрал вихрастую голову, приложил ладони рупором и кричит на весь Васильевский остров:

«Ты жив?»

Подбежать бы к окну, навалиться на подоконник, помахать рукой, ответить:

«Жив! Заходи! Ты где пропадал так долго?»

Вася собрался с силами и приоткрыл глаза.

Раскачиваясь, как белый медведь, мохнатый с головы до ног от инея, кто-то медленно-медленно приближался к дивану.

«Смерть пришла», — равнодушно подумал Вася и закрыл глаза.

Смерть тяжело присела на краешек дивана и заговорила немощным, старческим голосом:

— Вася, ты жив?

«Не видишь, что ли?» — хотел ответить Вася, только не смог.

Смерть наклонилась к самому уху.

— Ты жив?

Вася слабо шевельнул смёрзшимися ресницами. Теперь он точно знал, что жив. Перед ним был Коська Смирнов.

— Держись, — сказал Коська и опять исчез.

Через какое-то время явились два старика. А может быть, и не старика. Тогда все выглядели дряхлыми — и дети и взрослые.

Коська ждал в подъезде, выдохся. Первый день из госпиталя. Коську ранило осколком на Университетской набережной, рядом с госпиталем. Если бы его не ранили, он бы, наверное, просто умер от голода. И не пришёл бы за Васей.

Санки — на таких возили раненых, воду с Невы, мёртвых — потряхивало и качало на неровностях и ледяных торосах проспекта. Когда удавалось разлепить веки, виднелось серое небо в снежной кутерьме или заиндевшее лицо Коськи. Он часто спрашивал:

— Вась, ты жив?

Он всё молил, требовал: «Живи... Живи. Живи!»

Ветер срывал верхушки сугробов, как пену с морских волн. Санки переваливались с холма на холм, и Васе казалось, что он на пароходе в штормовом Индийском океане. Стоит тропическая жара, и совсем не хочется есть. Нисколько не хочется, как до войны.

Пароход качает, в лицо хлещет белая пена. Но ничего, стальной корпус не такой шторм выдержит, и машина сильна.

«Полный вперед!» — капитанским басом командует Вася.

— Полегче, полегче, — хрипит кто-то, — перевернём...

А Коська одно и то же твердит:

— Вась, ты жив?

Он увидел в белом тумане Коську и снова провалился в небытие. Спустя несколько минут воспалённый мозг опять заработал, но теперь Вася очутился не в будущем, а в прошедшем. Они с Коськой третьеклассники и уже связаны нерушимой клятвой, сверхсекретной. Никто и не догадывается, что они посвятили свою жизнь морю. Никто, разве что дома...

«А это откуда? — упавшим голосом спрашивает мама, разглядывая вывернутый манжет рубашки. Там лиловое пятно. — А ну покажи руку, безобразник!»

Этого он не сделает и под страшной пыткой! На левом запястье «вытатуирован» чернильным карандашом матросский якорь.

...Огромный вал с такой силой обрушился на палубу, что застонали переборки. Теплоход затрясся на пенистых обломках волны, как на ледяных торосах.

Николаев крепче упёрся ногами.

— Вконец озверели, — пробормотал он вслух.

И было непонятно, кого он имел в виду: штормовые волны, атаковавшие «Ваганов», фашистов, вцепившихся в горло Ленинграда в ту войну, или тех, кто напал вчера на советское торговое судно в мирном вьетнамском порту.

Если бы он был в ту минуту там! Броситься на помощь, подхватить оседающего, залитого кровью Костю. «Коська! Друг! Живи, Коська! Живи!»

А Костя ответил бы, наверное, умирающим голосом блокадного мальчика: «Поздно, Вася... конец».

Николаев так живо представил себе последний разговор с другом, разговор, который не был и уже никогда не мог состояться, что на лбу выступила испарина. Он покрутил головой. Плакать Николаев не мог: разучился в блокадные дни и ночи.

В детдоме на Урале Вася Николаев и Костя Смирнов уже не рисовали якоря на запястьях, но остались мечта, клятва, верность намеченной цели жизни.

Константин стал механиком, Василий — радистом. Друзья плавали одну навигацию вместе, затем морская служба разъединила их.

Годами не встречались, только и обменивались праздничными телеграммами и радиogramмами.

Когда у Кости с Мариной родился первый сын, Лёшка, Николаева, как ближайшего друга, объявили названным отцом. Но Николаев впервые увидел своего крестника, когда тот уже топал по комнате. Потом появился Дима. Костя был счастливым отцом.

И вот эти шесть строк... Военный лётчик с американского самолёта «Фантом» сбросил бомбу за много тысяч миль от берегов Америки.

Советский теплоход доставил во Вьетнам одежду и хлеб для городов и селений, уничтоженных напалмом. Доставил с трудом и риском, почти как доставляли когда-то в осаждённый Ленинград продовольствие по Ладожской «Дороге жизни».

«А Костина семья! — горько подумал Николаев, и сердце его сжалось. — Им каково? Жене — вдове теперь, детям — сиротам отныне, Лёшке и Диме. Конечно, Лёшке уже восемнадцатый пошёл, а всё равно не взрослый».



Николаев рывком поднялся с дивана. Пока нагревались лампы передатчика, заполнил бланк радиোগраммы. Перечитал, скомкал. Написал заново. Опять не то!

— Словами не поможешь, — сказал вслух Николаев. — Отпуск надо брать.

Глава первая

КАЛЫ́ШКА

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

— Отдать кормовой!

Загудела лебёдка. Продольный швартовый обвис дугой, и двое на причале стянули с лобастой головы кнехта толстую петлю.

Последний трос, связывавший судно с берегом, плюхнулся в воду.

— Вирай!

Конец спешно вытянули на палубу.

Портовый буксир натужно вскрикнул и потащил судно от пирса. Тёмная полоса между кормой и стенкой расширилась, заиграла отражёнными огнями.

Второй штурман перегнулся через оградительную цепь, посмотрел на воду и доложил в микрофон на капитанский мостик:

— Корма чисто!

В ответ прозвучал охрипленный мегафоном голос:

— Хорошо.

Лёшка стоял поодаль от работавших. От его помощи отказались. Он обиделся, но промолчал.

Отход судна, как и швартовка, момент серьёзный. Не до просвещения новичков, только поспевай выполнять команды, несущиеся из динамика, и приказы второго штурмана, который находится здесь же, на корме. И старший матрос рядом. Распоряжения следуют одно за другим, промедление недопустимо, и без твёрдых навыков, без опыта не управиться.

У Лёшки не было ни навыков, ни трудового опыта. Официально он палубный практикант, а на самом деле всего-навсего матросский ученик. Настоящие занятия начнутся, наверное, завтра. Сейчас тоже урок, но, как выразился боцман, оглядн ый.

Лёшка и стоял без дела, стоял и глядел. Никто не обращал на него внимания. Лёшка тихо удалился. Он прошёл на нос и поднялся на полубак.

Матросы сматывали на барабан выюшки тонкий стальной трос. «Шпринг», — отметил про себя Лёшка. Что-что, а морские термины он

усвоил с детства. Отец даже дома называл лестницу трапом, порог — комингсом, пол — палубой, стены — переборками.

Кряжистый, плотный человек, боцман Зозуля хозяйственно распорядился:

— Манилу завтра уложим. Обмакнули всё-таки. И калышек полно.

Лёшка напряг память: «Манила» — манильский трос, свит из волокон абаки, дикорастущих бананов. Прочен, намокает мало. Странное слово «калышка» встретилось впервые. Что оно означает?

Спросить было некого: все заняты. Лёшка спустился обратно, вернулся на корму, а оттуда забрался по наружным стальным трапам на самую верхнюю палубу, именуемую пеленгаторным мостиком. Здесь было промозгло и безлюдно, как на плоской крыше высотного дома.

Ночь и туман скрывали город. Фонари пакгаузов и подъездных путей, высокие, как звёзды, оградительные огни портовых кранов светились расплывчато и тускло.

Судно казалось частью города, одним из его островов, населённым, густо застроенным, но уплывающим в море.

Название судна было написано на носу и на корме — «Ваганов». На корме стояло ещё одно слово — имя прославленного города. «Ваганов» носил его как отчество — Ленинград. И так же, как Ленинград, «Ваганов» был частицей всего Отечества.

В каких бы водах мирового океана «Ваганов» ни плыл, в каких бы чужеземных портах ни стоял, все члены экипажа, от капитана Астахова до матросского ученика Лёшки Смирнова, чувствовали себя полномочными послами, дипломатами, представителями Советского Союза.

Торжественный, полный высокой значимости акт выхода в заграничное плавание сейчас никого не занимал на «Ваганове». Привычное дело, очередной рейс, по горло срочной, ответственной работы.

И Лёшка не впервые уходил в море — несколько раз совершал малый каботаж на судне отца. Вернее, на судах: отец плавал и на пароходах, и на турбоходах, и на теплоходах. Лёшка ездил с мамой, а позднее и с Димкой в Ригу, Таллин, Калининград. Они встречали отца. Судно не каждый раз возвращается в порт приписки. Бывает, что доставленные товары удобнее или выгоднее разгрузить в другом месте.

Вот тогда Лёшке и удавалось пожить несколько дней в отцовской каюте. Потом судно уходило в Мексику, Канаду, Францию. Или ещё куда-нибудь, на другой край земли.

Последний рейс отца был во Вьетнам...

Лёшка вздохнул.

Справа остался последний береговой огонь. Буксир прощально гуднул, отвалил в сторону и круто развернулся на обратный курс.

Палуба под ногами задрожала сильнее и чаще, вдоль бортов запенились и зашипели белые волны. Казалось, судно не плывёт, а едет по заснеженной дороге и, словно бульдозер с треугольным ножом, расчищает путь.

Главный двигатель набирал обороты, входил в полную мощь, а Лёшка внезапно ослабел, припал грудью к планширу, зашмыгал носом, замотал головой, чуть не заревел в голос. Так ему вдруг тошно, так одиноко и тоскливо на свете стало! Но он тотчас опомнился, пугливо оглянулся: нет ли кого?

На мостике не было ни души. Закутанные в брезент, стояли по бокам тумбы навигационных приборов.

Согнутая ладонь антенны локатора непрерывно вращалась, озирая туманное море. На верхушках двуногих мачт горели топовые огни.

Залезть бы туда, сложить ладони рупором и закричать, чтобы дома услышали: «Ма-ма!»

«Тебе так хорошо-о,— сказал Димка, прощаясь,— ты та-ак уезжаешь, а мы так не-ет».

Привычку взял такать и завидовать! Стоило Лёшке собраться куда-нибудь, Димка сразу хныкал: «Ты та-ак...» Сейчас, в эту минуту, Лёшка не злился, как обычно, на брата. Свершись чудо и окажись он тут, на мостике, Лёшка бы, наверное, поклялся никогда и никуда не уходить без него.

Из распахнутого светового люка машинного отделения сочилась блёклая желтизна. Остеклённые створки люка похожи на парниковые рамы, но снизу пахнет не огурцами, а перегретым машинным маслом. Так пахли отцовские рубашки, белые нейлоновые рубашки, которые мама перестирывала, хотя отец и уверял, что отмачивал их в специальном мыльном растворе сутками.

«Но ты же в них спускался в машину!» — говорила мама.

«Один раз, Мариночка! — оправдывался отец. — И я всегда закатываю рукава!»

Когда привезли отцовские вещи, они тоже пахли маслом. Они и до сих пор пахнут машиной и морем.

Трудно сказать: если бы отец был жив, пошёл бы Лёшка в матросы или нет? Скорее всего, нет. Отец и мама и заикаться о море не разрешали. «Думать не смей! Куда хочешь: в сапожники, художники, астрономы — только не в море!»

Но Лёшка мечтал только о море. Это было не просто возвышенное и туманное желание, а неодолимая сила. Всё остальное — рисование, гитара,

футбол — было второстепенным увлечением. Он не отдавался им и наполовину, быстро охладевал, не достигнув сколько-нибудь заметных успехов. Причиной тому была всё та же страсть к морю, единственно настоящая. Все же считали, что мешала лень, и с детства попрекали его. Лёшка не был лодырем, он не питал отвращения к работе, но страдал замедленностью во всём, что делал. Это проявлялось и в походке — вперевадку, нога за ногу, в манере говорить — тягуче, с паузами, даже в улыбке — растянет немного губы да так и застынет.

Округлое лицо с широко поставленными глазами и ямочкой на подбородке выражало постоянное благодушие и доброту.

Выше среднего роста, широкий в плечах, крепко сбитый, Лёшка по всем статьям годился в моряки, но дома об этом и слышать не хотели.

«Хватит нам и одного вечного бродяги!» — категорически заявляла мама, выразительно поглядывая на отца.

С раннего детства Лёшка только и слышал: «приходит», «уходит», «в рейсе». Не сосчитать, сколько раз встречали и провожали отца.

Сегодня провожали Лёшку. Впервые — в море, в самостоятельную жизнь. Расставание было тяжким, мучительным. Отход затянулся, и Лёшка — стыдно признаться! — с тайным нетерпением ждал, когда наконец объявят по судовой трансляции: «Внимание! Всем посторонним покинуть судно».

Это значит: на борт прибыли пограничники и таможенная комиссия, члены экипажа обязаны разойтись по своим каютам, а посторонние — жёны, дети, родители моряков — сойти на берег.

Трап превращается в пограничный мост. На пирсе, как на государственной границе, стоят солдаты в зелёных фуражках.

Судно уходит в дальнейшее плавание, за границу.

«Посторонним покинуть судно». Холодные, строгие, обидные слова, а ничего не сделаешь: граница! «Ваганов» ещё стоял у родного причала, но граница уже разлучила моряков с семьями, с «посторонними». Они остались по ту сторону трапа, на земле.

Когда этот мост вновь соединит их: через месяц, два, полгода? И отец, бывало, уходил как будто ненадолго. «Ерунда, Мариночка! Трамвайный рейс — в Амстердам и назад». Но из Голландии прилетала радиограмма: «Пошли на Кубу». Или в Марокко. Или ещё куда-нибудь за семь морей и океанов.

Лёшка тоже уверял маму, что скоро вернётся, но она-то знает, каким долгим сроком оборачивается это «скоро». Всю жизнь мама ждала отца. И Лёшка ждал. У других ребят отцы как отцы — все триста шестьдесят пять дней в году дома. Дети моряков не видят отцов месяцы и годы.

Ничего нет на свете хуже, чем расставание! Когда в конце концов защёлкал динамик, Лёшка вздрогнул, словно и не ждал этого момента.

Мама не плакала, но и по глазам было видно, что у неё всё внутри плачет. Димка затаил было своё «Тебе та-ак...» и осекся. Мама обняла обоих, Лёшку и Димку, громко прошептала:

— Всё будет хорошо, мальчики мои. Всё будет хорошо...

Так всегда говорил отец: «Всё будет хорошо, мальчики мои, всё будет хорошо, Мариночка». А мама напутствовала: «В добрый путь!» Потом от отца приходили короткие вести с разных концов земли, и Лёшка перетякал на большой, в полстены, карте мира красный флажок, отцовский след.

Не так часто видел Лёшка своего отца, чтобы забывать его слова. И умел отец говорить так, что помнилось.

Накануне последнего рейса отец долго стоял у карты мира, вспоминал свою жизнь по тонким цветным линиям рейсов, которые с малых лет старательно вычерчивал Лёшка.

— Это мои следы на земле,— задумчиво проговорил отец.

Трассы проходили по голубому и синему, они лишь начинались и оканчивались у коричневых, жёлтых и зелёных берегов. Лёшка хорошо знал карту, он и читать научился по географической карте, а не по букварю.

— На море! — поправил Лёшка.

Отец покачал головой.

— Нет, сын. На воде следы не остаются, только на земле. Всё, что творит человек — в океане, на берегу, в небе,— всё для людей. Человек оставляет свой жизненный след на земле.

На другой день отец ушёл в свой последний рейс.

После гибели отца Лёшке всё как-то сделалось безразличным. Мама почувствовала, поняла его настроение и потому, наверное, дала согласие. И дядя Вася сыграл важную роль. С другим мама не отпустила бы. Будто Лёшка отправлялся в турпоход, а не на работу.

Отец и дядя Вася плавали матросами, пока не поступили в высшее мореходное училище. Отец — на заочное отделение, а дядя Вася на дневное. И Лёшка будет учиться, но не на радиста или механика, а на штурмана и станет капитаном, капитаном дальнего плавания.

До этого ещё далеко, ох как далеко!..

Лёшка протяжно вздохнул и зябко повёл плечами.

Бак обезлюдел, никого не было уже и на главной палубе. Пора было укладываться, но уходить не хотелось.

— Так я и думал,— раздался за спиной голос Николаева.— Не спишь, конечно.

Он положил руку на Лёшкино плечо.

— Всё правильно. И я, когда впервые попал в море, сутки проторчал здесь. Не один, правда...

О той ночи и отец рассказывал: до самого рассвета простояли тогда на верхнем мостике два друга.

Когда отец уходил в рейс вечером или ночью, мама до утра не ложилась.

Приедет домой из порта, сядет в кресло и вяжет. Свитер для отца, пуловер Лёшке или Димке что-нибудь. И перед возвращением отца не спит никогда.

— Мама, наверное, новый свитер начала,— сказал вслух Лёшка.

— Всё будет хорошо, не тревожься.— Николаев притянул его к себе.

Они постояли молча. У Лёшки немного отлегло от души.

— Всё будет хорошо,— повторил Николаев и отстранился.— А теперь — отдыхать, Лёша. У тебя завтра нелёгкий день будет. Рабочий...

Иллюминаторы в каюте были зашторены плотными занавесками. В темноте Лёшка опрокинул складной стул с одеждой соседа. Тот мгновенно зажёл у изголовья свет. Лицо оставалось в тени, а рыжие волосы засветились, как неоновые

— Кто? Что?

— Это я. Спи.

— Да-да,— пробормотал сосед.

— Ты не знаешь, что такое «калышка»? — спросил вдруг Лёшка.

— Кто? Что?

— Ка-лыш-ка,— по слогам сказал Лёшка.

— Калышка...— Сосед сладко почмокал губами, будто варенье пробовал.— Загогулина такая.

Лёшка невольно заулыбался. Сосед помедлил секунду и нашарил выключатель.

«Загогулина...— повторил про себя Лёшка, опять оставшись в темноте.— А что значит загогулина-калышка?»

КАЛЫШКА

Розовое небо светилось над розовым морем.

Тесно прижимаясь к стальному корпусу, неслась от форштевня тугая белая волна. Дойдя до середины, она косо отходила в сторону, гофрируя

зеркальную гладь. От кормы до неразличимого горизонта тянулся kloкочущий пенный след.

Лёшка глубоко вдыхал полной грудью ароматный, йодистый воздух, жмурился от солнца, улыбался, сам не замечая этого, — так хорошо ему было.

Прекрасное утро предвещало прекрасный день. Не только день — будущее.

Впереди белые заморские города, легендарные тропики Рака и Козерога, синяя бесконечность. Впереди удивительные приключения, необыкновенные встречи и события.

Впереди ураганные ветры, свирепые штормы, жизнь отчаянного риска и схваток с необузданной со дня сотворения мира водной стихией.

Вёсельные галеры, парусные фрегаты, колёсные пароходы, турбоходы, теплоходы и атомные корабли... Техника мореплавания проделала путь, не меньший, чем живая природа от червя до альбатроса, а морская профессия — одна из самых древних мужских профессий на земле — по-прежнему одна из самых мужественных.

Он думал о море красивыми, возвышенными, но чужими словами, ибо своих слов у него ещё не было. Ему лишь предстояло познать настоящую цену матросского хлеба, не самого лёгкого хлеба на свете.

И всё-таки Лёшка думал о море и своём будущем светло и радужно не потому, что пребывал в полном неведении о трудностях жизни моряка. Напротив, они-то, трудности и опасности, привлекали его романтическую душу, жаждавшую приключений и героических действий. Конечно, он никому не признавался, что мечтает о подвигах, как и не задумывался над тем, способен ли на это. Просто он считал: сын героя не может быть трусом. Не должен. И уж во всяком случае сын обязан быть достойным своего отца, а Лёшка хотел этого больше всего. Отец сказал когда-то: «Ты моё будущее». Слова запомнились и после гибели отца приобрели особенный смысл: Лёшка заменит отца.

«Не держи его, Марина», — сказал дядя Вася.

«Как я могу отпустить его? Опять бояться и ждать, ждать и бояться!»

«Море и его призвание, Марина. Один рождается математиком, другой — композитором. Лёша — прирождённый моряк. Отпусти его. Увидишь: и тебе легче будет. Ты уже не можешь не ждать».

За неделю до вступительных экзаменов Лёшка забрал из института свои документы. Молодая секретарша устала на него как на сумасшедшего: «В матросы? В простые матросы?! Эх, ты... Матрос вроде черно-рабочего...»

Лёшка не удостоил её ответом. «Чернорабочий...» Все великие мореходы и адмиралы начинали с простых матросов!

«Чернорабочий...» Слово-то какое брезгливое, высокомерное. Вспомнил, и сейчас противно стало.

Лёшка плюнул за борт. Белый комочек утонул в белой кипени и умчался назад.

Посмотрим ещё, кто чёрный, кто белый, кто настоящий, кто «эх ты!»...

— Эй, ты! — окликнул с верхней палубы грубый голос Зозули. — Чего расплевался!

Море для моряка, что колодезь в деревне. Плевать за борт — невоспитанность.

Лёшка отпрянул назад, повернулся и встретился лицом к лицу с соседом. Он выглядывал в иллюминатор.

Каюта практикантов была на главной палубе и выходила иллюминаторами в открытый коридор правого борта. Палуба второго «этажа» нависала над коридором, словно крыша веранды.

— Койку прибирать не думаешь?

— Думаю.

— Живее! На завтрак опаздываем.

Лёшка равнодушно отмахнулся: человеку настроение испортили, а тут какой-то завтрак.

Он переступил высокий комингс и дёрнул ручку. Дверь не подалась. Лёшка дёрнул сильнее, ещё сильнее.

Сосед выглянул из каюты:

— Защёлку подними. Сверху, в уголке. Вот-вот. Впрочем, не закрывай, тепло на улице.

— На улице, — пробормотал Лёшка и пошёл застилать постель.

— Живее, на завтрак опоздаем! — опять напомнил сосед.

В рабочих брюках на лямках и разодранной на тощей груди тельняшке он выглядел забавно. Звали его Павел, а фамилия — Кузовкин.

В столовой команды людей было немного. Ночная вахта ещё не освободилась, утренняя уже поела и ушла. Первый стол от двери занимало непосредственное матросское начальство: боцман, старший матрос, старший моторист, артельный. Все гладко выбритые, причёсанные, в белоснежных рубашках с туго закатанными рукавами. И не подумаешь, что несколько часов назад они тащили тяжёлые мокрые канаты, ворочали бочки, орудовали гаечными ключами, сматывали промасленные стальные тросы.

У Павла развязался шнурок на ботинке.

— Иди, я догоню.

Перед входом в столовую Лёшка столкнулся с высоким блондином, матросом первого класса Федоровским. Лёшка вежливо пропустил его вперёд.

— Доброе утро, приятного аппетита! — поздоровался Федоровский, сразу обращаясь ко всем.

— Доброе утро. Приятного аппетита, — повторил вслед Лёшка.

Кто сказал «спасибо», кто — нет, но все ответно кивнули.

Лёшка опустился в удобное вращающееся металлическое кресло с подлокотниками и мягким кожаным сиденьем.

Место ему отвели такое, что он всё время видел перед собой боцмана. Ел Зозуля степенно, домовито, основательно. И молча. Вдруг он опустил кружку с чаем и уставился на Лёшку.

Сзади заученной скороговоркой невнятно произнесли:

— Доброутроприятноаппетит!

— Па-ша, — вразяжку сказал боцман.

Федоровский коротко хмыкнул: «Ну даёт твой сосед!»

— Распустилась молодёжь! — прокурорским тоном изрёк боцман.

— Чего, товарищ боцман? — невинно спросил Паша.

— Сейчас ему дракон задаст на полный максимум-минимум! — предсказал Федоровский.

— Далеко собрался, Паша? — ласковым голосом поинтересовался Зозуля.

— Завтракать и на работу.

— На работу, значит. А я думал, на праздник Нептуна. Только далеко вато ещё до экватора, Па-ша.

— Далеко, товарищ боцман.

— Ну, тогда сходи да переоденься в человеческое, Паша. Сделай такое одолжение, уважь компанию.

Паша исчез.

— Распустилась молодёжь. — Зозуля так и сверлил Лёшку чёрными глазами.

У Лёшки хлеб в горле застрял.

— Паштет бери. — Федоровский пододвинул раскрытую консервную банку.

— Спасибо, — прохрипел Лёшка.

— Напрасно отказываешься: до обеда проголодаешься как зверь.

С трудом проглотив застрявший хлеб, Лёшка заторопился вон.

— Смирнов!

Всё в Лёшке замерло. Сейчас дракон ославит его на весь экипаж: «Распустилась молодёжь! Только на борт поднялся, заплевал всё море!»

— Спецовку получи. После чая сразу к шкиперской подходи.

Лёшка перевёл дух.

— Я уже, я готов.

— А я — ещё нет, — спокойно сказал Зозуля и взялся за чайник. На облуленном носу боцмана блестели капельки пота. — Распустилась молодёжь, — повторил он. — Разве такие матросы раньше были?

— В русско-японскую? — насмешливо подал кто-то голос из угла.

— Перед Отечественной.

Лёшка стоял, не зная, уходить или оставаться. «Сколько же Зозуле лет, если он ещё до Великой Отечественной войны плавал? Меня тогда и на свете не было». Зозуля не досказал, какие раньше матросы были, занялся очередным бутербродом.

Лёшка вышел в коридор и стал дожидаться боцмана. Откуда знать, куда идти? Много у боцмана кладовых: всё палубное судовое имущество на его ответственности. Тросы, краски, ветошь, инструменты, чехлы, запасные части, шлюпки, плотики, даже запасной якорь, что лежит на корме, в ведении боцмана. И спецодежда, и обувь...

Выдав Лёшке тёмно-синие брюки, куртку, ватник, тяжёлые ботинки и лёгкие туфли, похожие на домашние шлёпанцы, но на резиновой подошве, Зозуля повёл его на корму, в тросовую. Там держали мыло и порошки.

Стиральный порошок хранился в деревянной бочке; Зозуля насыпал с полкилограмма в бумажный кулёк.

— Для нейлона малопригоден, а робу отстирывает добела.

Лёшка подумал, что отец, наверное, замачивал свои белые рубашки в растворе из такого порошка.

— Прачечная знаешь где? Внизу, да. Там две стиральные машины. Пользуйся. Выключать только не забывай... Ну, лады. Переодевайся — и на полубак. На нос, значит. Да, как устроился?

«Почему его драконом зовут? Никакой он не дракон. Боцманы-драконы давно вывелись на флоте, вымерли, как динозавры. Это ещё отец говорил».

— Спасибо, товарищ боцман, нормально.

— Ну, лады.

Сделать калышку ничего не стоит. Перекрутился трос, запетлил — вот и калышка. Разгоняй теперь, распрямляй, вытягивай в нитку.

Жёсткий швартовый манильский трос толщиной с руку боцмана Зозули. Распутать манилу и уложить не просто. Впятером бились. Лёшка с напарником разворачивали калышку в петлю диаметром с колесо самосвала, ставили вертикально и перекатывали до конца троса. Петля исчезала, а

вместе с ней и калышка. Федоровский и Паша вытягивали всё удлиняющийся участок манилы по палубе.

Разделавшись с одной калышкой, приступали к следующей. Манила, будто гигантский удав, вырывалась, изворачивалась, сопротивлялась яростно и жестоко. Матросы бились с ней, как с живой. Петля то и дело заваливалась, её снова ставили торчком и, напрягаясь всем телом, катили вперёд.

Катить с каждым разом всё дальше и дальше, а калышкам числа нет. Вперёд, опять назад, опять толстенный золотистый жгут петлёй-колесом, опять — навались! Ноги напряжены до дрожи, немеют пальцы, жилы на шее вздулись.

— Давай-давай! — подгонял Зозуля. И помогал то одним, то другим.

Осенний балтийский ветер продувал до костей. Пот высыхал, как на морозе. Разлохмаченные волосы прилипли ко лбу.

Осталась треть бухты, а силы — все, выдохся Лёшка. Не разогнуть спины, мышцы, как порванные струны, в глазах чёрные мухи.

— Давай-давай!

Зозуля наладил швартовую лебёдку. Трос ещё нужно пропустить через барабан со смешным названием «турачка» и аккуратно уложить в специальный ящик под палубой. А сил уже нет, но стыдно жаловаться, просить пощады, отдыха, чтобы свалиться и лежать, не шевелясь, минуту, две, час...

— Давай, молодёжь!

Ему что, Зозуле, любая тяжёлая работа — пустяк, натренировался за четверть века. И в те четыре года, которые не плавал, а воевал в морской пехоте, тоже закалялся. Лёшка не приучен к физической работе. Пусть Зозуля думает и делает что хочет, но Лёшка — всё.

Он поднял голову, продышался и вдруг посмотрел на Пашу. У того с Федоровским задача не легче, и — ничего. Тянут себе. Не вспотели даже. Или вспотели, да не видно.

Неужели Лёшка слабак в сравнении с таким тощим, хилым цыплёнком?

Лёшка сцепил зубы и с какой-то яростной, отчаянной силой набросился на проклятую закалышканную манилу.

Зозуля загонял в гнездовье швартовый манильский трос, будто индийский факир змею в корзину.

— Понял, что такое калышка? — придыхая, как астматик, спросил Паша.

Последний рывок окончательно опустошил Лёшку — и кивнуть не смог, — но едва присел, новая команда:

— Кузовкин, Смирнов — люки задраивать! Федоровский покажи.

Федоровский взял небольшой ломик, вставил острый конец в гнездо откидного стопорного зажима и с усилием повернул его. Стальная шарнирная лапа прижала закраину трюмной крышки к резиновой прокладке, чтоб и в сильный шторм ни капли внутрь не проникло.

С первым и вторым трюмами управились к одиннадцати. Лёшка даже часы к уху поднёс: идут ли? Неужели они работают всего три часа? Руки, ноги — всё тело ноет, а до обеденного перерыва целая вечность, три тысячи шестьсот секунд!

— Смирнов, Кузовкин, Федоровский — на корму, баки опорожнить.

К железным бакам с пищевыми отходами привязали для страховки прочные линии и опрокинули за борт.

Сразу же налетели чайки, с криком набросились на объедки.

Водворив баки на место, взялись за бочки с машинным маслом. Каждая бочка — четверть тонны.

— Так эти не наши, дедово хозяйство, — слабо запротестовал Паша. Не хотелось ему ворочать тяжеленные цилиндры, связывать их, крепить к палубе. И бочки и трос — в масле.

— Тельняшечку свою жалеешь? — угрюмо пошутил Зозуля. — Перетрутился! Деду с его ребятами работёнки хватит.

«Дед» — старший механик. После рейса во Вьетнам Лёшкиного отца должны были повысить. Он заранее посмеивался:

«Вот так-то, Мариночка, станешь ты скоро женой деда!»

Раньше, чтобы дослужиться до высокой должности старшего механика, обрастали дедовской бородой.

Отцу не исполнилось и сорока...

Лёшка первым взялся за бочки с машинным маслом.

— Вот это по-молодёжному, — негромко похвалил Зозуля.

Затем подметали и скатывали водой из шланга всю кормовую палубу.

Точно в двенадцать Зозуля объявил довольным голосом:

— Перекур с макаронами по-флотски!

Лёшка ел не разбираясь: давно он таким голодным не был. И таким усталым. Последний раз, наверное, в прошлом году, когда на спор трижды подряд переплыл туда и обратно озеро Красное, а ширина его почти километр. Лёшка вылез тогда на берег чуть живой, но счастливый. Ребята смотрели на него как на героя. Герой не герой, но не всякий столько часов продержится на воде! Лёшка потом даже перед дядей Васей похвалился, по секрету: выдала бы мама за такое!



И дядя Вася не очень-то восторгался: «На миру, конечно, и смерть красна. А стоило ли рисковать? Из-за чего? Во имя чего? Подвиги не на пари, не для личной славы свершаются».

Лёшка пытался оправдаться: не в пари главное, он себя проверял, опилит или нет. И кроме того, это же тренировка! «Разве что тренировка», — уступил дядя Вася.

Чёрта с два выдержал бы Лёшка такую «тренировку» без свидетелей! Он бы и сейчас, работая в одиночку, давно с ног свалился.

Как же не хотелось натягивать после обеда рубу!

Опять задраивали трюмы, наводили порядок в тамбучинах — кладовых внутри коробчатых оснований грузовых мачт, расклинивали и заливали цементным раствором якорь-цепи в палубных клюзах¹.

На полдник уже никто не переодевался, расположились табором в коридоре и напились чаю с галетами. Лёшка сле добрался до койки и заснул мертвецким сном. И на ужин не пошёл.

— Ну и здоров ты спать! — с искренним восхищением сказал на другое утро Паша. — Я так больше двенадцати часов не улежу.

— Сколько я проспал? — пробормотал Лёшка. Он повернулся на бок и тихо охнул: всё тело ломило.

— Семнадцать часов ноль восемь минут! — торжественно объявил Паша, словно передавал по радио новый олимпийский рекорд. — Поднимайся, а то на завтрак опоздаем.

И начался новый день, такой же нелёгкий и не героический, как и первый. А за ним третий, четвёртый... И снились Лёшке не кокосовые архипелаги, не синие дали, а бочки, тросы, скребки, ржавая пыль, вёдра с краской, суровые нитки для сшивания брезента, снилась швартовая манила с калышками.

ПАПИН ПАРОХОД

Перед Гамбургом, на правом берегу северного рукава Эльбы, лежит на зелёных холмах небольшой городок Ведель. Таких городков много в Европе и в других частях света.

Не меньше и яхт-клубов. Но каждый раз, когда судно приближалось к Веделю, Николаев выходил на крыло мостика, смотрел и слушал.

Яхт-клуб Баухор-Ведель издавна торжественно приветствует все корабли,

¹ Клюзы -- отверстия для прохода якорных цепей.

идущие в Гамбург и обратно. Встречает и провожает мореплавателей флагом и гимном их родины.

За двенадцать ли миль от родного берега, где проходят морские границы территориальных вод, за двадцать ли тысяч, где кончается географическая карта, — всюду и везде символы твоего народа, твоей земли, твоего дома волнуют остро и сильно.

Николаев смотрел и слушал, пока не смолкал последний звук и Ведель не скрывался за элеватором, похожим на неприступный средневековый замок.

И сегодня, как всегда, едва на траверзе показались мерцающие огни Веделя, Николаев покинул радиорубку и вышел на крыло.

Где-то наверху тихо переговаривались.

— Паренёк ничего, подходящий, — хвалил кого-то Зозуля. — Толк будет. Вспомните моё слово: максимум через год до первого класса дойдёт.

— Максимум, — привычно поправил артельный Левада.

— Без тебя знаю, — мирно выговорил Зозуля. — Мне «максимум» привычнее. А из Смирнова толк будет, будет. Молодой он ещё, конечно, малорасторопный, но не сачок. И море любит.

— Это верно, — подтвердил Федоровский. — Вот о Паше такого не скажешь.

Зозуля тяжело вздохнул:

— Паша — другой. И даже вроде бы освоил, поднаторел за практику, а в матросы производить рано.

— Устав бы ему дочитать, — с усмешкой произнёс Левада. — Права усвоил, а обязанности на чужие плечи перекинуть старается.

— Права качать он умеет, — опять вздохнул Зозуля и твёрдо закончил: — Но ничего, час придёт — дурь из него выйдет. Море не таких обламывает.

— И ломает, — сказал Федоровский. — Кого — и надвое, не склеить потом.

— Бывает, — философски согласился Зозуля. — Поплаваем — увидим.

«Где же Лёша? — подумал Николаев. — Наверху его, ясно, нет. Неужели спит? После такой радиogramмы!»

Лёшка ещё ни разу в жизни не получал в море радиogramм. С моря на берег — не счесть, с берега — никогда. Уже это одно возбуждало тревогу. Что там случилось? С мамой что-нибудь? У неё последнее время болело сердце, и сосед, доктор Фёдор Фёдорович, делал ей уколы.

— Читай, — торжественно сказал Николаев и сунул в руку жёлтый листок.

Лёшка крепко сжал его, но взглянуть не решился.

— Читай.

Лёшка отступил, испуганно замотал головой.

— Всё хорошо, Лёша, всё хорошо.

И он прочёл. Раз, другой, третий... Прочёл и ничего не понял.

ДВАДЦАТОГО СПУСК НОВОГО БМРТ КОНСТАНТИН СМИРНОВ ВЫЛЕТАЕМ НИКОЛАЕВ ЦЕЛУЕМ МАМА ДИМА.

Что значит БМРТ? При чём тут имя и фамилия отца? Какая связь между этим и Николаевым?

— Почему ты молчишь, Лёша? — Николаев обнял его за плечи и потормошил. — Не мрамор, не бронза, не деревянный обелиск — живой пароход!

И до Лёшки дошло: именем отца названо новое судно, большой морозильный рыболовный траулер, БМРТ, мама с Димкой вылетают в город Николаев на торжественный спуск «Константина Смирнова» на воду.

Именем отца... Нет, сразу не понять, не осмыслить. Именем отца! Лёшка волновался всё сильнее, не зная ни что надо сказать, ни что делать...

И позднее, когда его поздравляли все ребята палубной и машинной команд, штурманы, механики, помполит, сам капитан, Лёшка отвечал на рукопожатия, улыбался, говорил «спасибо», голова всё ещё шла кругом и никак не удавалось вообразить пароход с крупной надписью «КОНСТАНТИН СМИРНОВ». По носу и на корме, а на верхнем мостике, на белых щитах, для всего мира латинскими буквами — KONSTANTIN SMIRNOV.

За ужином он что-то ел, пил, не ощущая ни запаха, ни вкуса, далёкий от происходящего вокруг. Вернул его на полубу «Ваганова» боцман Зозуля.

— Значит, так, — объявил он на всю столовую, — к полуночи в Эльба-реку войдём, ошвартовка в два тридцать. Ты, Смирнов, спокойно отдыхай себе, без тебя обойдёмся. Такому делу при солнце учиться надо.

«Да, конечно, — подумал Лёшка. — И я... У меня сегодня...»

— И поспать перед вахтой положено, — закончил Зозуля. — С восьми к трапу заступишь. Инструктаж на месте. Сменит тебя Шавров.

— Понятно, — без особого удовольствия отозвался матрос Шавров. — А я в город собирался.

— Значит, не пойдёшь.

— Значит, не пойду, — вздохнул Шавров.

Тут только Лёшка понял, что и ему не выбраться в Гамбург.

— Я тоже, — поднявшись с кресла, упавшим голосом произнёс Лёшка, — и я в Гамбург...

Чёрные брови Зозули свинулись вплотную.

На помощь Лёшке неожиданно пришёл Федоровский.

— Вы же знаете, товарищ боцман,— сказал он укоризненно,— такое событие у него, а вы...

— Что я? — искренне удивился Зозуля. — Я его поздравил, все видели. А дальше что? Что дальше? В рамку его портретную вставить? От работы освободить, пыль сдувать? Он есть матрос, а судно, между прочим, не в его честь названо.

— Но Константин Смирнов отец его! — напомнил Паша.

— Ты, Паша, не шуми. — Голос Зозули сделался спокойным и рассудительным. — Разберём с максимальной вдумчивостью. Итак, назвали траулер именем Константина Смирнова. А какая в том личная заслуга Алексея, сына его? Ни-ка-кая. Сын героя. Это, конечно, гордость и почёт, можно сказать. Но! — Зозуля высоко поднял руку с отставленным пальцем. — Но и ответственность. Персональная! Тем более в данном случае: Алексей наш не только сын героя-моряка, но и сам моряк, матрос. А что есть вообще матрос?

Никто не отозвался. Зозуля принял молчание за полное согласие.

— То-то,— удовлетворённо заключил он и принялся за компот.

Выйдя из столовой, Лёшка прошёл мимо своей каюты и забрался на спардек. Но и там показалось не очень укомно.

На корме, между рабочей шлюпкой и бочками с машинным маслом, лежал принайтовленный к палубе запасной якорь. Лёшка присел на него, как на скамью. Здесь его никто не мог увидеть. И почти не дуло. «Хорошее местечко», — отметил Лёшка. Он вспомнил, как когда-то играл на отцовском пароходе в прятки с капитанским сыном и чьей-то девочкой.

Лёшку и взрослые не смогли сразу найти. Подняли на ноги всю команду. Мало ли что могло случиться? Обнаружили его часа через два спящим под брезентовым чехлом рабочей шлюпки. Капитан сердито сказал, что если ещё раз повторится нечто подобное, он очистит борт от всех посторонних.

Лёшка засопел, набычился и с вызовом выкрикнул:

«Это папин пароход!»

Все рассмеялись. Мама крепко схватила Лёшку за руку и потащила в отцовскую каюту. Лёшка не плакал, он упирался и упрямо твердил: «Это папин пароход, папин!»

Рыболовные флотилии Советского Союза промысляют во всех широтах, от Ледовитого океана до Огненной Земли, от Балтики до Японского моря.

По всему миру пролягут голубые трассы «Константина Смирнова», большого белого парохода.

Почему-то Лёшка представлял себе теплоход имени отца только белым. Белым-белым.

На душе вдруг стало горько и защищало глаза. Зачем ему пароход? Пусть самый большой, самый новый, самый белый! Ему нужен отец, живой, здоровый, весёлый. Родной человек. Ты его редко видишь, долго ждёшь, но он возвращается. Теперь ждать нечего, отец уже никогда не спросит: «Как дела, сын?» И ты, как бывало, не скажешь: «Нормально, папа».

Разве нормально ставить человека к трапу, когда у него такое на душе? А завтра все отправятся в Гамбург, он же, этот человек, останется!

Обида сдавила горло. Лёшка сознавал, что всё это ничто в сравнении с большим и настоящим горем, которое вновь переживал сегодня, но боль от обиды на боцмана не стихала. Он чувствовал себя одиноким, заброшенным, никому не нужным, как в ночь отхода из Ленинграда.

Судно сбавило ход. Вода за кормой клокотала тише, не так вздрагивала палуба. Лёшка вылез из своего убежища и огляделся. Море кончилось. «Ваганов» медленно двигался по широкой полноводной реке. От тёмного берега с проблесковым маяком быстро шёл катер.

— Федоровский, на руль! — дважды сказала радио.

На входе и выходе из порта, в узкостях и других сложных для плавания местах к штурвалу становился Михаил Федоровский, лучший рулевой. Федоровский не только первоклассный матрос, он и английский язык хорошо знает. Лоцманы — немцы, датчане, голландцы, шведы, турки — все отдают команды по-английски.

— Подать люстру! Выбросить штурмтрап! — скомандовали сверху.

За борт вывесили большой рефлектор с сильными лампами и спустили верёвочную лестницу с деревянными ступеньками.

Лоцманский катер вплотную прижался к борту, и человек в плаще ловко вскарабкался по штурмтрапу наверх. Яркий свет за фальшбортом погас. Катер быстро отдалился, и «Ваганов» опять набрал скорость.

У берега в тёмной воде Эльбы змеились отражённые огни. Их становилось всё больше. Вскоре показался целый городок, холмистый, зелёный; редкие огни и цветные лампочки над верандой ночного ресторана светились сквозь кружево ветвей.

На открытом пригорке, за яхтными причалами, стояло двухэтажное здание с обзорной вышкой и мачтой, серебряной в луче «юпитера». Вдруг

вспыхнуло пламя. Оно отделилось от крыши, затрепыхало на ветру, взлетело к рее на мачте.

«Красный флаг!»

Зазвучала музыка.

Он узнал мелодию, но не поверил себе: слишком неожиданной и невероятной была она здесь, на Эльбе. Невидимый оркестр вступил в полную силу. Берег, река, небо в неярких звёздах — всё запело вокруг, и гордо откликнулся тифонный бас «Ваганова».

«Наш гимн, советский!»

Лёшка невольно принял стойку «смирно».

Сотни раз слышал он Гимн Советского Союза, но никогда не испытывал такого глубокого волнения.

Ему почудилось, будто стоит он на виду у всего мира и весь мир смотрит на него, словно он, Лёшка, не палубный практикант, не матрос, а Чрезвычайный и полномочный представитель СССР Алексей Константинович Смирнов.

Всё смолкло. Лишь мерно колотил под палубой главный двигатель.

Лёшка очнулся от волшебного видения.

Зелёный городок исчез за элеватором. Тёмное небо, тёмные берега, тёмная Эльба.

Стало до жути одиноко. И как совсем ещё недавно Лёшка бежал от всех, так сейчас он бросился к людям. На одном дыхании взобрался по наружным трапам наверх и задержался у радиорубки. Двери были настежь открыты. Николаев убирал в стол пишущую машинку.

— Видели? — взволнованно спросил Лёшка. — Здорово! Кто это?

Выслушав объяснение, Лёшка повторил с чувством:

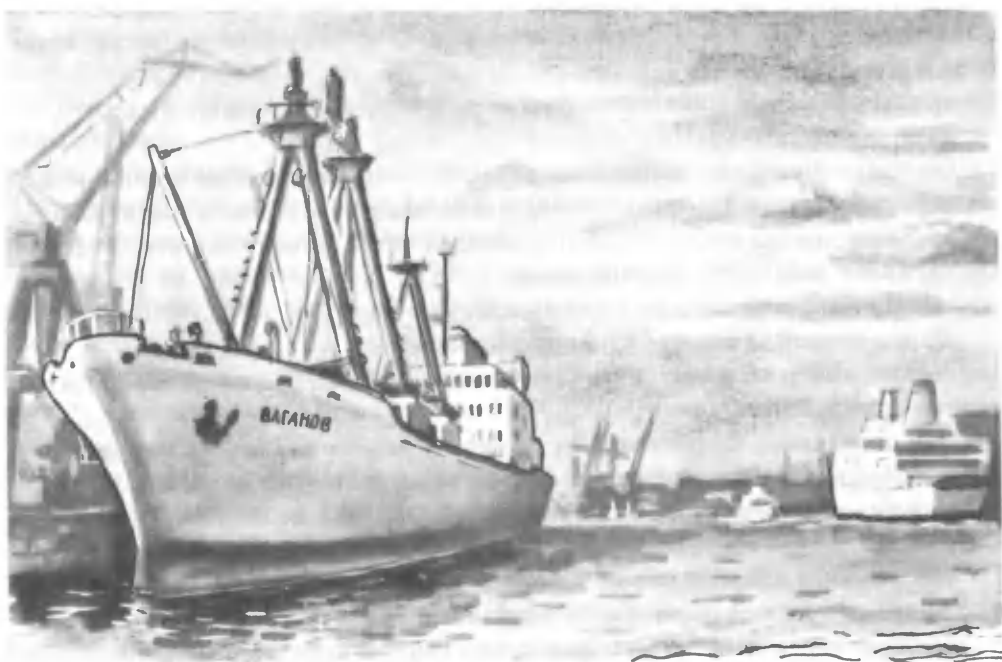
— Здорово! — Но тут же сник и произнёс опечаленно: — В Гамбурге, наверное, всё очень здорово.

— Увидишь завтра.

Лёшка помотал головой.

— Не пускают меня! — с отчаянием сказал он. — На стояночную вахту с утра боцман назначил. — Он жалостливо и моляще взглянул на Николаева. Полные губы обидчиво задрожали. — Разве он имеет право? Паша говорит, что практикантов в заграничных к трапу не ставят.

Так это или нет, Николаев не знал. Он слабо разбирался в трудовом законодательстве и в том, какую и кому можно давать работу. Работа есть работа. Надо — значит, надо. Если в море или на берегу каждый вадумает перекладывать свою ношу на чужие плечи, далеко не уплыть, не уехать.



— Ты поменьше своего Пашу слушай.

— Я не слушаю, дядя Вася. Но — Гамбург!

«Ничего не случится, если через сутки в Гамбург сходишь, — подумал Николаев. — Не убежит! Впрочем, суда здесь обрабатывают быстро...»

— Хорошо, потолкую с боцманом, — неопределённо пообещал Николаев, недовольный и крестником и самим собой.

Надо было прямо сказать, что и как, но трудно отказать Лёше, да ещё сегодня.

— Вы тоже пойдёте в Гамбург? — повсесел Лёшка.

— Нет.

— Почему? — искренне удивился Лёшка.

— Дело есть, — сухо ответил Николаев.

В Лёшкиной душе зашевелилось сомнение: верно ли он поступил, обратившись за заступничеством? Но желание посмотреть Гамбург пересилило.

— Дядя Вася, а что там самое интересное?

Николаев искося взглянул на Лёшку: «Мальчишка ещё совсем и сирота...»

— Много чего интересного, за день всего не увидеть.



— Жаль...

— Матрос — не турист.

«Палубной команде приготовиться к швартовке!» — загремело судовое радио.

— Пора сворачивать музыку. — Николаев стал выключать аппаратуру. Во всех портах мира выход в эфир категорически запрещён, можно только слушать и принимать, а принимать сегодня уже нечего.

«Палубной команде приготовиться к швартовке».

— Я пойду, — спохватился Лёшка и побежал вниз, но на полдороге остановился: боцман же велел отдыхать.

Вся палубная команда участвует в швартовочной операции. Даже штурманы рукавицы надевают. Нашлось бы и Лёшке где силы приложить. Просто пожалел его боцман: отправил отдыхать перед вахтой...

«Нехорошо получилось», — с поздним раскаянием подумал Лёшка. За чем он сказал о Гамбурге? В столовой и теперь дяде Васе. Конечно, боцман начальнику судовой радиостанции не откажет, но...

А может, Паша и прав? Не полагается... И рейс только-только начался, навахтится ещё Лёшка и за себя и за других, а в Гамбурге посчастливится ли ещё раз побывать, загадать трудно.

«Как решат, так и...» — успокоил себя Лёшка и отправился в каюту. Заснул он не скоро: ворочался, вздыхал, мысленно перечитывал мамину радиogramму. И когда, наконец, уснул, привиделся ему во сне не Баухор-Ведель, не таинственно-заманчивый Гамбург, а белый папин пароход.

В ГАМБУРГЕ

Практиканты наряжались в город, когда вахтенный передал им вызов боцмана.

— Обоих? — переспросил Паша и умчался первым.

Лёшка провозился с галстуком. Придя почти следом, он застал уже конец разговора.

— Вот так, Кузовкин, — официально и назидательно сказал Зозуля. — Слово моё твёрдо.

— Но, товарищ боцман, — заканючил Паша, — я же не успею!

— Успеешь. Такую бородёнку и без лезвия снять ничего не стоит. Цыплячий пух.

Паша с Ленинграда не брился, отращивал скиперскую бородку.

— Но борода же — личное дело! — в отчаянии выкрикнул Паша.

Зозуля многозначительно крикнул, подумал немного и уверенно заявил:

— Вообще-то, конечно. Но в частности — не совсем. Каждый матрос есть лицо экипажа. Ты на берегу не какой-то там вольный бродяга, а советский человек, представитель коллектива, нашего коллектива, Паша. И позорить себя мы не позволим. Ясно?

— Но, товарищ боцман...

— Вот что, — рассердился Зозуля. — Или остаёшься на борту с бородой и «но», или в полном порядке увольняешься в Гамбург. Всё.

Паша, не препираясь больше, ушёл. Зозуля проводил его хмурым взглядом и обратился к Лёшке:

— Теперь с тобой, Смирнов. Как пишут в газетах — «идя навстречу»... В общем, заступаешь с ноля. День свободный, разрешаю увольнение.

— Спасибо! — порывисто поблагодарил Лёшка.

— Благодарности для других придержи, — недружелюбно сказал Зозуля, и Лёшка покраснел.

За завтраком он успокоился и ликовал, что всё так удачно кончилось. Спросил Федоровского:

— В Гамбург идёшь?

Тот странно взглянул на него и усмехнулся:

— Кто бы спрашивал...

Лёшке сделалось жарко... Значит, вместо него Федоровского на вахту назначили... Кое-как покончив с едой, Лёшка пошёл к боцману, потупившись, заявил:

— Я не пойду в город.

— Твоя воля, — равнодушно согласился Зозуля. Он, видимо, не понял Лёшку.

— Пускай Федоровский идёт. Не хочу, чтобы он за меня...

— Вон что! — сказал Зозуля и вдруг напустился: — Раньше думать надо было. А ты как же полагал: святой дух за тебя отвachtит! Ничего менять больше не буду. Всё. И заруби себе: на судне мамок-нянек нету. Приказано с ноля — значит, с ноля. Всё.

Матросы гуськом сходили на берег. Трап пружинисто раскачивался. Паша уже стоял внизу.

— Порядочек? Я же говорил! — победоносно шепнул он Лёшке. — Ты меня слушай, со мной не пропадёшь!

Лёшка сосредоточенно разглядывал свои остроносые туфли. В душе противоборствовали чувства неловкости, вины перед Федоровским и неодолимая тяга увидеть знаменитый Гамбург.

— Не страдай. — Паша поддел Лёшку плечом. — Они тут сто раз были, а мы — впервые.

— Все в сборе? — громко спросил четвёртый штурман Кудров. — Пошли.

...Яркое, надраенное, словно для адмирала, судёнышко наискось мчалось через Эльбу.

Впереди разворачивалась панорама большого портового города.

Мощные краны вытаскивали из трюмов горы мешков, ящиков, кип, бочек, тюков, рулонов, пакетов. Заводское оборудование в огромных, добротно сколоченных ящиках взмывало над палубами, как секции крупнопанельных домов. Из танков¹ наливных судов насосы перекачивали в береговые ёмкости нефть.

Плавающие паровые установки перегоняли в вагоны, баржи и хранилища сыпучие грузы: зерно, цемент, сахар. По лязгающим транспортёрам неслись потоки руды и угля.

На причалах угорело метались юркие автопогрузчики. Жёлтые, крас-

¹ Танки — внутрисудовые ёмкости.

ные, нагруженные, как муравьи, они развозили грузы по пакгаузам и к бортам судов.

Сотни теплоходов, отдавая груз, всплывали всё выше и выше над причальными стенками. Другие, наполняясь тяжестью, опускались, приседали в маслянистой воде гаваней.

Гавани и причалы тянулись в глубь Эльбы сколько видел глаз.

Впечатлял и город. Большой, зелёный, всхолмлённый, с острыми пиками готических кирх, белой телевизионной вышкой, унизированной кольцевыми ярусами ресторанов и обзорных площадок.

Пассажирские причалы для морских судов и местного водного транспорта ярмарочно пестрели красочными рекламами бесчисленных портальных киосков.

У Паши захватило дух.

И Лёшка никогда не видел такого большого города сразу, почти целиком. Ленинград красивее и крупнее Гамбурга, но посмотреть на него так нельзя, разве что с самолёта.

— А то что за церковь? Вон, без креста, на берегу, под зелёным куполом!

— Въезд в Эльба-тоннель.

— Крутой спуск?

— Нет, лифтом опускают.

— Здорово!

— Подумаешь, невидаль! — осадил Лёшкин восторг Зозуля. — Гремит, грохочет, точно сотню якорь-цепей враз травят. Преисподня железная.

Боцман не терпел, когда расхваливали что-нибудь чужое: город, судно, страну — всё едино.

Катер широко развернулся и прошёл вблизи белоснежного нарядного лайнера.

— Наш, — горделиво отметил Зозуля, — «Сибирь»!

В советском порту он и взглядом бы не удостоил «пассажира»: «Подумаешь, невидаль! Морская гостиница интуриста!» Но здесь, в чужом порту, «пассажир» был своим, частицей Родины.

Людей на набережной было относительно мало. Можно разглядеть каждого. Смотреть только нечего: люди как люди, обыкновенные. Ничего в них иностранного нет. Разговаривают, правда, на непонятном языке. Так и твой язык не всем доступен.

Моряков было много. Англичане, американцы, поляки, русские, скандинавы — полный интернационал. Покупали в киосках открытки с видами

Гамбурга, пивные стаканы с трафаретными рисунками, разные сувениры. Играли в автоматическую лотерею.

Небольшой ящичек, похожий на кассу бескондукторного автобуса в Ленинграде, даже верх такой же — прозрачный. Сквозь толстый плексиглас видны: разноцветное драже, миниатюрные складные ножички, крохотные зажигалки, брелоки для автомобильных ключей. Всё вперемешку.

Паша не устоял перед соблазном приобрести гамбургскую зажигалку за десять пфеннигов. К тому же Кудров заверил: автомат — беспроигрышный, что-нибудь да выпадет в окошко внизу.

Выпали три шарика — три конфетки. Паше не терпелось попробовать выигрыш на вкус. Конфетка оказалась такой крепкой, что её едва удалось разгрызть. Рот наполнился лекарственной горечью, лицо исказилось гримасой.

— Перекусил? — с серьёзной миной спросил Кудров. — Тогда пошли дальше. Куда двинем? К Хагенбеку?

Лёшка решил, что Хагенбек — какой-нибудь нумерованный кайзер, германский царь. Нужны ему эти цари!

— А здесь есть музей Тельмана?

Зозуля хмыкнул:

— Забыл, где находишься, Смирнов?

Ничего Лёшка не забыл. Гамбург — старый центр революционного рабочего движения. Здесь вождь пролетариата Германии поднимал на восстание народ.

— В ФРГ ты, Смирнов, а не в демократической республике. Тут одному «железному канцлеру» монумент стоит, Бисмарку. Вот там, на холме...

— Можно подняться, — предложил Кудров, — вид оттуда хороший.

Лёшка был с фотоаппаратом, отцовским.

На холме узкая асфальтированная дорога перешла в лесную аллею, извилистую и крутую. У вершины деревья и кусты почтительно остановились, словно не решились приблизиться к суровому канцлеру. Вокруг памятника было голое пространство.

Монумент поражал не величием, не искусством зодчих и архитекторов, а размерами: от основания до макушки Бисмарка — с трёхэтажный дом.

Закопчённый гранит цвета парадного нацистского мундира, нарочитая грубость форм подчёркивали резкую, солдафонскую натуру бывшего премьер-министра кайзеровской Германии.

Каменный великан в накинутах на плечи военном плаще тяжело опирался обеими руками на рыцарский меч.

Бисмарк никак не вписывался в кадр фотоаппарата. Лёшка приседал на корточки, отходил в дальний угол площадки — ничего не выходило!

— С косогора спустись немного, — посоветовал Кудров.

На обрывистом склоне — Лёшка открыл рот от неожиданности — росли белоствольные деревца с кружевной зеленью.

Лёшка обрадовался так, словно встретил друзей детства:

— Берёзы!

Позабыв о Бисмарке, он погладил шелковистую кору.

Подошли остальные. И каждый прикоснулся к берёзке.

— Как же они попали сюда? — дивился Паша. — Немцы в войну вывезли?

— Берёзы по всему миру растут, — сказал боцман. — Но, конечно, не такие, как дома, на родине.

Возвращались другой дорогой — пологой, сразу перешедшей в улицу. Домá сплошной стеной; на первом этаже пивные, закусочные, крохотные магазинчики: войдут четверо — не повернуться.

Тесная улочка вдруг оборвалась. На открытой зелёной лужайке до войны, наверное, были домá. Неподалёку стояла высоченная церковь, двухцветная: внизу — красный кирпич, верх и купол со шпилем — сизые, будто окислённая бронза.

— На колокольню, что у нас на Владимирской стоит, похожа, — заметил моторист.

— Собор Михаила, — пояснил боцман. — Внутри лифт есть, до самого верха поднимает.

Лёшка, задрав голову, смотрел на открытый балкон с колоннами. «Забраться бы туда и сфотографировать сверху весь Гамбург».

Двери-ворота собора были заперты.

Впереди, справа и слева от широкой улицы, над старыми, в шесть — восемь этажей, зданиями и современными небоскрёбами из стали и стекла возвышались вековые кирхи, остроносые, как ракеты.

Никто на русских моряков не обращал внимания, как на туристов в Ленинграде. Лёшка шагал спокойно и уверенно. Он как-то быстро освоился здесь. Даже не верилось, что это заграница. Надписи только всюду немецкие. Лёшка читал и мысленно переводил их. Получалось!

Улица вывела моряков на просторную и пустынную площадь со станцией метро в центре.

— Отсюда до Хагенбека остановок восемь, — сообщил боцман.

— Погуляем ещё, — попросил Паша. — В универмаг бы какой заглянуть.

— Можно, — согласился штурман Кудров.

— Тогда на Риппербан надо. — И боцман свернул на красивый проспект, тянувшийся до самого горизонта.

Всё здесь было иным, чем в портовом районе. Роскошные отели, рестораны, магазины с зеркальными стёклами во всю стену, надраенная бронза дверных ручек.

«Игрушку Димке купить надо», — подумал Лёшка, и, словно по щучьему велению, сразу же возникла перед ним витрина с пистолетами, ружьями, винтовками. Они лежали, висели, покоились в коробках-футлярах, совсем как настоящие, не отличить!

— Зайдём в игрушечный?

— Какой тебе игрушечный! — обозлился неожиданно для Лёшки боцман. — Доподлинное боевое вооружение. Вон и парабеллум лежит. Меня из такого в сорок четвёртом ранили.

— Вы и в Гамбурге воевали? — спросил Лёшка.

— Нет, наша дивизия только до Дрездена дошла. Там и победу отпраздновали... А этим, фашистам недобитым, потише вести себя надо. Нечего им опять парабеллумами обзаводиться.

Гамбург — почти двухмиллионный город, портовый, торговый, промышленный. Город как город, но люди...

Лёшка пристально приглядывался к встречным, стараясь угадать, кто они: моряки, рабочие, чиновники, бывшие эсесовцы?

По внешнему виду фашиста от нормального человека не отличить. Лёшка пристроился к боцману и не отставал ни на шаг. Туристская беззаботность кончилась. Почему-то вспомнился монумент Бисмарку. Странно он как-то стоит: ни к морю лицом, ни к городу...

— Товарищ боцман, — обратился Лёшка, — отчего Бисмарк спиной к Гамбургу поставлен?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Не к Гамбургу, а к востоку, — вмешался в разговор Кудров. — Символика. Бисмарк неоднократно предупреждал немцев: «Не вздумайте идти войной на Россию!»

— Не дурак был, — с уважением произнёс Зозуля.

Универмаг занимал четырёхэтажное угловое здание.

У входа — маленькое кафе, жевательную резинку на лотках продают всех видов, поштучно и наборами, как шоколадное ассорти.

На первом этаже торговали сувенирами и галантереей. Паша потащил Лёшку с собой: «Ты хоть немножко по-немецки шпрыхаетесь».

Переводчика из Лёшки не вышло: стоило лишь подумать, что нужно заговорить с настоящими немцами, как из головы мгновенно улетучивались все немецкие слова до единого. Хорошо, что на всех товарах были пластмассовые ценники.

Они купили многоцветные шариковые карандаши и брелочки для ключей, а Лёшка ещё и набор открыток с видами Гамбурга.

На верхние этажи подниматься было уже некогда, хотя Паша и рвался:

— Ничего, обождут малость.

— Нет! — твёрдо заявил Лёшка.

Никто из своих ещё не подошёл.

— Я же говорил! — прошипел Паша. — А-а, ну тебя! Сам сбегая. Я мигом!

Пашин «миг» затянулся, и ребята куда-то подевались. Лёшке надоело ждать. Он вышел из магазина и стал глядеть на улицу.

Народу было немного, как в рабочие часы на Невском. Машин — негусто, в большинстве грузовые.

Прошло ещё минут пятнадцать. Никто не появился. Лёшка забеспокоился, возвратился в вестибюль, опять вышел. Никого. Не могли же его бросить, забыть о нём! Почему не могли? Запросто даже. Компания большая. Собрались в вестибюле. «Все?» — «Все». И пошли себе...

Неприятно засосало под ложечкой. Мысль о том, что он отстал от своих, привела его в полную растерянность.

Входили и выходили люди. Никто по-прежнему не обращал внимания на Лёшку, но он ощущал теперь, что вокруг него не незнакомые, а чужие, совсем чужие люди, другой мир.

Надо было что-то предпринять. Бежать вслед за ребятами? В какую сторону? Спросить, как проехать к «Ваганову»? Он не запомнил номер причала, а их в порту десятки, если не сотни. И название станции метро не вспомнить.

Бисмарк! Вот кто может выручить. Монумент каждый гамбуржец знает, а от Бисмарка рукой подать до пристани. Там «Сибирь», свои...

Свои... А может быть, они и не покинули его? Ждут, волнуются, ищут по всем этажам.

Лёшка кинулся к эскалатору, но кто-то грубо схватил за плечо и дёрнул назад.

— Хватит, Смирнов, — процедил сквозь зубы боцман.

У Лёшки мгновенно отошли все страхи. Он так обрадовался, что чуть не бросился Зозуле на шею.

— Улыбочки ещё строишь,— процедил боцман и потащил Лёшку за собой.

— Да я...

— Оправдываться потом будешь.

Теперь ничего не страшно, никакие угрозы и наказания. Нашлись, свои нашлись!

Зозуля вывел Лёшку на улицу. Он пошли вокруг здания. Миновали ещё два вестибюля. И там продавали кофе, булочки, жевательную резинку. Как же Лёшка не додумался, что в таком огромном универмаге не один, а много выходов! Растерялся, как таёжный парень, впервые очутившийся в большом городе. Но куда Паша делся?

Паша и ещё двое матросов стояли у того входа. Остальные, очевидно, искали Лёшку.

— Скажу, что нашёлся! — скороговоркой выпалил Паша и хотел юркнуть в универмаг.

— Куда? — сверкнул глазами Зозуля. — Не расходиться, а то и до вечера не соберёмся. Сказано быть здесь — значит, быть.

Последнее относилось к Лёшке.

— Я... — виновато начал он. — Я думал, что вы ушли...

Чёрные брови Зозули полезли на лоб.

— Как это «ушли»? Кинули тебя, значит, одного? Эх, ты! — Боцман огорчился и оскорбился. — Плохо же ты о морях думаешь, Смирнов, если посмел допустить такое в мыслях. Разве моряки бросают товарищей? В море, на берегу — всё едино.

Лёшка густо покраснел.

— Совесть иметь надо, если голову потерял.

— Извините,— промямлил Лёшка.

— Почему от напарника отбился?

Это уже было несправедливостью. Разве Лёшка отбился? Паша его бросил. Лёшка выразительно посмотрел на Пашу, но оправдываться не стал.

Паша спешно оборвал невыгодный для него разговор:

— Чего купил?

— Ничего.

— Ну да, ничего! Покажи.

— Отстань ты! — в сердцах отмахнулся Лёшка.

Зозуля тяжело посмотрел на одного, на другого.

— Что, что? — смешавшись, робко спросил Паша.

Боцман не удостоил его ответом.

Один за другим подошли остальные; последним -- штурман Кудров. Он ни о чём не стал расспрашивать, с ходу объявил приговор:

— В жизни со мной на берег не ступишь, Смирнов!

— Заблудился он, Геннадий Нилыч, — заступился боцман. — С кем не бывает!

Лёшка уже не раз подмечал: Зозуля мог распекать подчинённых как угодно, но при начальстве всегда вставал на защиту.

Кудров сменил гнев на милость:

— Перетрусил, салажонок?

«Салага» — презрительная кличка молодых, «желторотых» матросов. Но штурман не издевался, он посмеивался, и не было сейчас у Лёшки права обижаться. Не его оскорбили, а он оскорбил. Оскорбил недоверием своих товарищей. Они тоже улыбались, но сдержанно. Лучше бы его отругали!

Он шагал понуриив голову.

Ничего не было мило, всё потеряло интерес для него: зеркальные витрины, средневековые готические храмы с цветными витражами стрельчатых окон и позеленевшими фигурами бронзовых святых, дома из красного кирпича, армированного тёмными деревянными балками и откосами, ухоженные скверы, даже знаменитый на весь мир зоопарк Хагенбека.

Глава вторая

ТРАМПОВОЕ СУДНО

СВАЙКА

Лёшку разбудили без четверти двенадцать. Полусонный, он натянул на себя робу и отправился на вахту.

В коридорах горело дежурное освещение. Лёшка с полужакрытыми глазами брёл вперевалку к выходу.

Матросы и мотористы умывались перед сном: в каютах журчала вода.

В глубокой шахте машинного отделения тонко звенели вспомогательные электрические генераторы. Главный двигатель отдыхал после многосуточной непрерывной работы.

На открытой палубе было прохладно, и Лёшку сразу зазнобило.

— Телогрейку надень, — сказал Зозуля, он ждал у трапа.

Пришлось возвращаться в каюту за ватником.

Инструктировал боцман недолго.

— Значит, без разрешения — ни единой души. Вахтенного помощника

этой вот кнопкой вызывать. Или по чёрному телефону. Второй аппарат, цветной, немцы поставили, городской. Тут и справочник есть, можешь родственникам и знакомым звонить.

— У меня никого нет в Гамбурге,— объяснил Лёшка.

Чёрные глаза Зозули заискрились.

— Проснись, Смирнов. Шуток не понимаешь... Дальше. Эти две кнопки — от лебёдки трапа. «Верх», «Низ» — не спутаешь. Вирать и майнать значит. Уровень воды меняется; прозеваешь — зависнет трап или, наоборот, съедет куда-нибудь. И за щитками от крыс посматривай, заваливаются они.

— Какие, где?

— Забыл, с кем дело имею,— пробурчал Зозуля.— Вон на швартовых кружочки такие, чтоб крысы не лазали. Утром подъём объявишь, меня первым подними.

Как объявлять подъём, Лёшка знал. Заглядывает в каюту вахтенный, кричит во всё горло: «Доброе утро!» После такого приветствия и мёртвый встанет.

— Ну, счастливой вахты.— Зозуля шагнул к двери, но задержался: — Выспался?

— Да я...

— Отстоять с ноля до восьми иметь привычку надо. Паша через раз в сон впадает. Лады ещё, только себя подводил, выговоры хватал.

— Разве что-нибудь должно случиться?

— Не должно, но может. Не у себя дома, за границей. А случай на то и случай, чтоб случаться.

Судно ошвартовалось левым бортом в неширокой прямоугольной гавани. Пакгаузы с оранжевыми светильниками и множество океанских судов загораживали вид на город.

Вдоль стенки выстроились тесной шеренгой двуногие портовые краны. Стальные руки грузовых стрел выброшены под углом над тихим, безлюдным причалом.

Замерло всё и на судне. Лёшка потоптался у трапа с полчасика и присел на широкий комингс в дверях надстройки. Скрестил руки, ладони — под мышки, привалился плечом к косяку, пригрелся и заскучал. Вскоре он ощутил под собой холод и подложил толстую телефонную книгу Гамбурга. Стало совсем тепло и уютно. Убаюкивающе пели генераторы, мерно поскрипывали толстые деревянные сваи под натиском стального борта.

Задремал Лёшка на минуту. Или чуть больше: время остановилось. Когда он открыл глаза, над портом висел густой туман. Оранжевые фонари

едва угадывались по расплывчатым пятнам. Краны придвинулись к судну вплотную, над головой призрачно нависли громадные стальные руки.

Лёшка тряхнул тяжёлой головой и вскочил на ноги. Уснул! Уснул на вахте в чужой стране!

Он прошёл быстрым шагом в сторону кормы, потом на главную палубу. Нигде никого, всё спокойно.

Лёшка с облегчением вздохнул и зорко оглядел причал, сжатый туманом до маленького пятачка у трапа.

Ничего не случилось. А что могло случиться? Он стал припоминать разные истории, всё, что читал или слышал. Как чанкайшистские пираты угнали советский танкер и взяли в плен экипаж, как в южноамериканском порту на борт «Мичуринска» нагрянули солдаты и полиция, как на палубу мирного грузового судна посыпались напалмовые бомбы...

«На то они и случаи, чтобы случаться», — вспомнились слова Зозули. Хорошо ещё, что боцман не застал его спящим на вахте!

Вдруг Лёшке почудилось, что кто-то ходит у самого борта. Он напряг слух и зрение. Шаги совсем близко.

— Кто? — сдавленно выкрикнул Лёшка и сжал кулаки.

— Кофейку не желаешь? — раздалось за спиной.

Лёшка вздрогнул и оглянулся. Перед ним стоял моторист. В лицо Лёшка знал его, но фамилии не помнил.

Моторист подал горячую фаянсовую чашку. Пахнуло кофейным ароматом.

— Спасибо, — с трудом выговорил Лёшка.

— Погрейся, — сказал моторист и стал закуривать. Даже в тумане было видно, что он потный и в следах мазута. — Не мало сахара?

Кофе прилипал к губам, как патока.

— Нет, спасибо... Дежуришь?

— Ага.

— Скучно, наверное, там, внизу? — из вежливости спросил Лёшка, подерживая разговор.

— Да не очень. Работы много.

В бортовую обшивку тяжело бухнуло. Моторист перегнулся через планшир, высмотрел что-то и протяжно свистнул.

— Трап завис.

Забыл Лёшка наставления боцмана!

— Давай вниз, — распорядился моторист. — Оттянешь, а я смайнаю.

Через несколько минут запыхавшийся Лёшка — дюралевый трап оказался не таким уж лёгким — опять был наверху.

— Вот спасибо тебе! — с чувством признался он. — Попало бы мне на «полный максум»!

Мотористу такое высказывание не понравилось.

— Ты не для боцмана старайся, для себя.

Пристыжённый Лёшка не нашёлся что ответить.

— Который час? — спросил моторист, докурив сигарету. — О, надо поднажать! Пока, счастливой вахты.

— Счастливо, — эхом отозвался Лёшка и вернулся к трапу.

Спешить некуда, боцмана и команду будить рано.

Боцман явился к нему сам.

— Как дела, Смирнов?

— Нормально. — Лёшка с сожалением сменил удобную позу.

— Нормально, значит, — многозначительно произнёс Зозуля и неожиданно спросил: — Отыскались знакомые? — Зозуля показал носком ботинка на телефонную книгу. Она так и осталась с ночи на комингсе. Лёшка поспешно убрал её на место.

— Извините...

— Может, и извиню, — сумрачно пробасил Зозуля. — Не люблю, когда книжки не там, где надо, читают. Вахтенному сидеть не положено! Ясно?

— Ясно, — виновато пробормотал Лёшка.

— Спал?

— Задремал чуть...

Откровенное признание охладило боцманский гнев.

— Добро, что не отпираешься. И не поверил бы. А так... — он выдержал долгую, мучительную для Лёшки паузу, — прощаю. В первый и напоследний раз. Знаешь, что за это полагается? — Опять долгая пауза. — Должен знать, не малое дитё, в матросы записался. А матрос на вахте — что солдат на боевом посту. Тем более в заграничье. Ясно?

— Ясно, товарищ боцман! — с облегчением выпалил Лёшка.

— Положим, не очень тебе ясно, но прояснишься ещё, дойдёт до тебя, что есть матрос! Иди, поднимай народ.

Заглянув во все матросские каюты, Лёшка весело прокричал «доброе утро». Он радовался, что кончилась бесконечная вахтная ночь, что всё обошлось и боцман проявил к нему «максимальное» снисхождение. За минутную слабость на вахте — Лёшка это отлично понимал — Зозуля имел полное право наказать по всей строгости Устава морской службы.

«Нет, — окончательно заключил Лёшка, — наш дракон — человек!»

Лёшка, наверное, больше и не вспомнил бы о своей первой стояночной вахте у трапа, если бы не собака.

Её обнаружили сразу, как вышли в открытое море. Боцман отправил Лёшку на корму брезент подтянуть на рабочей шлюпке. «Подует сильнее — сразу захлопает. А нам такие аплодисменты ни к чему».

Под шлюпкой Лёшка её и увидел. Маленькую, заморённую, грязную, неопределённой породы и масти собачонку. Она свернулась калачиком и старалась стать ещё меньше, а выпуклые блестящие глаза были наполнены, как слезами, голодной тоской и мольбой о милосердии.

— Соба-ака! — удивлённо протянул Лёшка. — Ты чья? Откуда?

Через несколько минут на корму сбежалась половина команды.

Собачка сидела в центре толпы и мелко дрожала всем телом.

Боцман Зозуля допытывался, откуда она взялась на судне. Никто ничего толком не знал. Одни считали, что её пронёс шутник докер, другие — кто-то из своих, третьи — что собака сама сиганула на палубу, когда, в отлив, фальшборт почти сравнялся с пирсом.

— Всё равно дознаюсь, чьих рук это дело! — угрожал Зозуля, буравя глазами матросов. — Чья собака? Последний раз спрашиваю!

«Моя, наверное», — печально подумал Лёшка. Когда же ещё могла пробраться незамеченной собака, если не в ту несчастную минуту, когда он дремал, сидя на телефонной книге города Гамбурга.

Боцман почему-то не смотрел на Лёшку, допытывался у других:

— Сознавайтесь, по-хорошему говорю.

— За борт её, и вся недолга! — озорно выкрикнул кто-то из толпы.

— Но-но! — сразу отступил Зозуля. — Живое существо, друг человека, можно сказать...

На стоянке неизвестную и незаконную пришлицу выдворили бы с судна в два счёта. Но в море... Кто прикажет: «За борт!»?

Зозуля критически оглядел несчастную собачонку.

— Хотя бы путное что-нибудь привели, а то...

— Ни шерсти, ни вида! — опять крикнул тот же голос.

— Артист! — процедил Зозуля, высмотрев поднатчика. — Лады, доложим помполиту, он тебя в самодеятельность художественную включит.

«Сознаюсь. При всех!» — пересилив себя, решил Лёшка и выступил вперёд.

— Смирнов! Сбегай на камбуз, принеси чего-нибудь. Покормить её всё равно надо.

Лёшка, так и не сделав публичного признания, побежал вниз, к повару.

— Что за порода? — ни к кому не обращаясь, произнёс моторист, воспользовавшись временным затишьем боцманского гнева.



— Терьер, что ли? — будто самого себя спросил Федоровский. Он сидел на корточках и в упор разглядывал собачонку.

— Разве у терьеров такие морды? Они тупоносые, а у этой остренькая, как свайка, — сказал Зозуля.

Нос у собаки, загнутый и острый, и в самом деле напоминал шило для сращивания пеньковых концов.

— На овчарку она тоже не похожа.

— Пудель это, но без завивки.

— Что вы ей всё благородные звания придумываете! — рассердился Зозуля. — Обыкновенная дворняга, хотя и немецкая.

— Начальника надо, — подсказал моторист.

— Верно, — поддержал Зозуля. — Он — мастер в этом деле. А ну, Паша, пулей!

— Чего пулей? — Паша не участвовал в разговоре. У него были свои счёты с собачьим родом. Сорок укулов от бешенства вкатили, на всю жизнь запомнилось. И обиднее всего — зря искололи: собака оказалась здоровой, просто ей не нравилось, когда на хвост велосипедом наезжали.

— Ты слышал, о чём речь?

— Ясно, товарищ боцман! — И Паша потрусил выполнять приказание.

«Из-за какой-то твари мастера звать!» — злился он про себя, поднимаясь к капитанской каюте.

«Мастер» и «капитан» по-английски одно и то же.

— Ешь, собачка, ешь!

Собачонка пугливо присела и есть не стала.

— Сытая, значит.

— Не сытая, а забитая. Бойтся она.

— Стесняется! Ишь какая застенчивая Свайка!

— Какая она свайка! — оборвал Зозуля. — Один ляпнул, а другой как имя повторил! Если назвать, так «Прибой», хорошая морская кличка.

— Она же она, а не он, — напомнил Федоровский. — Какая же она «Прибой»?

Пришёл Паша, красный от смущения.

— Товарищ боцман! К мастеру, немедленно!

— Иду. — Зозуля привычно одёрнул куртку, словно китель. — А начальник где? Придёт?

Паша замялся.

— Занят?

— Занят и... Я сказал, что... А он как глянет через очки! «Это ещё что за новость? С каких это пор боцман капитана к себе вызывает?»

Наступила мёртвая тишина. Лицо Зозули покрылось пятнами.

— Па-ша... — сдавленным голосом заговорил он наконец. — Паша, тебя за кем посылали, Па-ша? За начальником. За начальником, Паша. А кто на судне начальник? Один на судне начальник — начальник радиостанции. Так в судовой роли и записано. А ты куда попёрся, Паша? К кому?

— Вы же сами сказали — «мастера».

— Уйди с глаз!

Пашу проводили таким хохотом, что и в капитанской каюте, наверное, слышно было. Не успел Зозуля и шага ступить, как появился капитан Астахов в сопровождении хмурого старшего помощника.

Матросское кольцо разомкнулось и выгнулось подковой. Собачонка предстала перед капитанскими очами. Они не метали молнии, но и не сияли счастьем при виде такого сюрприза. И тут собачонка поднялась вдруг на задних лапках, передние же свесились на тёмно-серой груди с таким покорным смирением, с такой трогательной доверчивостью, что капитан не сдержал улыбки. И это послужило сигналом.

— Товарищ капитан! Сергей Петрович! — взмолились матросы.

Старпом предостерегающе поднял руки: «Не митинговать!»

— Отмыли бы её, в порядок привели, а уж потом за капитаном посылали, — сказал капитан, не глядя на Зозулю. Тот рыскал сузившимися глазами в поисках виновника своего позора, но Паша исчез бесследно.

— Кого нам благодарить за этого «зайца»?

— «Зайчиху»! — со смешком поправил кто-то.

Капитан холодно взглянул на остряка, и все притихли. Шуточки кончились.

— Боцман!

— Пока не ясно, Сергей Петрович, — хрипло доложил Зозуля. — Может, вахтенные проморгали, может, с грузом как попала. Работали здесь, на пятом номере.

— Кто тальманил?

Счётчиком груза в Гамбурге был Федоровский.

— Я, — спокойно отозвался он и выступил в круг.

У Лёшки мгновенно пересохло горло. Опять за него Федоровскому отдуваться. Собака не иначе как ночью пробралась на судно. Федоровский ни при чём.

— Это я виноват! — почти выкрикнул Лёшка и встал впереди Федоровского. — Это я! — И добавил внезапно осевшим голосом: — Ночью уснул я...

Сказал, и так ему легко и грустно стало — не передать. Легко потому, что не стыдно в глаза людям смотреть. Да, виноват, утаивать, на других

сваливать не хочу. Сам в ответе за свой проступок. Наказывайте по всей строгости, но... Но не разлучайте с судном! Без моря не будет мне жизни.

Лёшка с тоской поглядел через головы на надстройку. Перегнувшись через поручни спардека, Паша выразительно крутил пальцем у виска: спятил, мол, какой нормальный человек собственную голову под меч подкладывает! Лёшка отвернулся и встретился глазами с Зозулей. Тот, видимо, находился в смятении. Неудовольствие тем, что раскрыта маленькая обоюдная их тайна, переживание за честь палубной команды, удовлетворение честным признанием ученика — всё это одновременно отражалось на смуглом лице боцмана.

Федоровский неожиданно оттеснил Лёшку в сторону и заявил:

— Могла и с грузом проникнуть, Сергей Петрович.

— Я разберусь с этим делом, — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, объявил старпом.

— Товарищ капитан! — бросился на выручку боцман: — Смирнов взыскание уже понёс, а собака, она свободно могла на корму сигануть. Туман и отлив большой был. И освещение у них слабое.

— Понятно, — усмехнулся капитан, — немцы виноваты!

— И морские отливы, — язвительно добавил старпом.

— Да, и морские отливы.

Лицо Лёшки горело пятнами. Но он не жалел, что принял вину на себя.

— Как нам поступить? — обратился ко всем капитан.

— На первый раз, Сергей Петрович, можно бы... И опять же чистосердечно... — не договаривая, но вполне определённо высказал свою просьбу боцман.

Старпом недовольно повёл носом.

— Неприятности с карантинной службой наживём.

— Документы мы на неё выправим, как домой придём! — горячо заверил боцман.

— Вы, я вижу, сразу за двоих хлопчете. — Капитан улыбнулся, повеселели и остальные. Кроме старпома и Лёшки. — Что ж, придётся покончить миром.

— Спасибо, Сергей Петрович, — широко осклабился Зозуля и расправил богатырские плечи.

— Вахте спать никак нельзя, Смирнов.

— В первый и последний раз! — ответил за Лёшку боцман.

— А сам он как думает?

— На всю жизнь урок, — твёрдо сказал Лёшка.

— Надеюсь, — неопределённо произнёс капитан и удалился со старпомом. У них и без собаки забот вдоволь.

Собачонка, будто поняв, что судьба её решилась благополучно, опустилась на все четыре лапы и спокойно принялась есть хлеб.

— Соображает, перед кем навтыжку стоять! — рассмеялся Левада.

Зозуля, вытерев пот на лбу, отрывисто бросил:

— Кончай травить! По местам.

— Василий Яковлевич идёт, — первым увидел Николаева Федоровский.

Паша исправил свою ошибку — пригласил кого надо.

Николаев не стал ничего спрашивать, обошёл вокруг собачонки, оглядел её со всех сторон и позвал:

— Ко мне! — и похлопал себя по бедру.

Собачонка, сразу признав нового хозяина, покорно последовала за Николаевым.

Лёшка уловив момент, когда Зозуля остался один, попросил его:

— Разрешите отлучиться? Ненадолго, товарищ боцман.

— Куда? Зачем?

— Собаку вымыть, — тихо ответил Лёшка.

— Н-да... — Зозуля прокашлялся, помолчал немного. — Это по совести. Вообще-то, по совести если, тебе самому шею намылить следует. Но действие твоё одобряю. По-честному поступил, по-моряцки. Да, Василию Яковлевичу подсобить придётся, тоже по справедливости будет. Иди.

— Что, Лёша? — спросил Николаев, когда тот прибежал в каюту.

— Я... Меня в помощь прислали, боцман.

— Да я и сам управляюсь.

— Позвольте, дядя Вася! Это... это моя вина.

— Ах, вот в чём дело! Тогда конечно.

Николаев спрятал улыбку. Безволновое матросское радио уже рассказало ему о том, что произошло.

Белоснежная фаянсовая раковина умывальника стала чёрной, а чёрная собака волшебным образом превратилась в рыжую с белыми пятнами — настоящий лисёнок!

Её и предложили назвать Лиской, но это встретило возражение.

Над кличкой для нового члена экипажа думала вся команда. Какие только не предлагались имена! Самые что ни есть простые, собачьи: Тобка, Жучка, Джулька. Аристократические: Фрези, Герда, Стелла. Пошли в ход морские термины: Юта — от названия кормовой части — ют; Елочка — так именуют обычно сигнальную мачту: она увешана антеннами, фонарями и прочими вещами, как новогодняя ёлка игрушками.

Строгий коллективный суд отверг и «Незнакомку», и «Русалку», и «Корму».

Моториста с его «Гайкой» просто осмеяли. Собаку нашли на палубе, а не в машинном отделении, нагоняй из-за неё получили матросы, значит, имя должно отражать что-то палубное.

В самый разгар спора пришёл Николаев с собакой на руках.

— Ремешка хорошего не найдётся? — обратился он к боцману.

Выпросить у боцмана какие-нибудь материальные ценности — дело не простое. Перед Гамбургом обновляли покраску на баке. Старший матрос посылал за новыми кистями Лёшку, Леваду — всё безрезультатно. «Нет, вышли все», — один ответ. Пришлось дотирать старые, полувывтертые, лысеющие при каждом мазке.

— Длинный? — осторожно поинтересовался Зозуля.

— Ошейник сделать для Свайки.

«Ав!» — звонко тявкнула собачонка.

Все рассмеялись: поняли — лучшего имени не придумать. Свайка! Морское, палубное, весёлое, ласковое имя.

— Для Свайки найдём, — степенно объявил Зозуля.

И Свайка стала Свайкой.

ЧТО ЕСТЬ МАТРОС

— Теория без практики — мёртвый труп. — Боцман Зозуля любил афористичность. — Слыхал?

— Доводилось. В школе когда-то проходили.

За эти несколько дней школа и всё, что было связано с ней, отодвинулось так далеко, будто Лёшка закончил десятилетку в дошкольном возрасте.

— Грамотный, значит. А практика без теории?

— Тоже мертва.

— Не совсем! Практика без теории не более, но и не менее, как заячья самодеятельность. Бывал в цирке? Видел, как зайчик на барабане играет? Это и вся его специальность, бесперспективная. — Зозуля выдержал паузу и многозначительно изрёк: — Матрос без теоретической подготовки — заяц в тельняшке.

Лёшка сразу представил себе зайца в рваной Пашиной тельняшке и растянул губы. Никто другой, кроме Паши, на судне тельняшек не носил.

— Не смешно это, а грустно, Смирнов, — вздохнул Зозуля. — Возьми,

к примеру, меня. Из-за этой самой научной отсталости я только до боцмана дослужился. А старшим матросом я был, когда ещё наш капитан Сергей Петрович Астахов практикантом плавал. Ну, о капитанских нашивках заботиться тебе рановато ещё, но о матросском звании подумать надо всерьёз. Практика практикой, а за теорию браться пора.

Зозуля достал с полочки тонкую брошюру, раскрыл в самом начале и прочёл вслух:

— «Квалификационная характеристика.

Профессия — рабочий плавсостава морских судов.

Специальность — матрос».

Простенько вроде, а? Рабочий, матрос... А что есть матрос? Какая это специальность? Тут всё сказано, в «Программе». У меня, правда, только для первого класса, но это не страшно. Одолеешь программу-максум — сдашь и за минум.

Лёшка с трудом сдержал улыбку: так вот почему Зозулю называют «Максум-минум»!

— Ну иди читай. Если чего — заходи.

Кто бы мог подумать, что от простого матроса, палубного рабочего, требуется столько знаний и умения!

Что только не должен уметь матрос! Нести вахты, выполнять все судовые работы — такелажные, плотничные, парусные, малярные; обслуживать ходовые, рейдовые и сигнальные огни; ставить-убирать механический лаг для измерения скорости хода; знать электронavigационные приборы, средства малой механизации...

Само собой разумеется, надо хорошо изучить устройство судна.

Да всё это и за год не вызубришь!

Когда же Лёшка прочёл расшифровку общих требований, то совсем скис.

Матрос должен мастерски управлять шлюпкой, быть квалифицированным маляром, уметь шить и ремонтировать чехлы из парусины и синтетических плёнок, должен бороться за живучесть судна, запускать сигнальные ракеты, участвовать во всех тревогах — от пожарной до «человек за бортом»...

Пожалуй, единственное, чего не боялся Лёшка, была азбука Морзе. С детства знал её. Дядя Вася, конечно, научил. Он и приборчик специальный сделал. Небольшой ящичек, похожий на транзисторный приёмник, но с радиотелеграфным ключом на верхней панели. Нажмёшь на ключ — вспыхнет весёлым зелёным огоньком сигнальная лампочка и на всю комнату мелодично звякнет электронный колокольчик. Для Лёшки это было лю-

бимым занятием. Потом дядя Вася приобщил его и к радиолюбительству.

Вот флажный семафор — тёмный лес для Лёшки. И за год, навёрное, не одолеть 80 и 100 знаков в минуту. Одуреть можно!

Но Зозуля, Федоровский и все другие не одурели же. И Паша Кузовкин не бог, а научился.

«Ничего,— подбодрил себя Лёшка,— выйдем в океан — целыми днями заниматься буду».

В самом деле, что делать палубным матросам в долгом переходе? Механики, машинная команда, штурманы, рулевые, электрики несут ходовые вахты. У шеф-повара, камбузника, артельного нет вахтенного расписания, но четыре раза в сутки экипаж кормить надо. А палубным матросам?

Матросская работа бесконечна, как океан.

— Значит, так,— сказал Зозуля.— Нашему гвардейскому отделению поставлена боевая задача: выкрасить верхнюю палубу от надстройки до первого трюма. Потом и корму. Борта и мачты обновим на стоянке. На ходу, как известно, это запрещено.

— Погодка смиренная, можно бы,— как бы про себя заметил Федоровский, щурясь на ртутно сверкающую ширь.

— Там видно будет.— Зозуля тоже посмотрел на океан.— Атлантика. От неё всего жди. Сейчас шёлковая, через час — дыбом. И по технике безопасности не положено.

— Сорвёшься, Федоровский, и...— вставил незаметно подошедший Левада.— Тебе ничего, с почестями похоронят, а боцману — выговор!

Зозуля сверкнул на артельного чёрными молниями:

— Юморист!

— Не я придумал,— сознался Левада.

— Тем более. Нахватался чужих слов и соришь на палубе.

— А она ржавеет,— заметил Лёшка.

Это Зозуле не по нутру пришлось. Он считал вмешательство практиканта в разговор боцмана и артельного грубой невоспитанностью.

— А от чего палуба ржавеет? Скажи нам, если ты такой учёный!

Лёшка повёл плечами, нехотя перечислил:

— Морская вода, солёные ветры, резкие перепады температуры и влажности... электромагнитная коррозия, в общем.

— Коррозия и ржа — одно и то же. Не такой я тёмный, как некоторые думают себе.— Зозуля покосился на Леваду.— А ещё?

— Есть и другие факторы...

— Эх, молодёжь! Главная причина,— Зозуля поднял руку с отстав-

ленным пальцем, — скрывается в том, что краска лупится! А на голое место ржавчина сразу и садится. Ясно?

— Абсолютно! — опять выступил Левада и, подмигнув Лёшке, почти-тельным голосом обратился к Зозуле: — Но почему она лупится, краска? Вот в чём вопрос.

Боцман и глазом не повёл в сторону артельного.

— Потому, Смирнов, что краской по ржавому месту мазать — есть мартышкин труд и чистый перевод материала. А раз так... — Зозуля выдержал короткую паузу и гаркнул: — Готовить палубу со всей добросовестностью! От-шкрябать до мак-сума!

Ох, какое же это нудное, нелёгкое дело — шкрябать палубу! Отбивать молотком ржавую коросту, сдирать её стальными скребками, зачищать проволочной щёткой. Весь день на корточках, весь день гул, звон, скрежет в ушах, рыжая пыль на лице и в горле.

Зозуля действовал пневматической турбинкой. Стальная дисковая щётка высекала искры и завывала сиреной.

Оглохнуть можно от такой адской какофонии!

И — солнце. Немилосердное, субтропическое.

Стёкла защитных очков пылились и запотевали, протирать надоело.

Вжи-и-

и-

ии-

хр-

рр...

Турбинка захрипела и смолкла.

— Алексей, Смирнов! Тебе очки для форса или для техники безопасности дадены?

Ни к чему Зозуле выговор! И Лёшке собственные глаза побережь надо. Ржавая шелуха и острые стальные песчинки летят во все стороны шальными осколками.

Лёшка натянул очки. Турбинка опять взвилась.

иии!

ии-

и-

Вжи-

Уши ватой заткни — не поможет.

...Они отдыхали, разлёгшись на крыше трюма: Паша — на животе, Лёшка — лицом к небу.

Над судном на разных высотах парили крупные чайки, белогрудые, с

жёлтыми клювами, на концах сильных крыльев чёрная бахрама. Таких чаек Лёшка прежде никогда не видел. А может быть, то и не чайки?

— Паша!

— Чего? — не сразу ответил разморённый голос.

— Это чайки или альбатросы?

Паша слегка повернул голову, приоткрыл один глаз.

— Я в них не разбираюсь. Для меня они все чайки...

— Интересно же, — сказал Лёшка.

— Кому как! — Паша опять уткнул лицо в руки и замолчал.

Чайки висели над головой будто в невесомости. Непостижимо, каким чудом им удавалось не отставать от судна. Широко распластанные гнутые крылья едва-едва пошевеливались. Чайки неслись, словно планёры на буксире.

— Хорошо! — с чувством произнёс Лёшка. Губы его запеклись, на зубах похрустывала ржавая шелуха, но на душе было вольно и хорошо. Ему нравился океан, чайки, жизнь. Он много работал, каждый день: в море нет ни суббот, ни воскресений.

Судно идёт безостановочно, и каждый в экипаже на своём посту, как железнодорожная бригада в поезде дальнего следования, как сталеплавильщики в мартеновском цехе. Но случись что-либо в дороге или на заводе — вблизи или рядом тысячи людей и машин, готовых немедленно прийти на помощь. Судно от берегов в тысяче миль, в тысяче миль от других людей.

— Паша!

— Ну чего?

— Паша... — Лёшка заколебался: говорить или не говорить?

— Ну?

— У тебя не бывает чувства затерянности?

Паша перевернулся на спину, недоуменно хлопая белёсыми ресницами, странно поглядел на Лёшку.

— Какой затерянности?

— Затерянности, одиночества. Будто один ты в океане, совсем один.

— Тут затеряешься, — пробурчал Паша. — Зозуля на дне морском найдёт и работёнку подкинет.

— А на берегу разве проживёшь без работы?

— На берегу другое дело. Отбарабанил смену и гуляй сколько влезет.

— Почему же ты в матросы пошёл?

— Сказать по-честному?

— Скажи.

— Приодеться хочу, в заграничное. Джинсы чтоб с «молниями», заклёпочками...

— И всё?

— Ну, не всё, по мелочи ещё кое-чего. И потом, разные страны посмотреть. А ты что, на всю жизнь в матросы записался?

«На всю жизнь», — мысленно ответил Лёшка. Ему расхотелось откровенничать. И Гамбург вспомнился. Подвёл его тогда Паша: сам ведь сбежал да ещё всю вину на него свалил.

— Чего молчишь? — напомнил о себе Паша.

— Да так...

— Вообще, — со вздохом признался Паша, — сдуру я в море подался. Не моя это стихия.

Он опять вздохнул и перевернулся на живот. Лёшка задумался. С морем он теперь никогда не расстанется. Это — на всю жизнь. Не матросом, конечно. Матрос — первая ступенька крутого и длинного трапа, ведущего на капитанский мостик. А он, Лёшка, ещё даже не матрос.

Как другие успевают заниматься? В техникумах, институтах учатся. Федоровский, например, Иванцов-электрик, Дед... Сила воли, наверное. А тут намаешься за день, поужинаешь сытно, самое большое, на что хватает, — кино посмотреть. В Ленинграде получили в рейс двадцать фильмов, все уже пересмотрели, выбрали лучшие и гоняют теперь: «Дети капитана Гранта», «Твой современник», «Я вас любил...». Последний особенно часто. Во-первых, про любовь, во-вторых, снимали в родном Ленинграде.

Вчера комсомольское собрание было. Нет, позавчера. Идут дни за днями, плывут, сливаются.

— Какое сегодня число?

— Октябрь кончился.

Октябрь кончился... На Невском развешивают гирлянды, фонарные столбы на Кутузовской и Дворцовой набережных украшают бантами. Уже и стоянки военных кораблей на Неве обозначили бочками.

Мама с Димой вернулись из Николаева — радиограмма была.

Жаль, что не пришлось самому увидеть первый подъём флага на отцовском теплоходе. Возможно, там были товарищи отца, свидетели трагедии. Расспросить бы о подробностях, обо всех деталях...

Лёшка много раз пытался вообразить последний день отца. Теплоход стоит под разгрузкой. Портовые и судовые краны выкладывают на берег ящики с консервами и лекарствами, мешки риса и картонки с конфетами,

упакованный в прозрачную плёнку шёлк и сатин. Растут на причале кипы одежды для вьетнамских детей и женщин. И вдруг с рёвом проносится самолёт с белыми звёздами в кольцах, брызжут пулемётные очереди, с леденящим визгом косо летят бомбы. Одна вонзается в палубу.

Иссечённая осколками надстройка, развороченные тюки и ящики. Отец в белой сорочке, неудобно подогнув руку, лицом вниз. На спине быстро расплывается красное...

А над портом и морем стонут в тревоге и горе сирены, фабричные гудки, тифоны теплоходов. И бьют запоздало зенитные пушки.

Да что же такое делается на белом свете! Как могут люди, гордясь своей цивилизацией, хвастаясь демократией и свободой, расстреливать других людей, крушить их города и сёла, отравлять ядами деревья и травы?!

Отец и дядя Вася мальчиками пережили страшную блокаду. Но тогда была всемирная война, тогда свирепствовал фашизм. А сегодня, сейчас?

— Паша,— окликнул напарника Лёшка.

— Ну-у...— лениво отозвался Кузовкин.

— Что ж это делается на планете? Война давным-давно кончилась, а мира ни дня нет. То в Корее, то во Вьетнаме, то ещё где-нибудь каждый день люди гибнут.

Паша знал о судьбе Лёшкиного отца, но мировые проблемы его мало трогали, своих забот полон рот.

— Сплошное гадство,— туманно выразился.

Надо было сказать ещё что-то, конкретное, сочувственное, однако Паша не успел подыскать нужные слова. Неслышно подошёл боцман.

— Кончай загорать!

Зозуля в армии, наверное, старшиной служил, натренировался командовать!

— А ты, Смирнов, отложи шкрябку — и на верхотуру. Второй ждёт.

— Зачем?

— Ну молодёжь! Его второй помощник капитана вызывает, а он — «зачем». Пулей!

Лёшка отряхнул порыжевшую робу, побил об коленку шапочку с прозрачным козырьком, натянул на голову и отправился наверх.

Второй штурман, устойчиво расставив ноги, целился через окуляр секстана в солнце.

— Явился,— доложил о себе Лёшка, но второй, не шевельнувшись, довёл свою работу до конца и быстро скрылся в рубке.

Лёшка пошёл за ним. Второй проследовал в штурманскую, а Лёшка задержался в ходовой рубке.

Тишина, прохлада, безлюдье. Большие прямоугольные иллюминаторы опоясывали лобовую часть рубки от края до края. Было светло и чисто. Вся задняя переборка словно огромный пульт: сигнальные глазки, тумблеры, шкалы приборов, подвесная аппаратура.

Стрелки машинного телеграфа показывали «ПОЛНЫЙ». И вёл судно по заданному курсу автомат.

Лёшка приблизился к тумбе гирорудевого, коснулся пальцем чёрного колёсика.

Оно называется штурвалом, хотя кажется игрушечным и совсем не похоже на большой обод со спицами и рукоятками, что стоит на паруснике в фильме «Дети капитана Гранта».

На полке под иллюминатором лежал большой морской бинокль. Лёшка взял его и вышел на крыло.

Горизонт волшебным образом раздвинулся, но и за новой далью не было ничего, кроме воды. Океан казался безжизненным, как, наверное, миллионы лет назад, когда на Земле ещё не народились ни рыбы, ни первые черви. Пройдут ещё тысячелетия, а океан останется океаном. Лёшка впервые как бы прикоснулся к Вечности и вздрогнул.

Ему опять почудилось, что он один в голубой пустыне, совершенно один. Нет ни судна, ни товарищей — никого. Живая, дышащая густая вода притягивала, манила, завораживала.

— Чисто? — спросили за спиной будничным голосом.

Лёшка вздрогнул и мгновенно обернулся.

— Явился!

Он выкрикнул это так, будто не он, Лёшка, пришёл по вызову второго помощника, а второй помощник явился к нему в безлюдном океане как спаситель.

Глаза второго сделались насмешливыми.

— Являются прекрасные феи и злые духи в сказках. Матросы, как солдаты, прибывают. «Матрос такой-то прибыл».

— Я ученик ещё, — совсем уже по-детски оправдался Лёшка.

— Вот и учись, ученик. Учись и докладывать и обстановку понимать. Видишь ведь: занят. Потерпи, не являйся под руку. Я ведь не зайчики ловил, а солнце. Знаешь для какой цели?

— Секстаном высоту светила определяют, а потом узнают, где находится судно.

— Верно! А ещё как можно определиться в море?

— По звёздам, маякам...

— В открытом море маяков нет. И звёзды не всегда видны.

— Тогда... — Лёшка загнулся.

— Самый точный способ местоопределения в океане — опрос местных жителей!.. — И второй сам заулыбался старой штурманской шутке. — Так, побалагурили — и довольно. Перейдём к делу... Алексей?

— Практикант Алексей Смирнов!

— А меня — Павел Павлович, сокращённо — Пал Палыч. Запомнишь?

— Конечно, Пал Палыч.

— И прекрасно. Главное — имя начальника — ты уже знаешь, а остальную морскую науку мы как-нибудь одолеем общими усилиями. Ежедневно ровно в восемнадцать ноль-ноль ко мне в каюту. Ясно, Алексей?

— Ясно.

— Далее. По сигналу тревоги надлежит тебе стоять здесь на правом крыле мостика. Задача: наблюдать и докладывать. И вообще, если взял в руки бинокль, то не любуйся безбрежной гладью, а наблюдай. Океан нельзя оставлять без присмотра. Знаешь, сколько под нами затонувших кораблей всех времён и народов? Сотни! А почему? — И опять в глазах второго смешливое выражение. — Потому, что не соблюдали ППСС — правила предупреждения столкновения судов. А это, Алексей, целая наука — как не столкнуться лоб в лоб в безграничном океанском просторе. Странно, но факт. И ржавчину очищать — наука. Иди учись! Боцман заждался тебя, Алексей. Жду в восемнадцать ноль-ноль.

— Есть, Пал Палыч!

С этого дня Лёшке стало не до капитана Гранта. Работа, учёба, работа, учёба.

ТРАМПОВОЕ СУДНО

«Море — это когда много воды», — объяснил когда-то трёхлетний Лёшка. Теперь он мог сказать:

«Океан — это когда много моря».

Теплоход «Ваганов» шёл по Атлантике десятые сутки. Десятые сутки только вода и небо, небо и вода.

Океан бесконечен, как матросская работа.

— Любопытно, — интригуяще произнёс Кудров, искоса следя за капитаном, — куда нас пошлют из Японии?

Час назад получили радио — принять на Кубе сахар для Японии, выгрузка в Кубэ и Иокогаме.

До Кубы ещё двое суток, потом — разгрузка, погрузка, Панамский ка-

нал пройти, пересечь Тихий океан, стоянки в Японии, а Гену Кудрова уже интересует дальнейший путь!

Линейные суда ходят как междугородные автобусы: по строгому расписанию, определённом маршруту. Трамповые же — вроде грузовых такси: куда подвернётся груз. В голландский порт Роттердам — в Роттердам, в Монреаль — в Монреаль; зафрахтуют судно в Канаде для перевозки товара в Индию — пойдёт в Индию.

Сухогрузовой теплоход «Ваганов» работал как трамповое судно, и экипаж иногда по году не бывал дома, в Ленинграде. Такова моряцкая судьба, морская работа. И этот рейс планировался скромно: Ленинград — Куба — Ленинград. Теперь всё изменилось: Ленинград — Куба — Япония. А Япония на другом краю света...

— Всё же любопытно: куда потом? — гадал вслух Кудров. Он стоял у радиолокатора, держался для устойчивости за поручни, но смотрел не на экран, а на капитана. — Наверняка в Сингапур. Или в Коломбо?

— В Сингапур бы хорошо! — мечтательно сказал Пал Палыч. — В Коломбо — не знаю, не приходилось на Цейлон ходить.

— Красота! Но — задохнуться можно.

— Пойдём обратно, хлебнём жаркого и без Цейлона. Суэц закрыт. Африку огибать придётся.

— Смотря куда из Японии ещё погонят. Если в Новую Зеландию, например, то выгоднее идти в Европу вокруг Южной Америки, через Магелланов пролив. Верно? — Кудров беседовал со вторым, но смотрел на капитана. Тот — ноль внимания.

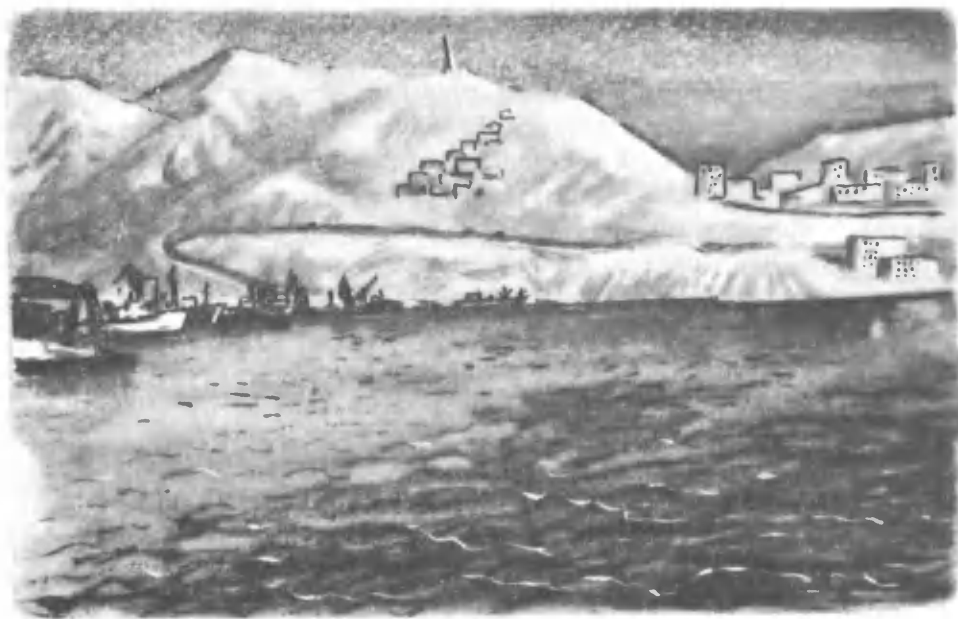
Лёшка мысленно представил карту земных полушарий и маршрут, проложенный четвёртым штурманом. Выходило полное кругосветное путешествие. Здорово! С первого раза — и кругосветка, да ещё с переходом через экватор!

— Заканчивай, — проходя мимо, бросил вполголоса Пал Палыч.

До конца вахты оставалось минут десять. Лёшка натирал мягкой фланелью и без того сверкающую золотом бронзовую рукоятку машинного телеграфа.

Отправляя Лёшку впервые на холодную вахту, боцман строго предупредил: «Не на прогулочную палубу идёшь — на капитанский мостик!»

Первые три часа вахты они провели на мостике вдвоём. Лёшка и Пал Палыч. Второй подробно знакомил ученика с оборудованием рулевой рубки и штурманской. Потом судно облетела весть о рейсе в Японию, и на верхотуре сталолюдно. Примчался Кудров, за ним третий штурман — готовить для капитана карты. Капитан долго раздумывал над ними. Теперь он



сосредоточенно смотрел вдаль и молчал, как ни старался Кудров вызвать его на откровенность. Конечно же, капитан знал ещё какие-то важные подробности нового задания.

— А в Новую Зеландию могут вполне! Заходил же «Новодружеск»! Причём после Японии. Верно?

Поскольку капитан продолжал молчать, а южнее Новой Зеландии простиралась ледяная Антарктида. Кудров перенёс свои прогнозы севернее.

— Или — в Австралию!

— «Там кенгуру, там эму бродят... Коала на ветвях сидят!» — неожиданно для всех продекламировал капитан.

— В Австралию? Точно, Сергей Петрович? — обрадовался Кудров. Нет не зря он битый час вынуждал капитана открыть тайну!

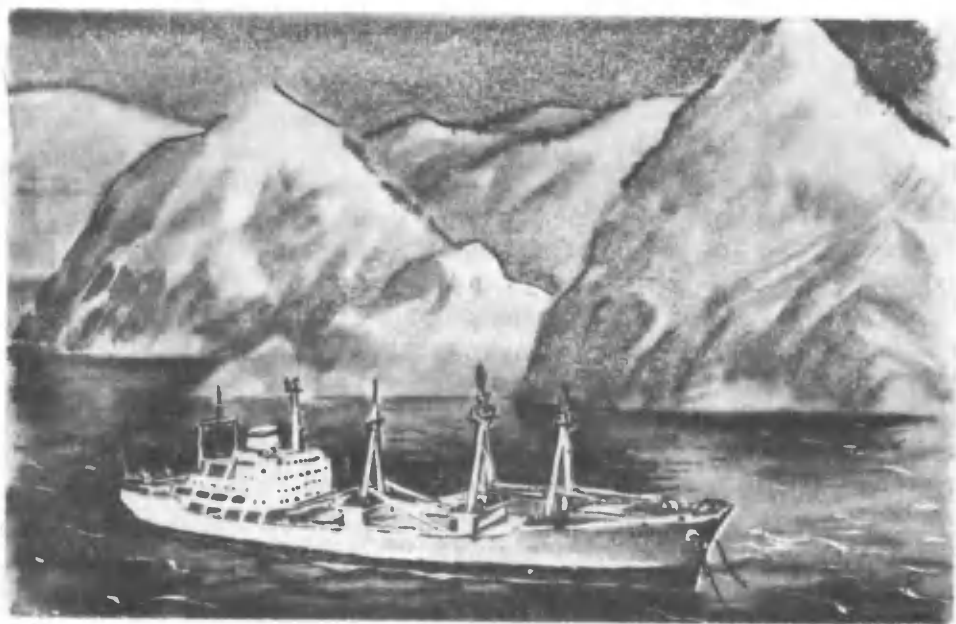
— Что — в Австралию? — невозмутимо переспросил капитан.

— После Японии — на Австралию?

— Мне это пока неизвестно.

— А стихи?..

— Стихи сочинил Пушкин А. С., переиначил их доктор с «Врангеля». «Как — с «Врангеля»?» — чуть не спросил Лёшка. В учебнике истории было сказано, что барон Врангель командовал белой армией в гражданскую



войну. Не могли же назвать советский теплоход именем царского генерала!

Капитан, будто догадавшись, о чём Лёшка думает, повернулся к нему и спросил:

— А кто такой был Врангель, а?

— Не знаю... Вернее, знаю, но то другой.

Капитан рассмеялся:

— Да, тот другой! А этот, Фердинанд Петрович Врангель, жил в прошлом веке, русский мореплаватель, первопроходец, учёный.

— Остров Врангеля есть, — вспомнил Лёшка.

— Остров, горы Врангеля в южной Аляске — всё в честь него.

Разговор уходил всё дальше от главного, и Кудров снова направил его на желанный курс:

— Сергей Петрович, вам приходилось бывать в Австралии?

— Нет. По-моему, только Николаев туда ходил.

— Что ж, — бодро воскликнул Кудров, — придётся ему в Австралии гидом поработать!

— Если попадём туда, — снова озадачил капитан.

— А куда?

— Куда пошлют...

...Спустя два месяца, на подходе к японскому порту Кобэ, Николаев принял служебную радиограмму. Капитан удалился к себе и опять вернулся в рубку.

— Ну, четвёртый помощник, — сказал он Кудрову с необходимой усмешкой, — теперь можно и погадать. Приказано бункероваться в Находке... — И закончил невесело: — От Японии до Находки — в балласте.

Вахтенный штурман Кудров чуть не присвистнул, но вовремя вспомнил: свистеть в ходовой рубке не полагается. Это не суеверная примета — дурной тон.

Через шесть минут рассекреченный секрет знал весь экипаж. В машинное отделение и то кто-то сообщил, не поленился пробежать вниз-вверх пять палуб-этажей.

Двухсуточный переход в балласте, то есть порожняком, никого, конечно, не обрадовал. Чистый убыток. А то, что заправляться топливом, пресной водой, в общем, бункероваться в Находке — это хорошо. По родной земле походить можно, среди своих побыть, поговорить по телефону с Ленинградом. И кинофильмы обменять.

В конце февраля теплоход «Ваганов» вошёл в бухту Находка и стал на якорь на дальнем рейде. Вскоре капитан Астахов уехал на пограничном катере в порт. Возвратился он озабоченный и раздражённый. В трансфлоте для «Ваганова» не было никаких дальнейших распоряжений и, что хуже всего, не запланированы никакие грузы.

Никого, кроме артельного, старпома и других, кому необходимо было выполнить в порту служебные дела, на берег непустили. До выяснения обстановки. А обстановка не прояснилась и на другой день.

Капитан опять вернулся не в духе, с ходу отчитал вахтенного помощника за обледенелые якорь-цепи и скрылся в своей каюте.

Вахтенный понял: причина капитанского негодования не в наледи. Сколько ни скалывай, всё равно намёрзнет: семь градусов ниже нуля, да ещё с ветром. Кудров вызвал боцмана.

— До клотика обрастать сосульками будем или ещё выше? — начальственным голосом спросил Кудров.

Клотик — верхняя часть мачты, самая вершина, выше точки на судне нет.

Зозуля повертел борцовской шеей, поглядел в одну сторону, в другую.

— Чисто, Геннадий Нилыч. Спозаранку кололи-драили.

— «Спозаранку»! Капитан три минуты назад с песочком вахтенного помощника драил! Перегнись, на якорь-цепи посмотри.

— Так они же...

— Выполняйте, — железным голосом приказал Кудров и демонстративно поправил нарукавную повязку вахтенного помощника капитана.

Обеденный перерыв ещё не закончился. Матросы курили в коридоре, на второй палубе надстройки, в подветренной стороне. Разговор не клеился: неважное настроение было у всех. До берега и мили нет, а не попасть. И неопределённость мучила: куда пошлют? Скорее бы домой! Уплывали в октябре, февраль уже кончается...

От ближайшего к Находке аэропорта Озёрные Ключи до Ленинграда шестнадцать лётных часов.

По воде — два месяца, если никуда не заходить, конечно.

— Да, — тяжело вздохнул моторист Быков, тот, что угощал в Гамбурге Лёшку горячим кофе. — Раньше июля — августа не вернёмся.

Несмотря на холод, Быков стоял с непокрытой головой.

Никто не отозвался, каждый думал: успеть бы к ноябрю!

— Надоела мне эта музыка, вот здесь сидит! — Быков провёл ребром ладони по горлу. — Спишусь без возврата.

И опять никто не отреагировал на его слова.

— Повезло Шаврову, — произнёс в пространство Паша Кузовкин. Он был в новых джинсах, выстроченных светлыми нитками, с золотыми заклёпками; на заднем кармане кожаная фирменная нашивка с лихим ковбоем.

Матросу Шаврову предоставили очередной отпуск и прислали замену.

— Уже в Ленинграде, наверное, — сказал Лёшка и тоже позавидовал.

До сегодняшнего дня Лёшка не очень-то рвался домой. Конечно, хорошо бы увидеть маму, Диму, со знакомыми ребятами встретиться, спросить кое о чём, о себе рассказать, а рассказать есть что. Пятый месяц в плавании, полсвета обошёл. Слетать бы на денёк в Ленинград и опять хоть на год в море.

— По времени оно бы и пора, но по средствам рановато, — откровенно высказался Паша. — Купить ещё кое-что надо.

Моторист Быков хотел возразить Паше, но тут пришёл боцман. На голове лыжная шапочка с помпоном, тёплая форменка, брюки заправлены в кирзовые сапоги с подвёрнутыми голенищами. Настрой, сразу видно, не лучший. Густые брови сдвинуты. Глянул в лица и понял, о чём разговоры идут.

— Грусть-тоска заела? Скучаем, а судно, между прочим, до клотика льдом обрастает. Все на бак! Чтoб и сосульки не осталось! Практикантам — к трапу: катер с провизией подходит.

— Повезло нам,— шепнул Паша и поддел Лёшку плечом.

Таскать ящики с продуктами не мёд, но легче, чем скалывать лёд с якорь-цепей.

— Переодеваться придётся,— сказал с сожалением Паша. Очень ему не хотелось расставаться с новыми джинсами.— Так ты и не высказал, как они тебе.

Двадцать раз, не меньше, похвалил Лёшка приобретение, но Паша никак не мог нарадоваться и заставлял других выражать восторг.

«Не сядут после стирки?» — спросил практичный Зозуля. «Что вы, товарищ боцман!» У Лёшки тоже такое подозрение зародилось, как у боцмана, но он промолчал.

— Зря ты себе не отхватил такие! — В глубине души Паша был доволен, что только у него такое чудо с ковбоем.

Лёшка неопределённо повёл плечами. Половину своих денег он отдал за разборную модель старинного парусника «Джеймс Бейнс». Стоил клипер почти столько же, сколько джинсы. Но какой это будет великолепный подарок для Димы!

Паша побежал в каюту, а Лёшка вышел на главную палубу. Там он увидел Николаева.

После Гамбурга Лёшка ни разу не искал его покровительства. Никто не мог упрекнуть Алексея Смирнова, палубного матроса-практиканта, в том, что трудится он не как все. Не было для него ни льгот, ни поблажек — учили, но не нянчили. И Лёшка имел полное право на ту гордую самостоятельность, которую может испытывать только настоящий рабочий человек.

Трижды в неделю Николаев занимался с Лёшкой английским. Дело подвигалось, хотя и не так быстро, как хотелось. Рулевые команды и счёт Лёшка усвоил твёрдо. «Это минум, как говорит боцман,— сказал Николаев.— Язык надо знать по-настоящему».

Лёшка уже испытал в Гамбурге, что значит не уметь объясниться. Зозуля как-то напомнил об этом:

«Ну, в Гамбурге ты заблудился, спросить куда-чего не мог. Но как ты Свайку на борт пропустил? Она бы по-русски поняла».

Почему его боцман так и не отругал за Свайку, Лёшка до сих пор не понимал. То ли не хотел изменять своему слову, то ли просто был втайне доволен, что на судне появилась собака. Животных боцман любил. Лучшие куски своего обеда Свайке таскал. Все её баловали. Лёшка специально взял в артельной «Цитрусовых» конфет для угощения.

«Испортите вы мне Свайку»,— ворчал недовольно Николаев, а всерьёз

не противился. Свайка жила в его каюте, но принадлежала всему экипажу.

Подняв узкий воротник непромокаемого плащ-пальто и низко натянув фуражку с «крабом», Николаев мерил журавлиными шагами главную палубу. Сто пятьдесят четыре метра туда, сто пятьдесят четыре — обратно. Мерил и с затаённой грустью поглядывал на берег. Свайка, не отставая, семенила рядом. Из-за высокого фальшборта она ничего не могла увидеть, но тоже гуляла со скучающим видом. Или землю чувствовала...

Всякий раз, возвращаясь из дальнего рейса на родной берег, Николаев размышлял о списании с флота. Осесть на берегу и жить, как миллионы других людей. Намерения оставались намерениями. Он и отпуска положенного не догуливал — уходил в море раньше срока. Моряк в океане мечтает о земле, на берегу страдает без океана.

«Спишусь, — думал и сейчас Николаев. — Спишусь, останусь здесь, на Дальнем Востоке. Буду на береговой станции работать или в училище каком-нибудь».

Рыжей подковой лежали в студёной воде сопки. Дальние — голые, облезлые; те, что у моря, — усеянные кирпичными и деревянными домами. Вдоль причалов тянулись навесы, пакгаузы, склады-холодильники для рыбы. Справа возвышались элеваторы. Слева, за мысом, ошестинился стрелами кранов судоремонтный завод. Над судами у причальных стенок реяли советские и иностранные флаги.

По густой морозной воде бухты плыли мелкие льдины. На них, как на плотиках, отдыхали серые чайки.

Вдали от рыболовного причала отвалил крупный океанский траулер. Николаев читал в одном из последних бюллетеней, что Дальневосточное пароходство получило несколько новых судов. Наверное, это было одно из них. Николаев облокотился о фальшборт и стал смотреть на приближающийся траулер.

Судно, конечно, новое. Формы, грузовой такелаж, антенна радиолокатора на сигнальной мачте — всё по последнему слову техники.

Траулер сопровождали лоцманский катер и стая чаек.

«Может быть, он?» — заволновался Николаев и бросил взгляд на бак, где матросы скалывали наледь. Лёшки среди них не было. Николаев опять посмотрел на траулер.

«Нет, не он. Название короткое, из одного слова».

С чувством сожаления Николаев продолжил прогулку. У надстройки встретил Лёшу.

— Новый БМРТ идёт. Видел? — с хрипотцой спросил Никодаев и показал рукой в сторону траулера.

— Где? — Лёшка побледнел: «Папин пароход?»

Судно приблизилось настолько, что уже без труда читалось — КОТЛЯР.

«Вероятно, «Котляр» и «Константин Смирнов» суда одного типа».

— Папин такой же?

Николаев молча кивнул.

— Домой бы позвонить...

— Выяснится обстановка, съездим на берег, позвоним.

— Да я так... — отступился Лёшка. Получилось, что напросился. —

Почему залив «Америкой» называется? Американцы его открыли?

«Очень тебя сейчас этот вопрос мучает!» — подумал Николаев и ответил:

— Русские. Судно имя такое носило, клипер «Америка».

— Смирнов! Кузовкин! — донёсся зычный голос боцмана.

Лёшка извинился и поспешил на зов. Паша успел переодеться в рабочие брюки и стёганку.

— Сетку готовить! — приказал Зозуля.

Они вытащили из тамбучины тяжёлую канатную сетку, растянули её на палубе, затем нацепили на грузовой крюк — как по-морскому.

Лебёдкой управлял Федоровский.

— Вира! — Зозуля поднял руку. — Помалу!

Сетка зависла над палубой.

— Хорош.

Портовый катер прижался кормой к борту «Ваганова».

— Давай! — крикнул снизу Левада. Он стоял у большого штабеля ящиков, коробок, мешков, бочек.

«Неужели мы всё это съедим?» — с сомнением подумал Лёшка.

— Майнай! — скомандовал Федоровскому боцман.

Сетка взметнулась над палубой и понеслась за борт.

— Смирнов, на катер!

Лёшка полез по шатающемуся трапу вниз — помогать Леваде загружать гигантскую авоську. Через несколько минут она была на палубе.

Когда весь провиант подняли на борт, начали перетаскивать его в трюм, в кладовые. Трапы туда крутые, как пожарные лестницы.

— Осторожнее! — покрикивал Зозуля. — Шеи не ломайте.

— Тихо! Тихо-тихо! — умолял Левада. — Там же стекло!

Ящики с сухими винами и бутылками фруктового сока для тропиков без напоминания артельного несли бережно, словно младенцев.

Упарились, как в бане.

— Шабаш,— объявил Зозуля.— Сетку на место, стрелы закрепить, зачехлить лебёдку, подмести палубу — и шабаш.

Во время ужина в столовую вбежал вахтенный:

— Ветошь и паклю подвезли! На выгрузку!

Зозуля глянул на Лёшку, на Пашу. Лёшка, не ожидая словесного приказа, поднялся с кресла. Паша, сделав вид, что не понял боцмана, уткнулся в тарелку, но это его не спасло.

На третий день стоянки в бухте Находка залива Америка Лёшка с Николаевым сели на катер.

— Василий Яковлевич! — крикнул вслед вахтенный помощник.— Капитан велел зайти в трансфлот.

— Понято.

Матрос с катера пригласил спуститься в салон: «Продует тут».

В небольшой каюте находился пожилой моряк явно лоцманского звания. Николаев молча кивнул и прошёл с Лёшкой к задней скамье.

Катер шёл ровно, потом его закачало. Мимо плыли две самоходные баржи, низко осажённые в воде.

— К вам,— сказал, обернувшись, лоцман.

Николаев тоже подумал, что бункеровочные баржи направляются к «Ваганову».

— Значит, сегодня уходите,— не то спросил, не то сообщил лоцман.

— Пока неизвестно.

— Известно. Распоряжение пришло. Пойдёте в Австралию. В трансфлот, наверное, за документами?

— По своим делам.

— Не опоздайте, сниматься скоро.

— Во сколько? — заволновался Лёша. Он уже настроился поговорить по телефону с Ленинградом, и вот...

— Часа через два — два с половиной.

— Срочный закажем,— сказал Николаев.

Едва катер ткнулся в бревенчатый частокол стенки, они спрыгнули на пирс и бегом устремились на гору, к почтамту.

К окошку междугородного телефона стояла очередь, преимущественно из моряков.

— Срочный, — сказал Николаев, пробираясь вперёд.
— У всех срочный! — заволновалась очередь.
— Мы с «Ваганова».
— Они с «Ваганова»! — громко крикнул кто-то. — Как по тревоге уходят.

Безволновое матросское радио действовало и на берегу. Молодая де-вушка-телефонистка запела в микрофон:

— Дежуренькая! Я — «Кабинка». Ленинград мне, срочненько! Моря-чок тут один. Очень просит. Минуточек пять.

— Десять, — поправил Николаев.

— Дежуренькая, десять!.. Что? Ни минуточки? Только от двадцати двух? — Она отвела от губ микрофон и виновато сказала обыкновенным голосом: — Только с двадцати двух. Будете ждать?

— Из Австралии поговорю, — с досадой и раздражением бросил Ни-колаев.

Теплоход «Ваганов» выбрал якоря в 22 часа 05 минут.

Глава третья

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

ВОЛНА № 21

Переход через экватор — событие. Для тех, кто впервые пересекает границу полушарий Земли, — событие чрезвычайное. Но и бывалые моряки любят переплывать экватор. Праздник Нептуна — традиционное морское веселье.

Весь экипаж деятельно готовился к торжественному дню. Старший матрос, он же судовой плотник, выпилил из фанеры трезубец, подновил бронзовой краской старую корону. Боцман выделил паклю для бороды и усов царя и пеньковые концы на дьявольские хвостики для свиты. Главный судовой художник Левада выпустил специальный номер стенной газеты с рисунками и стихами.

Газету держали в секрете, в каюте первого помощника, но все, конечно, наизусть уже знали дружеские эпиграммы. А вот список звёздных имён, которыми Нептун — Кудров окрестит каждого персонально, и не пытались выведать. Неинтересно потом будет. Моряк, пересекавший экватор, получает новое имя, будто заново родился.

Но все приготовления оказались напрасными. В тропиках, особенно в

полосе экватора, обычно стоит устойчиво хорошая погода. Жарко, влажно, душно, а океан тихий, небо чистое. Тут же, как нарочно, такая зыбь пошла — не до празднеств.

Сверху горы видятся застывшим морем, с ходового мостика океанская зыбь кажется ожившей горной страной. Хребет за хребтом, цепь за цепью идут из-за горизонта на судно. Зыбь — последствия шторма. Где-то за тысячи миль бушевали вода и небо, сюда докатились высокие длинные волны.

Стальная махина «Ваганова», от киля до клотика высотой с десятиэтажный дом, беспомощно взлетала на крутые вершины, низвергалась, проваливалась в жуткую зелёную пропасть. И шага не сделать, не держась за поручни. До карнавала ли?

А небо синее-пресинее. Ни тучки, ни облачка. Установки для кондиционирования воздуха нагнетали в каюты прохладный воздух, но столбик термометра не опускался ниже $+28^{\circ}$. В коридорах — все тридцать пять. Иллюминаторы и двери накрепко задраены, помещения отгорожены от тропической парной, но в закупоренной коробке недостает кислорода, по утрам ломит виски.

На воле не легче: не воздух, а влажная вата, не дышишь — жуёшь. Стальная обшивка запотела, словно кафельные стены в бане. Деревянные части — планширы, банкетки, поручни — волглые, осклизлые.

И всё и вся качается, валится, уходит из-под ног.

Многие лишились аппетита, сна. Артельный Левада вторые сутки пластом лежал. Он не переносил длительной монотонной качки. В шторм — ничего, терпимо, а в зыбь — хоть на берег списывайся! А зыби этой ни конца ни края. Идёт и идёт, треклятая, как вражеская рать в психическую атаку. Падают ряды, а за ними всё новые, шеренга за шеренгой, шеренга за шеренгой...

Отдельные валы — их замечали ещё издали — возвышались над остальными, будто конница над пехотой. Они были длиннее, выше, круче.

— Вон, вон, опять девятый вал! — измученным голосом предупредил Паша. Его поташнивало, работать он не мог, и в каюте не сиделось, не лежалось.

— Девятая не самая страшная, — сказал Федоровский. — Четырнадцатая — хуже её нет.

Зозуля не согласился, авторитетно изрёк:

— Самая максумальная идёт под двадцать первым номером.

Лёшка пробовал установить закономерность появления пиковых волн, но ничего из этого не вышло. Волны-гиганты шли с горизонта неравномерно.

Чтобы увеличить осадку, заполнили балластные ёмкости, но трюмы за-

бортной водой не нагрузишь. Теплоход раскачивался и нырял, как лёгкий поплавок.

Столы покрыли влажными скатертями, но тарелки с макаронами пофлотски скользили от бортика к бортику, словно по паркету.

К вечеру третьего дня вроде бы поутихло. Спать легли с полной уверенностью, что к утру океан уgomонится.

Лёшка с ноля нёс ходовую вахту с Пал Палычем. Двери с обеих сторон сдвинуты до отказа, но никакого движения воздуха не ощущалось. Рубашка пластырем липла к телу.

Судно взбиралось на невидимый холм, спускалось в ущелье, к подошве очередного вала, опять лезло вверх. Жёлтое пятно сигнального огня на грузовой мачте пристраивалось к звёздам, затем срывалось, стремглав летело вниз, чтобы снова потянуться в небо. Каждый раз, когда палуба уходила из-под ног, замирало сердце.

Внизу, в каюте или тросовой, спокойнее. Обычно Зозуля давал на ночь задание вахтенному матросу: парусину отремонтировать, чехол подшить, распустить на каболки кусок пенькового троса, сплести из них мат или сделать новую швабру. В эту ночь Пал Палыч не разрешил отлучать вахтенного матроса с мостика: очень неспокоен океан.

Лёшка стоял рядом с Пал Палычем на правом крыле и с затаённым волнением всматривался в чёрный океан. Конечно, на экваторе нет никаких обозначений: столбов, финишной ленты, табличек. Экватор — условная линия на карте, нолевая широта, ничего сверхъестественного.

О нет! Экватор — это экватор! Не каждому выпадает счастье пересечь поперечный рубеж земного шара. Лёшке неслыханно повезло.

— Когда экватор? — придав лицу выражение деловой озабоченности, спросил Лёшка, хотя понимал: Пал Палыч всё равно ничего не мог увидеть.

— Миль тридцать — тридцать пять.

«Через два часа», — мысленно подсчитал Лёшка. Он с утра вынашивал одно особое желание, да всё не решался заговорить о нём с Пал Палычем. В запасе два часа, можно ещё потянуть, но не опоздать бы!

«Волна — в корму. А если и течение попутное? Пожалуй, осталось меньше двух часов. Не прозевать!»

— С какой мы сейчас скоростью идём?

— Узнай и доложи.

Лёшка воспринял приказ с радостью.

На указателе лага, как на автомобильном спидометре, счётчик пройденного пути и указатель скорости. Судно делало 17,2 узла, 17,2 мили в час.



Пал Палыч «для интеллигентности», как он выразился, научил Лёшку не только считать показания приборов, но и определять расстояние и время пути.

«Сколько же точно осталось до экватора?»

После тропической черноты карта на столе в штурманской показалась сверкающей и ослепительной.

На мореходных картах глубокие места не закрашиваются: «Плывите спокойно, воды под килем предостаточно». У берегов и на отмелях — густая синь: «Внимание, опасность!» На листе, что лежал перед Лёшкой, ни земли, ни рифов — белая гладь в пересечении меридианов и параллелей. Наискось, через весь лист, карандашная линия — курс, прочерченный капитаном. До экватора было всего девять с половиной миль. Ходу около получаса. Лёшка высчитал время с точностью до сотой.

— Не может быть, — уверенно сказал Пал Палыч. — Такую комариную точность наш прибор не даёт. Всё, Алексей, относительно в мире. Изучал философию?

— Мы её не проходили.

Нужна ему сейчас эта философия! Экватор через...

— Философию не «проходят», Алексей. Её изучают. Как всякую серьёзную науку — навигацию, теорию остойчивости и непотопляемости, например... Не забыл, что такое «стойчивость»? Экзамен на носу!

— Пал Палыч, экватор! — почти застонал Лёшка и наконец выложил своё желание: — Пал Палыч, можно я экватор перерулю?

Судном управлял гирорулевой. Что ему экватор! Бездушному автомату плевать на всё, кроме заданного курса. А Лёшке...

— Пожалуйста, — преспокойно разрешил Пал Палыч.

«Пожалуйста». Будто его просили о самой малости.

Царская щедрость! «Пожалуйста, Алексей, ведите судно через экватор». Добрый, умный Пал Палыч!

— Так что значит остойчивость?

«Пожалуйста, Пал Палыч, на любой вопрос отвечу! Только бы не прозевать экватор».

— Остойчивость — это способность судна возвращаться из крена или дифферента в прямое положение!

— По прекращению действия причины, которая вывела его из этого состояния, — дополнил Пал Палыч. — Так. Уточните, товарищ Смирнов Алексей, что такое крен и дифферент.

«Если он будет гонять меня по всей программе, мы и Австралию прозееваем!»

— Крен — бортовой наклон; дифферент — продольный.

В этот момент судно так тряхнуло, что оно сперва зарылось носом, потом завалилось на борт.

— Полная комбинация, — хладнокровно отметил Пал Палыч.

Лёшка чувствовал себя как на огне. Будто под ногами не мокрая деревянная решётка, а раскалённые чугунные колосники.

— Пал Палыч, — напомнил он страдальчески, — экватор...

— По географии вопросов не будет, а вот как у тебя с английским? «Бесчувственный человек! Или притворяется, шутит. Какие сейчас шутки!»

— Пал Палыч!

Кажется, этот вопль души достиг цели.

— Присмотри за океаном, — деловым тоном сказал Пал Палыч и исчез в темноте рубки.

Лёшка высматривал экватор. Здесь, где-то здесь, рядом!

Чёрный океан хранил тайну.

Опять появился Пал Палыч.

— Как у тебя с английским, Алексей?

Лёшка готов был завывать от отчаяния. Всё погибло, не перерулить ему экватор!

Пал Палыч, глядя на светящиеся стрелки часов, продолжал безжалостную попытку:

— *A hand to the helm.*

— «Рулевого на руль», — перевёл Лёшка.

— *A hand to the helm!* — властно повторил Пал Палыч.

«Хэлм» — «руль»; «э хэнд ту зэ хэлм» — «рулевого на руль». Правильно перевёл, чего он?»

— На руль! — крикнул Пал Палыч.

— Что? — Лёшка прирос к месту.

— На руль! — Пал Палыч оторвал его от планшира и подтолкнул к двери. — Живо!

Лёшка очумело бросился к рулевой колонке.

Штурвальное колесо не поддавалось.

— Заклинило!

— Спокойно. Переключи на ручное управление. До экватора одна минута.

«Есть ещё время, есть!» — заликовал Лёшка. Он перевёл управление с автомата на ручное, усилил освещение картушки компаса и уверенно взялся за штурвал.

Теплоход «Ваганов» был в его, Лёшкиных, руках.

— Экватор!

«Экватор» прозвучало, как «финиш», «победа», «слава»!

Лёшка стоял на банкетке, словно на пьедестале, волшебным подсвеченный снизу приборными лампочками. И ему почудилось: сам Нептун поднёс к поверхности Тихого океана яркий факел, гремит зычный фанфарный голос:

«Здравствуй, мореход Алексей Смирнов! Владыка морей и океанов приветствует тебя в своих владениях! Отныне и навсегда признаю тебя дорогим гостем и нарекаю новым именем, звёздным — ЦЕНТАВР.

Ходи по моему царству безбоязненно и беспрепятственно! Гей вы, ветры дикие, волны штормовые, зыбь коварная! Всем вам, бедам и опасностям, повелеваю: не играть зло с мореходом ЦЕНТАВРОМ, не губить его судно, не топить его шлюпку, не дать упасть на дно океанское ни единому волосу с его буйной молодой головы!»

Северное полушарие осталось за кормой. Ах, как легко дышится в Южном! И как светло и радостно на душе! Тысячи калышек можно распутать, зачистить кардошёткой всю главную палубу, перетаскать на своих плечах тринадцать тысяч тонн груза, умирать и воскресать от зыби, сутками стоять на вахте — лишь бы испытать такое необыкновенное счастье! Ты перерулил экватор, ты — в Южном полушарии, ты — первооткрыватель! Ничего, что до тебя открыли его другие, для тебя это впервые.

— Пал Палыч! — Голос Лёшки подрагивал от волнения и ещё не пережитого до конца сладостного и острого восторга. — Пал Палыч, можно позвонить ребятам?

— Звони. — Пал Палыч крепко пожал руку: — Поздравляю, Алексей!

— Спасибо.

Он позвонил мотористам:

— Экватор прошли!

«Кому ещё сообщить великую новость? Дядя Вася совсем недавно ушёл отдыхать. Жаль тревожить...»

— Можно отлучиться на минутку?

— Пять минут, не больше.

— Есть не больше!

Он стремглав полетел вниз. «Кого разбудить, кого обрадовать? Федоровского? Пашу? Зозулю?»

У самой столовой, в нескольких шагах от боцманской каюты, он услышал низкий нарастающий рёв.

Титанический удар потряс судно. Раздался хруст, треск. «Ваганов»,

будто ему переломили стальной хребет, рухнул носом вниз. Лёшку оторвало от палубы и швырнуло на переборку. Ухватиться за штормовой поручень он не успел и, свалившись, вкатился через распахнутые двустворчатые двери в столовую.

Погас свет. Где-то произошло короткое замыкание. Мрак и невесомость длились секунды, но почудились вечностью.

«Ваганов» зарылся в воду до тамбучины грузовой фокмачты. Корма вздыбилась; сверкающие лопасти гребного винта беспомощно завертелись в воздухе.

Где-то рядом завопили странным и жутким голосом: «В-в-в!»

Цепляясь за столы и кресла, Лёшка выбрался в коридор.

Зозуля, в одних трусах, мокрый с головы до пят, изо всех сил тянул на себя дверную ручку. Будто там, как в клетке, бесновалось хищное страшилище, океанское чудо-юдо, которое пыталось вырваться.

Из вентиляционной дверной решётки по ногам боцмана хлестала вода.

Не соображая, что произошло, Лёшка стал помогать Зозуле и закричал:

— Вода!

Первым примчался артельный Левада.

— Коля! Николай Филиппович! Что с тобой? — Левада судорожно ощущал боцмана. — Ушибло тебя? Ранило?

Как ни очумел от всего происшедшего Лёшка, но столь неожиданное проявление Левадой тревоги за боцмана поразило его. Ведь они вечно подтрунивали друг над другом. И никогда ещё Лёшка не слышал, чтобы Зозулю называли по имени или по имени и отчеству.

Убедившись, что с боцманом ничего не случилось, Левада оторвал их от двери и навалился на неё плечом.

В коридор хлынул целый водопад.

Со всех сторон уже бежали матросы.

В боцманской каюте по самый комингс плескалась вода.

Волна вдавила двойную обшивку и выжала иллюминатор. В какие-то доли секунды в каюте всё перевернулось вверх дном. Боцман вылетел из койки вместе с матрацем. Нижний рундук открылся, и оттуда, как прибором на песчаную отмель, вынесло меховой жилет, стёганку, вязаную шапочку и... малярные кисти.

Новенькие, нетронутые, дефицитные кисти! Макловицы, плоские, трафаретки, филёночные, флейцы. Боцман выхватывал их из воды и не выпускал из рук.

— А-а-а! — мстительно протянул Левада, возвратившись к прежнему

тону.— Вот он где, твой заглашник. «Нет, вышли все», да? А они тут! Обман всегда на чистую воду выйдет!

Боцман, не слушая его, вылавливал судовое имущество.

Старший матрос пробрался к повреждённому иллюминатору. Когда пришёл капитан, он доложил ему:

— Заделаем, вмятину подрихтуем, но герметичности не будет, хотя и постараемся.

— Постарайтесь.— И капитан Астахов ушёл наверх принимать доклады: что там ещё натворила волна № 21. Или четырнадцатая, или девятая.

Зозуля полностью овладел собой, узнал Лёшку.

— Почему здесь?

— Экватор,— невпопад объяснил тот.

— Марш на верхотуру!

Пал Палыч сделал Лёшке строгое внушение.

— Место вахтенного здесь. Там и без тебя управились бы.

С брюк стекала вода. «Надо переодеться или отжать набухшие штанины»,— подумал Лёшка.

— Смотреть внимательней!

— Есть смотреть внимательней!

«Откуда она такая взялась?» — подумал Пал Палыч о водяной громадине, наделавшей столько шума.

— Что там стряслось? — позвонил из машинного отделения вахтенный механик.— На кита наехали?

— Об экватор споткнулись.

Когда в боцманской каюте навели порядок — относительный, послеаварийный,— появился Паша Кузовкин. Босиком, в джинсах и спасательном жилете на голом теле. Увидев его, Зозуля начал заикаться:

— Пригот-товился уж-же?

— Готов, товарищ боцман,— трясаясь мелкой дрожью, ответил Паша.

— Ну и иди. Иди! — рывкнул боцман.

— Куда? — Глаза Паши, круглые от страха, совсем выцвели.

— Куда собрался, Паша!

— Не бойся, не утонешь, ты же лёгкий,— ввернул артельный Левада.

— Почему? — Паша пугливо отпрянул назад.

— Тебе лучше знать, Па-ша. О своей шкуре только и хлопчешь. Иди, спасайся!

Паша дал ходу.

— Стой! — опомнился Зозуля. — Дело сперва сделай. Швабру в руки, Кузовкин! Чтобы ни пятнышка, ни капли в коридоре! — И уже спокойно, обращаясь к остальным: — Спасибо, ребята. Дальше я и сам управлюсь.

— Дай одну трафаретку и два флейца! — Левада не попросил, а потребовал.

— Принесу, потом... Сказал — значит, будет.

Не дал боцман сразу дефицитные кисти! Знал, что теперь уже всё равно: сколько ни проплавай на «Ваганове» или других судах, эпизод с кистями будет преследовать его всю моряцкую жизнь. Попробуй не дать что-нибудь, сразу получишь в ответ: «Потопа ждёшь? Ну-ну!»

Он услышал эту фразу очень скоро. Соломоновы острова оградили «Ваганова» от буйного тихоокеанского простора. Заштилило, будто в озере под Кавголово. Можно было заканчивать окраску главной палубы. Боцман, старший матрос и Федоровский работали валиковыми кистями, остальные красили малярными ручниками труднодоступные места: широким цигейковым валиком на длинной палке в щель не залезешь.

Из трёх обещанных новых кистей Зозуля принёс лишь две.

— А флейц? — язвительно напомнил Левада. — Опять двадцать первую волну ждать?

МОБАЛИШТО

В океане нет почтовых ящиков. Моряки не пишут писем, а посылают радиogramмы. И ответы получают только по эфиру.

Связь судна с пароходством, портами, другими судами, связь моряка с домом — всё в руках радиста. Он посвящён в служебные и семейные тайны, официальное лицо, личный поверенный.

За восемнадцать лет плавания Николаев передал и принял десятки тысяч депеш, миллионы знаков.

Письма измеряются страницами, телеграммы — количеством слов, радиogramмы — знаками. По международному коду Морзе, радиоазбуке, буква состоит из нескольких знаков. «А» — из двух, «Б» — из четырёх... И цифры из знаков. Чтобы передать «1», надо пять раз нажать на радиотелеграфный ключ. Единица «пишется» одной точкой и четырьмя тире. Точка же, как и другие знаки препинания, закодирована шестью знаками! Вот такая азбука.

Для непосвящённого «морзянка» — сплошной писк. При атмосферных помехах, слабой слышимости и короткой точки от длинного тире не от-

личить: разница между ними — десятые, а то и сотые доли секунды. Но опытные радисты слушают, будто глазами текст видят или под диктовку пишут, от руки, а то и сразу на машинке печатают. Это не просто, требует большого нервного и физического напряжения.

А пробиться сквозь плотное месиво радиосигналов всей планеты к своей, единственной для тебя станции? Тут нужны большое профессиональное мастерство, настойчивость и сильная воля.

Часто приходится радировать не на прямую, а через посредника. Вот и сейчас какой-то танкер, долго и безуспешно добивавшийся Ленинграда, наткнулся на «Ваганова».

«Выручи, друг! Перекантуй в центр парочку денеш!»

«Срочное?»

«Очень!»

«Давай».

Перепоручив начальнику радиостанции «Ваганова» свои радиogramмы, неизвестный Николаеву Сидоров Сеня, из молодых видно, спросил:

«Вы где сейчас?»

«К Австралии подходим».

Танкер раз в двадцать был ближе к Ленинграду, чем «Ваганов».

Сеня Сидоров онемел, потом стал оправдываться.

Николаев быстро отступал:

«Всё. Не мешай мне. Привет!»

Ленинград велел ждать. Восьмая очередь.

«Я из Австралии! — напомнил Николаев. — Приём».

«Ты, Николаев?»

«Я. Анюта?.. По почерку узнал».

«Привет. Третья очередь. Раньше не смогу».

«Понятно».

Он снял с головы наушники, расстегнул рубашку до самого пояса, повернулся вместе с креслом к дивану.

Свайка, высунув язык, насторожила уши.

— Жарища, а?

Свайка приподняла острую мордочку и опять уронила на лапы.

— Тропики. Никуда не денешься, дружок. Но тебе-то чего здесь страдать? Шла бы в каюту, там прохладнее.

На несерьёзные разговоры Свайка не отвечала. Совместная вахта с хозяином стала для неё служебной обязанностью.

— Ну спасибо за компанию. Завтра Брисбен, по твёрдой земле погуляем. Может, на звёзды поглядим?

Они вышли на крыло, под чужое, незнакомое небо. Перевернутый ковш Большой Медведицы лежал на горизонте. Серебряное лунное «С» завалилось на спину, выставив вверх острые рога — ☾. Полярной звезды не было. Исчезла и Малая Медведица. В иссиня-чёрном небе сверкали мириады других светил, невидимых в Северном полушарии.

Над грузовой фок-мачтой висел Южный Крест.

— Вон оно, знаменитое созвездие! Туда смотри, дружок. Вперёд и выше.

— Где-где, Василий Яковлевич, крест этот самый?

После светлой рубки глаза не сразу освоились с темнотой. В двух шагах стоял Паша Кузовкин.

— Фу-ты! — выдохнул Николаев и рассмеялся: — Подумал, что Свайка заговорила... Почему не спишь?

— Джинсы стираю, Василий Яковлевич. А собаки, они по-человечески не могут. У них рефлексy условные, академика Павлова.

— Образованный ты парень! Только каким же образом у собак рефлексy академика?

— Не точно я выразился, Василий Яковлевич.

— Ты и в радиogramмах путаник великий. Номер почтового отделения забываешь, а слов лишниx — целый вагон. Часами разгружаю.

За редким исключением, все радиogramмы, с берега в море, с моря на берег, походили друг на друга, как близнецы. Особенно праздничные. И сейчас на столе лежала стопка листков, заполненных разными почерками, всевозможными чернилами, но об одном и том же: «Перешли экватор».

Только Лёша написал не «перешли», не «пересекли», а *перерулил*.

— Я, Василий Яковлевич, в этот раз очень даже коротко сделал. Учёл ваши замечания, — сказал Паша довольным голосом.

— Да? Поглядим. Не читал ещё твоей депеши.

Через несколько минут Николаев позвал из рубки:

— Паша! Зайди. Ну-ка, продекламируй вслух своё сочинение.

— «Дорогие МОБАЛИШТО прошёл экватор ваш моряк Павел Кузовкин». Восемь слов. Не считая адреса, конечно. Короче не получилось. Разве что фамилию свою вычеркнуть? В семье-то один я моряк.

Паша потянулся к ручке.

— Не спеши. Фамилию убрать недолго. А вот что такое МОБАЛИШТО?

— МОБАЛИШТО?

— Оно самое.

— Мама, отец, бабушка, сестрёнки: Аня, Лиля, Ирина, брат Шурик и тётя Оля, — с обезоруживающей простотой расшифровал Паша.

— А других родственников у тебя нет?

— Есть, Василий Яковлевич! Но они в деревне живут, далеко.

— Жаль. Сразу бы весь твой род в одно слово втиснули.

Ти-ти-тии, тии-ти, ти-ти-ти, тии-тии-ти-тии!.. — полилось из динамика. Николаев взял наушники.

Паша почтительно, на цыпочках вышел из святой святых.

Ленинград вызывал теплоход «Ваганов».

Две точки и тире; тире и точка; три точки; два тире, точка, тире. Четыре буквы азбуки Морзе: *unsq*, *y-эн-эс-кю*.

В мировом океане десятки тысяч судовых радиостанций, ещё больше их на берегу. И у каждой свои позывные. Из цифр и букв или только из букв. Радиостанция теплохода «Ваганов» значилась под шифром UNSQ.

Николаев отзывался на *уэнэскю*, как на собственное имя. Случалось ждать своей очереди часами. Не выключая приёмник, Николаев вытягивался на диване, отдыхал. Глубокой ночью лёжа заснуть не долго. Динамик ни на минуту не умолкал, но морзяночная какофония не мешала. Николаев как бы не слышал её. Стоило же хоть раз промелькнуть звуковой молнией *unsq*, он вскакивал мгновенно. Будто в самое ухо крикнули: «Вася!»

Ещё не проснувшись толком, Николаев хватался большим и указательным пальцами за белый рычажок ключа и, как скрипач, склонив голову набок, с неуловимой для глаз скоростью отстукивал:

«*Unsq* слушает!»

Ответив Ленинграду, Николаев сказал через плечо своей помощнице: «Будем принимать».

Свайка громко зевнула: долгая, мол, история. Она удивительно быстро освоилась в рубке и обычно дремала в уголке дивана. Гудение аппаратуры, щёлканье реле, разновысокий писк, цоканье, заунывное свистенье, похожее на короткий вой, треск атмосферных разрядов не вызывали никакой реакции. Для Свайки все эти звуки были чужими и недоступными.

Хозяин выбивал из серой коробочки рычание: «Тыр-тырр-тыр». Низко, сердито. Отвечал ему высокий, писклявый голосок: «Пи-пии-пи-пи». Ластится, оправдывается, уговаривает, подлизывается. А хозяин опять: «Тырр-тыр-тыр».

Первое время и Свайка помогала рычать, но ей запретили вмешиваться в разговоры с другим миром, откуда не проникали даже запахи.

Из Ленинграда радиogramм было немного, только служебные. Николаев принял их на машинку. Потом отстучал свои.

«Какой «мобалишто»?» — переспросил Ленинград.

«Обыкновенный МОБАЛИШТО. Поняли правильно. У меня все».

Свайка зажмурила глаза и тотчас погрузилась в очередной собачий сон. Нежно повизгивая, она слабо шевелила пушистым хвостом, но вдруг приоткрыла один глаз, второй, и хвост всюду заходил по дивану. Пришёл Лёшка, друг хозяина, и значит, её друг.

Николаев поднял брови:

— Радиограмму? Опоздал, теперь до утра пролежит.

— А ту, что... уже передали?

— «Перерулил экватор»? Конечно. Изменить хотел? — догадался Николаев. — Вместо «перерулил» — «пересек», конечно?

— Ага. — Лёшка и головой мотнул утвердительно. Поразмыслив, он решил, что «пересекли» скромнее и понятнее.

— Не расстраивайся! Так даже лучше: пе-ре-ру-лил. Присаживайся, Лёша. Опять в ночь с Пал Палычем?

— Меня освободили от ходовых вахт. Пока экзамен не сдам.

— Ну и правильно. Готов?

Лёшка неопределённо повёл плечами.

— Пал Палыч говорил, что ты хорошо подготовился. С английским у нас тоже нормально. Азбуку не забыл? Ну-ка. — Николаев быстро отстучал что-то карандашом по столу.

— Ещё раз, — попросил Лёшка. Он понял все буквы, но слово — абра-кадабра какая-то!

Николаев, откровенно улыбаясь, застучал медленно: тук, тук-тук, тук, тук-тук, тк, тк, тк-тк, тук...

— М — о — б — а... Не выходит, опять ерунда.

— Плохо, плохо, — деланно строго сказал Николаев и встал. — Семафором попробуем. Принимай.

Лёшка тоже поднялся на ноги.

Николаев помахал над головой руками: «Вызываю!» Лёшка тотчас отсемафорил: «Принимаю!»

— Руки Николаева замельтешили, как крылья у мельницы. Лёшка описал правой рукой замкнутую окружность: «Принять не могу». И тогда Николаев рассмеялся, чем ещё больше смутил Лёшку.

— А Ленинград принял! Что у тебя получилось?

— МОБАЛИШТО какое-то...

— Не какое-то, а какие-то. Впрочем, и не какие-то, а известные люди, родственники, полная семья.

— Чья? У нас такого нет на судне. Митрохин, Макаров...

-- Есть, да не скажу. Служебная тайна.

Возвратившись в каюту, Лёшка спросил Пашу:

— Кто у нас Мобалишто?

А что? — насторожился Паша.

— Ничего. Фамилию такую сегодня услышал.

Паша сообразил, что Лёшка слышал, да не всё.

— Не знаю такого. — Он притворно зевнул. — Травля, не иначе.

— Мобалишто. Сроду фамилии такой не встречал.

— И я, — сказал Паша, отворачиваясь к переборке. — Вырубай свет.

— Я ещё посижу. Экзамены ведь.

— А-а, — протянул, зевая, Паша и засопел.

В третьем часу ночи, когда Лёшка, отзанимавшись, вышел глотнуть свежего воздуха перед сном, он встретил Быкова. Моторист поднялся наверх покурить. В шахте курить запрещено, да и без табачного дыма дышать там нечем, потом все обливаются.

— Скорее бы уж тропики кончились, — посочувствовал Лёшка.

— И не говори! Ты что, санитарную ночь устроил?

Лёшка не понял.

— Постирушку, говорю, затеял? Я мимо проходил — на полную мощность агрегат работает.

— Нет, это не я сти... — Лёшка остановился на полуслове.

Сразу после ужина Паша загрузил в стиральную машину свои джинсы, щедро обсыпав голубым японским порошком. Должен помочь: на правой штанине Паша пятно посадил — за промасленный трос зацепился.

— Пашины джинсы! — ахнул Лёшка и побежал в прачечную.

Моторист из любопытства пошёл следом.

В баке, в мутном водовороте, металось что-то серо-фиолетовое. Отключили ток. Быков вытащил щипцами жалкие, измочаленные джинсы.

— Да-а, заклёпки проржавеют, ковбой уже испарился, — скорбно произнёс Быков.

Но всё это было ещё полбеды. Джинсы сели по длине и ширине.

Паша горевал остаток злополучной ночи и весь день.

— Шорты сделай, — посоветовал боцман.

— Верно, — воспрянул Паша, — будет в чём показаться в Австралии. Там же все в шортах ходят!

— Насчёт Австралии мы ещё посмотрим, — туманно ответил боцман.

Из урезанных джинсов вышли отличные шорты, плотные, с четырьмя карманами и задубевшей кожаной латкой.

Через открытые иллюминаторы вливался забортный шум и плеск. На пластиковом белом подволоке играли солнечные блики.

Лёшка сладко потянулся и спустил ноги. Вчера улёгся поздно; забираться на койку не стал, устроился на диване.

Прошлёпав к дверям, он снял с крючка новую фуражку и глянул в зеркало над умывальником. Лёшка видел своё отражение лишь по грудь. А больше и не надо было. Главное — фуражка с якорем в овале из золотой канители и полосатая бело-синяя тельняшка.

Матросскую фуражку торжественно вручил капитан.

— Поздравляю вас,— сказал он, пожимая руку.

— Теперь ты настоящий матрос, Алексей.— Пал Палыч был доволен своим учеником. Лёшка и в самом деле отлично выдержал экзамен.

От капитана Лёшка первым делом забежал к Николаеву. Каюта начальника судовой радиостанции рядом.

Дверь была открыта. Николаев ждал, выглядывал Лёшку. Увидел расплывшуюся от неумённого счастья загорелую, розовощёкую физиономию, новенькую фуражку и понял без слов. Обнял, притянул, похлопал по крепким, налитым мускулам, потом оттолкнул от себя. Руки сплелись в сильном мужском рукопожатии.

— Поздравляю. Поздравляю, Лёша! Не простой экзамен выдержал ты — профессиональный. Вот теперь и ты полноправный рабочий океана. Теперь, как говорится, держись! И — так держать! Всё будет нормально, всё будет хорошо!

Лёшку обдала горячая волна. Так, наверное, сказал бы и отец. И про рабочего сказал бы. «Мы,— любил повторять он,— моряки, рабочий класс океана». Отец очень гордился этим званием.

«Всё будет хорошо». Точно такими словами напутствовала Лёшку мама...

— Дядя Вася... Радиограмму бы...

— Непременно! Через час в эфир выхожу и твою в первую очередь перешлю в Ленинград. А боцман знает уже? Сходи обрадуй Николая Филипповича.

— Да, да-да! — горячо подтвердил Лёшка (а Николаев про себя отметил, что крестник его и говорить веселее стал, не тянет, как бывало). — Я сейчас, я быстро!

Лёшка убежал. Николаев опустил на диван, вздохнул. Эх, не дожил Костя до этого дня!

Боцмана, как обычно, на месте не оказалось. Его только ночью, да и то спокойной, можно застать в каюте. Лёшка отыскал Зозулю в малярке.

— Ну? — нетерпеливо спросил тот.

Счастливо улыбаясь, Лёшка bravо приложил руку к фуражке.

— Ну, молодец, Смирнов, — с облегчением выдохнул боцман, тщательно вытер паклей руку и протянул Лёшке. — От всей души рад за тебя.

— Спасибо. Большое вам спасибо, товарищ боцман... Николай Филиппович...

— Чего там! — махнул Зозуля, откровенно довольный и Лёшкиным успехом и его признательностью.

Не первого, не двадцатого практиканта и ученика вывел он в люди, но каждый раз волновался в день экзаменов, будто сам выходил один на один к аттестационной комиссии. Он и сегодня ушёл в малярку — занять чем-нибудь беспокойные руки, скрыть от других свои переживания.

— Чего там, — повторил Зозуля и гулко откашлялся. — Зайди ко мне после ужина...

Боцман подарил Лёшке тельняшку.

— Хотя и не в моде на торговом флоте тельняшки ныне, а традиция есть традиция. Лично я, Смирнов, полжизни относил полосатенькую. — Зозуля нежно провёл по целлофановому пакету с тельняшкой. — Первую кругосветку в ней сделал, в первую атаку в ней пошёл. Так что носи на здоровье.

Он говорил так, словно это была та самая заветная его тельняшка, просолённая морем и солдатским потом, застиранная и простреленная.

— И помни завсегда, Смирнов, что ты есть матрос, звание оправдывай с максимальной честью, усердием и мужественностью...

Судно ещё шло в тропиках, однако жара спала и не было уже изнуряющей влажной духоты, хотя ртутный столбик показывал +25. Более, чем тепло, но Лёшка на ночь не снимал тельняшки.

Теперь из зеркала глядел загорелый парень в матросской фуражке и матросской тельняшке, плотно сидевшей на широких плечах и груди. Парень самому себе нравился и улыбался.

«Дома бы в таком виде показаться! И в школу зайти! — Лёшка оторвался от зеркала, посмотрел на босые ноги и засмеялся: — Да, именно в таком виде!»

Спохватившись, что может разбудить Пашу, он быстро натянул брюки, обулся и вышел на палубу.

Спокойная пологая зыбь отливала перламутром, зеркально вспыхивала: солнечные зайчики прыгали на судно, зажигали стёкла иллюминаторов.



Вдруг, в нескольких метрах от борта, выскочили два дельфина. За ними ещё один, опять пара, ещё трое... Дельфинья стая легко и весело играла в воде, не отставая от судна и не обгоняя его.

Точёные глянцевые тела, искрясь и сверкая, грациозно пролетали по воздуху и плавно, без всплесков, уходили в воду, чтобы вновь взлететь над океаном. Дельфины резвились в такой близости, что Лёшка видел блестящие умные глаза, улыбчивые, добродушные мордахи. Казалось, что вот сейчас, в очередном прыжке, дельфины сравняются с планширом, подмигнут и крикнут задорно: «Привет!»

— Привет! — Лёшка перегнулся через фальшборт и замахал рукой.

— Привет матросу второго класса! — раздалось над головой.

Лёшка задрал голову. Сверху улыбался Федоровский.

— Доброе утро, Лёша.

— Доброе утро. Здорово, а?

— Ещё бы! Афадины. Они из дельфинов самые умные, пожалуй. Поднимайся сюда. Земля скоро должна показаться.

— Сейчас.

Дельфины, будто по команде, резко увеличили скорость и изменили курс. Золотистые дуги вспыхивали и гасли всё дальше и дальше.

Землю увидели лишь к вечеру, на закате.

Над оранжевым горизонтом медленно всплывали синие верблюжьи горбы — горы.

— Австралия! Австралия! — завопил Лёшка срывающимся голосом.

Наверное, португальцы или голландские моряки, которые открыли Пятый материк, вели себя сдержаннее. А может, и нет.

Свободные от вахты толпились на верхнем мостике, смотрели во все глаза на синие горы, оживлённо переговаривались.

Объяснить что-нибудь, рассказать подробно об Австралии никто не мог. Так, обрывочные сведения, отдельные названия: кенгуру, эвкалипты, аборигены.

Кенгуру — сумчатые животные, передвигаются большими скачками; на всех картинках у кенгуру из сумки на брюхе выглядывают смешные мордочки детёнышей. Эвкалипты — гигантские деревья. Аборигены — коренные жители, те, что охотятся с бумерангами.

Вспомнили ещё, что в Австралии уйма кроликов. Завезли их европейцы, теперь и сами не рады: все поля объедают. Но главное в Австралии, конечно, сумчатые животные.

— А верно, что там кенгуру в городских садах пасутся?

Пашу подняли на смех, но тут подошёл Николаев и подтвердил:

— Только в пригородных, в заповедниках специальных. Кенгуру в Австралии не так много осталось.

— Вымерли?

— Перестреляли. Раньше за них даже премии охотникам выплачивались. За коала не награждали, но и их почти уничтожили.

— А что это — коала?

— Не что, а кто,— поправил Николаев.

О коала он впервые узнал от Брема, из книги, подаренной ему и Косте стариком продавцом букинистического магазина на Литейном проспекте, в начале войны. Потом пришлось побывать в Австралии и увидеть живых коала — маленьких сумчатых медведей. Забавные, ушастые, бесхвостые толстячки, на короткой мордочке сонные глазки, как бы кожаный нос. На воле коала ведут ночной образ жизни. В зоопарке днём не уснёшь. Только малыши, обхватив передними когтистыми лапами шеи родителей, спали на их спинах крепко и безмятежно. Мамы и папы лазали по обглоданным стволам, жевали листья, а дети хоть бы что — спят!

— Вот бы такого на судно! — сказал Лёшка.

— Коала вывозить нельзя.

— Не продают? — удивился Паша.

— Кормить нечем. Коала едят преимущественно листья и молодые побеги эвкалиптов.

— Так у нас же в Крыму и в Колхиде эвкалиптов этих! — вспомнил Зозуля.

— Этых, что коала едят, нигде нет, кроме Австралии. Потому и коала-эмигрантов не бывает.

— Патриоты,— с уважением отметил Зозуля.

Быстро стемнело. Все разошлись по каютам. И Лёшке поспать надо было: с ноля на вахту.

Он забрался на койку, включил ночничок в изголовье, взял с полочки-сетки «За бортом по своей воле» Алена Бомбара. Никак не дочитать. Работа, работа, работа... И служебную литературу надо изучать. «Ты, Смирнов,— назидательно сказал боцман Зозуля,— только минум выучил. Так что не останавливайся». И дядя Вася, и второй штурман подталкивают. Каждая вахта с Пал Палычем не только работа, но и занятия.

— Так, Алексей. Чему посвятим сегодняшнее ночное бдение?

Пал Палыч и Лёшка стояли на левом крыле мостика и вглядывались в ночной океан.

— Мне всё интересно,— с готовностью ответил Лёшка.

— Глобальная эрудиция — вещь заманчивая,— усмехнулся штурман.— Но «обо всём понемногу» хорошо для общей интеллигентности, для светских бесед, а для работы, товарищ Алексей, необходимо и обязательно вникнуть до тонкостей, до самого... Куда повернулся! Не на меня, на океан гляди. Я тебя и так услышу, а океан...

— Нельзя оставлять без присмотра,— отчеканил Лёшка.

— Ну то-то. Своё дело надо знать до самого «максума», как научно выражается наш боцман. Итак, в прошлый раз мы говорили о морских течениях. А что у нас творится в сфере небесной?

В астрономии Лёшка ещё и азбуки не знал. Учил что-то в школе, только всё почему-то начисто забылось.

— В общем,— заключил Пал Палыч,— сия древнейшая наука для тебя — сплошная «инкогнита», как Австралия в своё время для европейцев. Так её и называли — Аустралия terra incognita, Неведомая южная земля.

— Нет,— смутился Лёшка,— астрономию мы проходили...

— Про-хо-ди-ли! — с паузами повторил Пал Палыч.— Мимо, стало быть, прошёл, если никаких зарубок в памяти не осталось. А предки-мореходы, тёмные люди, считавшие, что Земля — пуп вселенной, очень даже хорошо разбирались в небесных светилах. Без карт, без атласов, звёздных глобусов. И не было у них ни маяков, ни радиопеленгаторов, по звёздам в морях-океанах ориентировались! Небо для них было главной и единственной книгой. А ты — «проходил». Кстати, пора отметить, сколько мы уже прошли за этот час.

Он удалился в штурманскую.

Чёрно-бархатное небо, казалось, окружало теплоход от самого борта. Фосфорисцирующая отвальная волна выглядела звёздным потоком, и вокруг, сколько видел глаз, блистали крупные звёзды. Короткие лучи по-маргивали, словно ресницы, и Лёшке впервые так близки и понятны стали проникновенные лермонтовские строки: «и звезда с звездой говорит...»

Мама с детства прививала ему любовь к поэзии, но далеко не всё доходило до Лёшкиного сердца. Мама увлекалась и старинными русскими романсами. Слушать их было приятно, хорошо и чисто становилось на душе, и всё же Лёшка с большим удовольствием подпевал отцу, когда он брал гитару, а мама тихо подыгрывала на пианино:

Берегите мужчин, берегите мужчин,
но не надо их кутать и холить...

Мужественно, азартно звучало в два голоса:

Пусть уходят в моря, в небеса и в тайгу,
пусть мужчинами будут мужчины!

Неслышно появился Пал Палыч.

— Все спокойно?

«Порядок», — хотел ответить Лёшка и вдруг увидел низко над горизонтом крупный голубой фонарь. Свет его то пропадал, то опять горел во всю.

— Справа маяк. Проблесковый! — доложил Лёшка.

— Похоже, — неуверенно и встревоженно проговорил штурман. — Откуда здесь мог объявиться береговой маяк? Ритм засёк?

Тысячи маяков на свете, рисунки и характеристики маяков составляют толстую книгу. Ни один маяк не похож на другой, хоть чем-то да отличаются, и проблесковые, мигающие, если сказать проще, имеют каждый свой строго установленный ритм, определённое число и продолжительность вспышек и тёмных пауз.

Маяк, обнаруженный Лёшкой, вёл себя престранно. То часто помаргивал, то исчезал надолго, то безостановочно полыхал ярким голубым шаром.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал штурман и, бросив: «Смотреть!» — опять убежал к приборам и картам.

Как ни старался Лёшка засечь ритм маяка, ничего не получалось.

Пал Палыч возвратился из штурманской со смешком.

— Не трудись, Алексей. Вообще-то тебе простительно. А я, старый штурманяга, ракушками уже оброс! Как я мог так вляпаться? Венера это, планета Венера, а не маяк! Откуда тут береговая башня может быть? До Австралийской земли ещё плыть и плыть.

И Лёшка узнал, что фазы у Венеры, как у Луны. В «нововенерье», когда виден полный диск, Венера светит ярче самой яркой планеты Сатурн. В тринадцать раз ярче!

— А проблёскивание? — спросил Лёшка.

— Дымка от далёкого пожара. Буш, наверное, горит. Карликовый австралийский лес. Лето ведь, жарыща.

— Как лето? — удивился Лёшка. — Март же.

— Мы уже в Южном полушарии, Алексей. Здесь всё наоборот. Март не ранний весенний месяц. Начало осени.

Последующей ночью уже нельзя было спутать Венеру с маяком. Заревот отсвечивало вполнеба.

Ещё через сутки подошли к Брисбену. Ошвартовались вдали от го-

рода, почти в самом начале длинного и мутного канала-гавани. Причал был тихим и пустынным. Оранжевые противотуманные фонари на пакаузах мягко освещали асфальтированный пирс и вереницу автопогрузчиков, замерших, словно жуки на булавках.

Палубной команде побудку объявили раньше обычного, чтобы успеть к началу работы утренней смены докеров подготовить к загрузке трюмы.

Когда люки задраены, кажется, что на палубе лежат большие плоские ящики. Трудно вообразить: внутри судна вмещается груз пяти железнодорожных составов. Но вот разъехались стальные крышки, сложились, встав торчком, развёрзся люковый просвет; заглянешь в стальной провал — поверишь. Отвесный трап — как пожарная лестница шестизэтажного дома.

На переходе из Японии в Находку боцман не разрешил Лёшке участвовать в зачистке трюмов, не пустил вниз. Сегодня сам приказал:

— Федоровский, Смирнов — во второй номер!

Трюмы на судне имеют номера.

Надо было осмотреть льяльные щиты. Теоретически, по учебникам и схемам, Лёшка знал, что льяла — вроде жёлоба вдоль бортов для стока воды, которая может попасть в трюм. Но где они здесь, эти льяла? «В натуре», как сказал бы штурман Пал Палыч.

Палуба трюма была ровной и гладкой от борта до борта.

— И не увидишь. Они же крышками закрыты, — пояснил Федоровский. — Начнём. Ты — по левому, я — по правому борту.

«Каждую доску поднять — осмотреть! Дорогой груз повезём, шерсть мериносовую!» — строго наказал боцман.

Работал Лёшка и думал: учиться ему ещё и учиться, чтобы по-настоящему узнать своё судно.

— Лёша! Лёш!

Над люком свесилась рыжая голова Паши Кузовкина.

— Завтракать? — догадался Лёшка.

— Само собой! — Паша оглянулся, опять свесился и выпалил скороговоркой: — Делоесть.

— Какое?

Но тут в просвете люка появился боцман, и Паша исчез.

— Ну что?

— У меня порядок, — доложил Федоровский.

— Нормально пока, — сообщил Лёшка.

— С этого трюма погрузку начнём. Закончите, потом на завтрак. Расход заказан.

— Ясно.

Когда Лёшка с Федоровским поднялись наверх, на палубе уже стояли докеры. В большинстве люди пожилые. Фórмен, бригадир докеров, разговаривал по-английски с Пал Палычем.

— Алексей,— подозвал он Лёшку,— тальмáнить не нужно, будешь для связи и на подхвате.

Тальманить — считать груз. Лёшке уже приходилось выполнять такую работу. Тальманщик не просто учётчик, он следит и за состоянием груза, маркировкой на таре, за правильностью укладки по плану, разработанному вторым штурманом.

— Здравствуйте,— сказал по-русски формен и представился: — Герман.

— Очень приятно,— вежливо улыбнулся Лёшка.— Вы говорите по-русски?

— Ноу! Здравствуйте, до звидания, харашё — всё.

— Ясно,— вздохнул Лёшка.

— Ничего-ничего,— подбодрил Пал Палыч,— договоритесь. Практика тебе полезна.

— Мóсква, спутник, Ленинград! — дополнил свои познания формен Герман.

— Сенькю, спасибо,— сказал Лёшка.

— Да! Спасибо!

— Прекрасно! — похвалил Пал Палыч.— Действуй, Алексей. Следи, чтоб не курили. Но смокинг!

— Но, но-о! — подтвердил формен.

Автопогрузчики вывозили из пакгаузов тюки шерсти — большие серые кубы, опоясанные лентами из тонкой жести. Тюки висели на стропях по восемь штук. Судовые стрелы переносили гроздь в трюм, где их принимали докеры и укладывали, как кубики. При этом они ловко действовали острыми ручными крюками. Воткнут в тюк и перекантowывают куда нужно. Со стороны кажется легче лёгкого. Позднее Лёшка убедился, что без сноровки и напряжения шерстяной тюк с места не сдвинуть.

— Лёша,— опять объявился Паша Кузовкин,— тебя что, тальманщиком поставили? Ну и влип ты!

— Почему?

— Торговый агент был. Толстый, в шортах и при галстукe, а на ногах белые гетры.

— Гольфы, наверное.

— Не в них дело. Фирма автобус даёт. Бесплатно, презент. В зоопарк поедет. Лоне-Пине называется.

— Когда?

- Сразу после обеда. Я уже записался.
- Не смогу, — сказал Лёшка. — Они в две смены работать будут.
- А ты к Василию Яковлевичу...
- Нет, — твёрдо отверг предложение Лёшка. — Отпрашиваться не стану.
- Почему?
- Ты меня подменишь?
- Я? Что ты! Я же в английском ни бум-бум. И я же записался уже.

Неудобно перед помполитом.

- Вот и мне неудобно.
- Конечно-конечно, — быстро согласился Паша. — Я расскажу тебе потом всё.

— Ладно, — усмехнулся Лёшка. В Лоне-Пине побывать хорошо, но...

Все, кто ездил в зоопарк, возвратились в восторге. Особенно понравились коала и кенгуру. Ребята рассказывали, что в Лоне-Пине были представлены все виды кенгуру. Рыжие исполины, серые коротышки, желтоногие, скалистые кенгуру, кенгуру-крысы, даже древесные кенгуру, самые удивительные. Они лазали по деревьям, как белки. И было странно наблюдать этих крупных темношёрстных, длинноногих и длиннохвостых зверей, когда они с необыкновенной лёгкостью двигались по колеблющейся ветке.

Исполинские и серые кенгуру с подкупающей доверчивостью ели с ладоней кукурузные зёрна — их продавали в пакетах у входа.

Кенгуру охотно принимали рукопожатия, ласково тыкались в животы и колени моряков.

Все фотографировались в обнимку с кенгуру и веселились, как дети.

— А приборочка? — напомнил моторист, и все подтвердили: «Приборочка что надо!»

Вытряхнув на землю крохотное глазастое существо, мама-кенгуру навела в сумке чистоту с такой тщательностью, что никакой боцман не придрался бы!

— Попки-то, попки! — вспомнил Паша и даже рассмеялся от удовольствия.

Пернатых в Лоне-Пине было такое множество — ни сосчитать, ни запомнить. Райские птички, золотые и серебряные фазаны, попугаи — белые с жёлтым хохолком какаду, зелёные разеллы, красные, синие, чёрные, пурпурные. Самые разговорчивые — какаду. Завидев посетителей, перебираются, помогая себе загнутым клювом, по жердям, задушевыми, с ласковым придыханьем голосами просят:

«Хэль-лэ! Хэль-лэ! Урль, оррлы!» — «Алле, привет, дружище! Угости попку орешками!»

Орехи никто не купил, а кукурузу отдали до последнего зёрнышка кенгуру. Какаду обиделись, возмутились, разбушевались. В вольере поднялся шум, гвалт. Задребезжали сетчатые стены. Какаду трясли их, хлопали крыльями, улюлюкали, кричали вслед:

«Х-хл-лэ! Хх-хх-хал-лэ! Уль-гуль-вуль!»

— «Нахалы, жадины, варвары!» Так прямо и кричали! — сказал Паша.

— Умеют свои права качать, — с подковыркой сказал Федоровский, и все вокруг засмеялись.

Паша тоже понял намёк, но сделал вид, что его это не касается.

— Завтра в Мэринленд поедем, дельфинов смотреть! — сообщил он последнюю новость. Паша всегда в курсе таких событий.

— Кто поедет, а кто и повахтит, — пробасил боцман. — Не всё коту масленица.

В Мэринленд, Морскую страну, отправились всего восемь человек. Общество австрало-советской дружбы предоставило две легковые машины.

— Я тебе потом всё расскажу, — пообещал Лёшка Паше.

Тот лишь вздохнул...

По обеим сторонам дороги мелькали низкорослые эвкалиптовые рощи, похожие на осинники. Эвкалипты меняли кору; с выкрученных мускулистых стволов свисали коричневые ленты. Обнажённые стволы матово отличали белой с прозеленью кожей.

Акации не обращали внимания на австралийский календарь и зеленели сочно, по-летнему. На магнолиях кое-где сохранились цветы, белоснежные, с жёлтыми розетками внутри.

Вдали синели пологие горы, облысевшие и курчавые от обильной растительности.

Ехали долго. Наконец показался океанский берег — длинная золотая полоса, приликанная волнами и приливами. Ярко-синяя гладь воды прочерчивалась белопенными валами прибоя.

Курортный городок Саутспорт сплошь состоял из отелей, пансионатов, мотелей. Первые этажи заняты ресторанами, кафе, пивными барами. На жухлой траве вдоль берега — разноцветные палатки, единственное дешёвое жильё в Саутспорте.

На высоких флагштоках небольшого стадиона плескались на ветру разноцветные вымпелы Мэринленда.

Очередное представление в дельфиньем театре начиналось в четверть первого.

Времени было достаточно, пошли смотреть океанарий.

101

В высокой круглой башне, пронизанной солнцем и люминесцентными светильниками, плавали обитатели океана. Каких только не было здесь рыб! Плоские, как камбала, шаровидные, горбатые, подслеповатые, глазастые, гладкие, словно змеи, покрытые крупной чешуёй, с осетровыми ромбами вдоль всего тела, серебряные, золотые, синие, полосатые, в крапинку...

Отделённые толстым смотровым стеклом, по-коровьи жевали губами толстогубые групперы, громадные океанские окуни с бездумными глазами.

Великанша черепаха плавно и величаво, словно в невесомости, парила в прозрачной воде, то всплывая до самой поверхности, то опускаясь до песчаного дна. На дне — Лёшка не сразу и разглядел — лежали серые лопухи морских скатов.

Одуревшие от долгого тюремного заточения аквариума, монотонно кружили две акулы, не очень длинные, но и с такими лучше не встречаться в открытом море.

— Если хотите посмотреть настоящих акул, пойдёте туда! — сказал шофёр, указывая на невзрачное здание.

Все подумали, что там специальный акулий бассейн. Оказалось — кино-театр. Сеанс начался, но здесь можно входить и выходить когда вздумается.

Фильм был цветной. Мужчина и женщина, отчаянные храбрецы, аквалангисты, поочерёдно приближались вплотную к гигантской китовой акуле. Скользили вдоль двенадцатиметровой туши, касались руками высокого, словно яхтный парус, спинного плавника, подплывали к широченной пасти. Человек выглядел при этом крохотным, жалким лягушонком, настолько ничтожным, что акула и не замечала его.

Чудовищных размеров манта, чёрная сверху и бледно-жёлтая снизу, рогатая, с острым хвостом-рапирой, колыхая гибкими крыльями, казалось, прошла над головами зрителей и исчезла, словно привидение в кошмарном сне.

Показывали и других диковинных океаножителей, но наибольшее впечатление оставила китовая акула.

— Она не такая страшная, — сказал Николаев. — Китовая акула питается планктоном, рачками, всякой мелюзгой.

— Не такая страшная, пока в кино смотришь, — мрачно заметил боцман. Как все старые моряки, Зозуля люто ненавидел акул всех видов и названий. — Уже и к дельфинам, пожалуй, пора?

Всем не терпелось попасть к дельфинам.

Театр Бена Кропса вернее было бы назвать цирком. От прямоугольного, довольно глубокого бассейна, выложенного светлым пластиком, уходили веером многоярусные ступени — сиденья.

К бассейну примыкали, отделённые сетчатыми калитками, несколько коротких, узких загонов — артистических уборных. В них томились две афалины.

Солнце сушило гладкие тёмно-серые спины. Овальные отверстия дышал открывались и закрывались, как аварийные клапаны. Громкое, надсадное дыхание, хрипы, всхлипы, бульканье. Дельфины изнемогали, как загнанные цирковые лошади.

Лёшке почудилось, что он узнал в одном из дельфинов весёлую афалину, которая встречала судно на подходе к Австралии. Лёшка так и не сделал ни одного снимка.

Прозвучали фанфары. Седоголовый мужчина в цветастом пляжном костюме объявил в переносный микрофон о высших достижениях дрессировки дельфинов в его театре. И представление началось. Дельфины молнией носились в зелёной прозрачной воде бассейна, прыгали, резвились, проделывали сложные акробатические номера и трюки. И всё это — с радостью, с упоением! Дельфины упивались свободой. Временной, но свободой. Даже на душе легче стало.

Дельфины играли в кегли, доставали в вертикальном прыжке мелкую рыбёшку, насаженную на кончик палицы, которую держала в вытянутой руке блондинка в ярком купальнике. Дельфинам надевали на глаза тёмные колпачки, и артисты вслепую точно и безошибочно находили в воде цветные колечки.

— Вот это локатор! — профессионально оценил четвёртый штурман. — На судно бы такой.

— Смотрите, смотрите! — Лёшка даже привстал.

Крутолобая гринда плясала твист. Четырёхметровая красавица, стоя, опираясь только на хвостовой стебель, из конца в конец пересекла бассейн, бурно вспенивая плавником воду.

Зрители аплодировали, свистели, требовали новых зрелищ.

— Фантастическое чудо дрессировки! — полился из динамиков баритон мистера Кропса. — Выступает звезда Мэринленда Лилли.

Над водой повисло на цепях большое кольцо, обмотанное паклей. Блондинка поднесла горящий факел, и кольцо вспыхнуло.

Афалина с человеческим именем Лилли вылетела из воды и пронзила огненное кольцо. Ещё заход... Челюсти плотно сомкнуты, застывший взгляд.



Дельфин проскакивает кольцо почти мгновенно, пламя не успевает обжечь мокрую кожу, но дельфин в огне — зрелище, жестокое своей противоестественностью.

Лёшке опять померещилось, что Лилли — та самая афалина, его морская знакомая.

Коронный номер Мэринленда произвёл и на остальных тягостное впечатление.

— Я б тех дрессировщиков!.. — сурово процедил Зозуля. — Для дельфинов это ж максимальная ненатуральность.

Обратно ехали молча. Дорога была забита машинами. На перекрёстках образовывались пробки. Многорядное бензиновое стадо подолгу топталось на месте, судорожно дёргалось на несколько метров вперёд и снова оставалось.

На судно возвратились в полную темень.

На проходной, как и при выходе, вагановцев не проверяли, в сумки не заглядывали. Во всём мире знают: советские моряки не занимаются ни спекуляцией, ни контрабандой. Великое дело — честное имя!

Полицейский дружески помахал рукой и отстопорил турникет: плииз, пожалуйста!

Заполнив доверху все пять трюмов австралийской шерстью, «Ваганов» отдал швартовы, обогнул с юга материк и взял курс на Африку.

Глава четвёртая

ИНДИЙСКАЯ ГРОБНИЦА

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Когда Николаев вошёл в штурманскую с метеосводкой, там находились старпом и второй помощник.

Выражение лица у старпома всегда было недовольным, даже если он выигрывал в нарды у судового чемпиона Гены Кудрова.

— Что там? — неприветливо спросил старпом.

Он советовался с помощником, в какой последовательности лучше красить главную палубу. За месяц погрузочных работ в Австралии опять вытерли и ободрали лючины, крыши трюмов и палуб до голого металла.

— Штормовое предупреждение.

— Ну вот! — вконец расстроился старпом. — Привели судно в порядок!

— Индийский океан не зря снискал недоброе имя «Индийской гробницы», — философски заметил Пал Палыч. — Кстати, вы не читали американскую статистику? За последние десять лет в Мировом океане происходило ежесуточно двадцать одно кораблекрушение. Каждые сутки! Двадцать одно!

Вся эта статистика и философия о гробницах были совсем некстати. «Ваганов» шёл Индийским океаном, и поступило штормовое предупреждение.

— Не каркай, Пал Палыч! — оборвал старпом. — Капитану докладывали, Василий Яковлевич?

— Нет ещё, сейчас пойду.

— Я сам.

Старпом вышел, и Пал Палыч повёл разговор с Николаевым.

— Двадцать одно в сутки! В наш век! Нет, что ни говори, Василий Яковлевич, профессия морехода не самая безопасная.

— Извините, — сказал Николаев, — мне антенны по-штормовому натянуть надо.

— Пожалуйста, пожалуйста!

Через несколько минут приятный, сильный голос Пал Палыча сурово гремел по трансляции:

«Вниманию всего экипажа! Получено штормовое предупреждение. Всем подготовить индивидуальные спасательные плавсредства. Задраить иллюминаторы, наружные двери — деревянные и водонепроницаемые! Палубной команде проверить крепление чехлов, задраить тамбучины, люки, надёжно закрепить такелаж. Натянуть штормовые леера...»

Судовое радио ещё давало указания, а матросы уже взялись за работу.

Переложить из нижнего рундука в изголовье спасательный нагрудник, завинтить бронзовые барашки иллюминаторов, убрать со стола и полки книги, лампу, бритвенный прибор и прочую мелочь можно и потом. В первую очередь — на палубу, в машину, на мостик.

Каждый знает свои обязанности. Всё быстро, умело, на совесть. И — бегом. Только бегом! Как солдаты по тревоге.

Время от времени раздавался сдавленный мегафоном голос капитана: — Боцман! Посмотрите клюзы у брашпиля.

Зозуля оборачивался к надстройке, знаком докладывал, что приказание понято, и бежал на бак, к брашпилю. Отверстия, через которые идут внутрь судна якорь-цепи, плотно забиваются ветошью и заливаются цементом.

— Левада! Товарищ Левада! Леер по правому борту натянут слабо!

Страховочные канаты протягиваются вдоль главной палубы на всякий случай. Выходить в шторм на открытую палубу разрешается при крайней необходимости и только по приказу вахтенного штурмана.

В машинном отделении царствовал «Дед». Он сам лично опробовал крепёж запасных частей, материалов, инструмента в токарке, облазил по решётчатым лестницам и площадкам главный двигатель, осмотрел, прослушал: не подведёт ли? Остаться в шторм без хода — гибельная опасность.

Старпом лично проверил шлюпбалки, стопора и лебёдки спасательных шлюпок и сами шлюпки, горючее в баках движков, аварийные радиостанции, сигнальные пистолеты с ракетами, дымовые шашки, цинки с запасами продовольствия и воды.

Всё должно быть в полной боевой. С морем не шутят.

Николаев спустился в каюту, всё закрепил. Надо бы придумать что-то и для Свайки. В рундук не закроешь, с дивана — обещают десять-одиннадцать баллов — скатится...

— А мы вот что соорудим! — сказал Николаев. — Принайтуем вот эту сумку — и порядок. Ну-ка, залезь, попробуй! Удобно? И надёжно. Моднее, чем у кенгуру: на «молнии»! Не будешь из угла в угол летать. А потрясти, конечно, потрясёт. Тут уж, друг, всем достанется. В океане штормоубежищ нет. Кое-кто в ближайшей гавани укроется, другие в порту на приколе отсидаются, а нам и некуда и некогда. По расписанию идём, как линейный пароход.

Говоря всё это, Николаев привычно готовил каюту к штормовым условиям, проверил яркий оранжевый нагрудник — жилет из пенопластовых пластин, обтянутых непромокаемой тканью. В специальных кармашках лежали фонарик и батарейка особого устройства. Она начинала действовать, только хорошо напивавшись морской водой.

Ветер заметно усилился, но пока ещё не было явных признаков надвигающегося шторма.

— Ведь отчего люди в море гибнут? — Вернувшись в радиорубку, Николаев опять заговорил со Свайкой. Его всё сильнее охватывало непонятное, странное беспокойство. Заметно и всё больше нервничала Свайка.

Собаки чуют приближение непогоды, говорят, даже предчувствуют беду. Свайка непрерывно ворочалась на диване, коротко подвывала.

— Так отчего же гибнут люди в море? — Вопрос этот, как наваждение, преследовал мысли Николаева. — Главным образом от страха, Свайка. От безысходного страха, от чувства безнадежности. Думаешь, «Ваганов» в настоящих передрыгах не бывал? Сколько раз! Но посудина крепкая. И ре-

бята и капитан что надо. В море плохих долго не держат. Да они и сами не держатся за море, слабодушные... Ну, хватит травить! Полное молчание, Свайка. Три минуты молчания.

Эфир будто вымер. Во всех морях и океанах, на маяках и в портах одновременно смолкли передатчики. На шкалах всех приёмников — 500 килогерц, волна катастроф и несчастий, волна призывов о помощи, волна SOS. Каждые двадцать семь минут все коротковолновые радиостанции мира настраиваются на 500 килогерц. Море и земля только слушают. Выйти в эфир можно лишь с мольбой о помощи.

Минутная стрелка медленно, словно ощупывая циферблат, двигалась по красному сектору. Бесшумно перематывалась с бобины на бобину магнитофонная лента. Нельзя упустить ни одного знака, ошибиться и на единицу в координатах беды.

Стрелка вышла из красного сектора и, казалось, завертелась быстрее. — Всё в порядке, — с облегчением опять заговорил Николаев. — Пока всё нормально. Но мы всё-таки врубим автоаларм, пускай сторожит. Чёрная беда случается и в белом секторе... Давай-ка проветримся немного, дышать в рубке нечем... И двери аккумуляторной задраим. Лёшу, может быть, увидим, чем он там занимается...

Наконец-то он признался самому себе, отчего нервничает. Он тревожился за Лёшку: как он выдержит настоящий шторм?

Ветер резко усилился. Дымовая труба гудела, завывала, словно внутри её бесновались ведьмы и черти, слетевшиеся сюда из всех страшных сказок. Телеграфными проводами свистели ванты.

Внизу, на юте, между рабочей шлюпкой и пятым трюмом, старший матрос и Лёшка подтягивали тросовую обвязку бочек. Работал Лёшка сноровисто, уверенно, и Николаев с удовлетворением отметил это. На душе стало поспокойнее.

Паша Кузовкин, часто оглядываясь на океан, крепил нок, верхнюю часть грузовой стрелы. Стрелы опущены по-походному, ноки лежали в гнездах под наметками. Очевидно, Паше приказали на всякий случай усилить крепление стропом. Если тяжёлая многометровая труба стрелы вырвется и пойдёт «гулять» по палубе, беды не оберёшься.

Багровая полоса на горизонте отделяла чёрное небо от чёрной воды. Вблизи, над вспаханным океаном, дымилась белая пена.

— Погодка! — громко сказал Николаев, но ветер смял и бросил за борт его голос.

В рубке он задраил иллюминаторы стальными крышками, повернул завёртки на водонепроницаемых дверях.

Резкий, пронзительный, оглушающий звонок забился в красноглазом автомате. Николаев прыжком метнулся к столу, запустил магнитофон, защёлкал переключателем диапазонов, установил на глазке «500», прижал к уху наушник.

Из динамика и наушников жалобно полилось:

«Пи-пи-пи, пии-пии-пии, пи-пи-пи».

Три точки, три тире, три точки. SOS!

SOS

«Ваганов», получив дополнительную сводку о силе и направлении урагана, изменил свой курс на семь румбов, почти на девяносто градусов.

«Можем отделаться лёгким испугом, — полчасика назад оптимистично предположил Гена Кудров. — Стороной пройдёт».

Капитан ещё заметил тогда: «Не загадывай, четвёртый!»

Теперь, вместо того чтобы дальше бежать от пекла, неслись к нему на высшей скорости. Машина работала на полную мощность.

Координаты бедствующего судна почти совпадали с центром штормового района. Что там произошло, неизвестно. Сигналы о помощи явно подавал автомат: SOS, позывные судна, координаты. И всё.

Николаев по справочнику определил, что гибнет «Биг Джон», торговое, Либерия. Последнее вовсе не означало, что «Биг Джон» — либериец. Под флагом маленькой страны плавают суда многих пароходных компаний.

Ветер уже не завывал — ревел тысячей сирен. Волны вздымались всё выше, и судно карабкалось вверх, словно к высокогорным снежным перевалам. На гребне судно на миг застывало, будто вывешенное на остром трёхграннике.

Весы океана могли перетянуть в любую сторону. Океан мог и разломить стопятидесятичетырёхметровый теплоход надвое, сбросить обломки в бездонный провал.

Стальные переборки стонали, скрипели, как разошедшиеся стулья. Палуба и борта гудели набатом. Надстройка содрогалась, тряслась будто в ознобе.

Взбесившийся океан захлёстывал пеной иллюминаторы.

Хлынул тропический ливень, с громом, с молниями. Сверкало, грохотало, заливало снизу и сверху.

— Всем надеть жилеты. Аварийным командам быть в полной готовности, — распорядился капитан.

Пал Палыч взял микрофон:

— Внимание всему экипажу! Немедленно надеть нагрудники! Аварийным партиям быть наготове! Внимание всему экипажу!..

Водяные громады обрушивались на палубу, расшибались о тамбучины, мачты, захлёстывали кипящими брызгами надстройку до пеленгаторного мостика.

— Завсегда в этом коридоре сквозняк, — хмуро и осуждающе сказал Зозуля. Он сделал пять «кругосветок», раз десять обошёл с юга Африку и был достаточно близко знаком с «ревущими сороковыми».

Полоса Индийского и Атлантического океанов между сороковой и тридцатой параллелями печально славится штормами и ураганами.

Вдоволь набесновавшись на раздольном океанском просторе, разбойные циклоны, словно полчища варваров после набега, собираются в колонны и с завыванием и свистом уносятся на северо-восток, в коридор между Африкой и Мадагаскаром.

— Завсегда, — повторил Зозуля.

Никто не отозвался. Матросы аварийной партии, как десантники перед высадкой, напряжённо прислушивались к штормовой канонаде. Все были в спасательных жилетах. Пенопластовые пластины распирали оранжевую обшивку. Нагрудники казались рыцарскими доспехами, высокий воротник на затылке — откинутым перед поединком забралом.

— Смирнов, — обратился боцман к Лёшке, — ты на верхотуре был, что там?

— Автомат строчит.

— А морзянка?

— Не отзывается. Только автомат.

Автоматический сигнализатор *SOS* висит в штурманской. Небольшая металлическая коробка с радиопередатчиком. Под стеклянной крышкой — два цифровых набора. В случае опасности надо разбить стекло, установить координаты и нажать кнопку. *S-O-S* и позывные судна заложены в программу заранее.

— Может, там никого и нет уже? — предположил Паша Кузовкин.

— Как это нет? — вскинулся Лёшка.

— На шлюпках спаслись, а мы зазря идём к ним...

— Ты!.. Ты думаешь, что говоришь?!

— Спокойно, Смирнов, — осадил Зозуля. — Идём мы не зря, Кузовкин. Шлюпки ещё не спасение при таком волнении и ветре. А может, у них радиостанция из строя вышла? Кто знает.

В красном уголке и столовой, как и на всём судне, иллюминаторы были наглухо задраены. Матросы ничего не видели, да и ничего нельзя было увидеть, даже из ходовой рубки. Гром не утихал. Гигантские магниевые вспышки молний, словно белые ракеты, ослепляюще били в упор.

Зозуля поднял глаза к динамику. Судовая трансляция молчала.

— Ежели не поутихнет, на спасательные шлюпки рассчитывать трудно, — высказал вслух свою тревогу старший матрос. — Опрокинет или о борта расшибёт.

— Залить может, — дополнил Зозуля. — Море — оно такое. А насчёт автомата тоже бывает. Помню, танкер один на подводные скалы наскочил. Команда на шлюпках ушла, от взрыва подальше. На борту ни души, а автомат стрекочет: не выключили.

— Летучий Голландец, — сказал Лёшка.

— То выдумка, призраки кораблей только в старых книжках и легендах плавают. А про танкер, что я рассказал, натуральный факт. — Зозуля повернулся к Паше: — Насчёт же твоего «зазря» — это брось, из головы выкинь. Когда дело жизни касается, максумальная вера нужна. И тому, кто спасает, и тому, кто помощи просит. Выдохлась вера, запаниковал — пиши пропало. Моряк завсегда до последнего стоять должен. За себя, за других. За судно — наперёд всего. Оно твой дом и главная защита.

Что-то щёлкнуло. Все, как по команде, вскинули головы к динамику. Но оттуда — ни звука.

В ходовой рубке был почти весь командный состав: капитан, первый помощник, штурманы.

Там же находился и Николаев, пытался связаться с либерийцем по радиотелефону «Корабль».

«Корабль» — средство ближней связи с портом, другими судами, со шлюпочными радиостанциями.

— «Биг Джон», «Биг Джон», я — «Ваганов». Отвечайте. «Биг Джон», «Биг Джон»...

— Молчат, Василий Яковлевич? — спросил из темноты капитан.

— Молчат.

— Третий штурман, продолжайте вызывать. Василий Яковлевич, возвращайтесь к себе.

— Да, — сказал Николаев, — вдруг морзянка заговорит.

— На румбе?

— На румбе 108 градусов! — доложил Федоровский.

«Ваганов» двигался на юго-восток.

— Так держать. Четвёртый, есть что?

Четвёртый штурман Кудров, широко расставив для устойчивости ноги и цепко держась за поручни, не отрываясь вглядывался в экран.

Дымчато-зелёный круг сплошь в фосфоресцирующей ряби. Как озеро в ветреную лунную ночь.

По экрану кружила тонкая световая стрелка, зажигая зелёным огнём отражённые от волн сигналы. Когда стрелка отдалялась, вызывая новые всплески радиоэха, прежние затухали плавно, протяжно. Описав полный круг, стрелка опять возвращалась, притрагивалась, словно волшебная палочка, к угасшему эху и вновь возрождала его.

Волны, волны, волны...

— Пока не видно, Сергей Петрович! Волна забивает.

— Искать. Пал Палыч, за мной в штурманскую.

Они прошли в штурманскую рубку и плотно задёрнули за собой портьеру.

— Порядком ещё,— вздохнул Пал Палыч, отложив циркуль,— и волна встречная.

Он поднял глаза на контрольные приборы. Извилистая кривая на ленте барографа изменила направление.

— Давление повышается!

— Хорошо бы,— сказал капитан.— Машину загоним. При такой волне, на таких оборотах.

Капитан переживал за машину, за судно в целом, за сорок шесть жизней, которые он подверг сейчас серьёзному, быть может — смертельному риску. Но судно приняло сигнал *SOS*. Судно шло на помощь.

В штурманскую ворвался Кудров:

— Вижу! — и бросился обратно к локатору.

Капитан и Пал Палыч поспешили вслед. В ходовой рубке, как обычно, стояла тьма. От резкого перехода из света в темень перед глазами замельтешили золотые мухи. Капитан на ощупь добрался до камеры радиолокатора.

— Справа по курсу! — взволнованно доложил Кудров.

В густой и мелкой чешуе волновых отражений выделялась крупная точка. Впереди и правее на десять градусов от курса «Ваганова».

— Право десять.

— Есть право десять! — принял команду Федоровский.

— Не выпускать!

Последнее относилось к Кудрову: неотступно держать «Биг Джона» на прицеле локатора.

— Курс 118. Руль прямо.
— Так держать.
— Сергей Петрович...— В голосе Пал Палыча недоумение и озабоченность. Он уточнил местоположение «Ваганова» и бедствующего либерийца. Получалось что-то не то. Координаты не совпадали с теми, которые передал автомат SOS.

— Намного?
— Значительно. Их не могло так далеко снести.
— Полагаете, что они на ходу?
Раздвинулась и сомкнулась портьера. В освещённом проёме тенью промелькнула фигура Николаева.

— Автомат замолчал.
— Н-да,— протянул капитан.
— До судна двадцать две мили! — доложил Кудров.
— Хорошо, продолжайте держать.
— Пойду к себе,— сказал Николаев.
— «Биг Джон», «Биг Джон»...— устало взывал голос третьего штурмана.

Капитан выпрямился, бросил через плечо:
— Не надо больше. Поставьте на «приём», и всё.
Атмосферный треск усилился. Третий штурман, очевидно, прибавил громкость.

— Сергей Петрович, Сергей Петрович! — взволнованно позвал Николаев и умчался обратно.

Капитан проследовал в радиорубку. Возвратился он минут через десять.
— Лево руля!
— Есть лево руля.
Звякнул телеграф. Стрелка перескочила на «средний».
— Руль лево на борту!
— Хорошо. Курс 288! — приказал капитан и обратился к помощникам: — Команду приняли на борт норвежцы. «Биг Джон» затонул.
— Всех спасли?
— Кажется, всех.
— На румбе 288 градусов! — доложил Федоровский.
— Так держать.

Прижавшись щекой к наружной переборке, Зозуля с минуту прислушивался, затем уверенно объявил:

— Сдаёт, утихомиривается. А вообще шторм что радикулит: никто не знает, когда начнётся, когда кончится.

И, словно в подтверждение боцманского изречения, невидимая громада со всего маха двинула теплоход в скулу.

— Ого! Стихает! — охнул Левада.

— Напоследок огрызается.

— Напоследок ещё и голышом из каюты выскочишь, — прозрачно намекнул на недавний случай Левада к неудовольствию Зозули.

— Подумаешь, невидаль — иллюминатор вышибло. Грузовые мачты надвое ломает!

Опять замолчали. Слушали. Вроде бы переборки не так скрипели, тише.

В закупоренном помещении становилось душно. И ожидание изматывало. Клонило в сон. Но тут заговорила трансляция:

— Вниманию всего экипажа!

Все вскочили на ноги. Дремоты как не было.

— Наконец-то! — вырвалось у Лёшки.

Боцман предостерегающе поднял руку:

— Тихо!

— Вниманию всего экипажа! Бедствующему судну помощь оказана. Отбой общесудовой тревоги. Отбой тревоги. Нагрудники не снимать. Повторяю...

Люди повеселели. Даже Паша приободрился:

— Я уже думал рубаху чистую надевать!

— Ты у нас известный герой, — беззлобно пошутил боцман. — Можно разойтись. Нагрудники не снимать!

— Кто же их выручил? — спросил Лёшка.

— Океан не без добрых людей, — сказал боцман. — Расходись по каютам. — И опять напомнил: — Нагрудники не снимать!

Пластмассовое ведёрко для мусора каталось под ногами, подушки упали с коек. Лёшка и Паша навели в каюте порядок и уселись на диване.

Было два часа тридцать пять минут по местному времени.

— Кто же их выручил?

— Выручили — и ладно, — безразлично ответил Паша.

— Как это ладно? — Лёшка хотел ещё что-то сказать, но замер.

И Паша насторожился. Откуда-то с кормы донеслись странные звуки, будто трещало под ветром расколотое сухое дерево.

— Что это? — шёпотом спросил Лёшка.

— Не знаю... — Голос Паши дрогнул.

Скрежет повторился.

— На корме, — определил Лёшка. — Идём.

— Куда? — Паша побледнел.

— Посмотрим.

— Что ты, что ты! — затряс головой Паша. — И не положено...

Они были ближе всех других к кормовой части. Остальные могли и не услышать.

— Встать! — с неожиданной для себя властностью приказал Лёшка, и Паша подчинился ему.

Ветер спал значительно, но взбудораженный океан ещё буйствовал. От дверей до трапа на ют пять шагов. И у трапа всего десять ступенек, но Лёшка и Паша сразу вымокли. Клокочущая, вспененная вода свободно перекачивалась по трюмным крышам. На юте нет ограждающей стены фальшборта, лишь релинги — стойки с прутьями в четыре ряда.

В воздухе снежными вихрями носились сорванные волновые гребни, будто мела яростная пурга.

В сердце вполз и зашевелился холодный, жгучий страх.

Скрежет исчез. Паша потянул Лёшку назад. Волна ударила в противоположный борт, судно накренилось, и что-то длинное, блестящее с металлическим визгом метнулось влево.

— Стрела сорвалась! — крикнул Лёшка и бросился вперёд.

— Убьёт! — завопил Паша.

Лёшка навалился всем телом на стрелу и прижал её книзу.

— Конец давай!

— Убьёт! — Паша от страха ничего не соображал. Руки приросли к поручням трапа.

— Конец давай!

Судно повалилось на противоположный борт. Стрела, обдирая лючины трюма, потащила Лёшку с собой.

Паша зажмурил глаза. Сердце вспорхнуло к самому горлу. Показалось, что оно выскочит совсем и улетит за борт.

Крутая волна обрушилась на корму. Всё скрылось в белой кипени. Пашу тяжело ударило в лицо и в грудь. Он хлебнул горькую воду, поперхнулся и, разжав пальцы, полетел назад и вниз. Волна протащила его между надстройкой и фальшбортом почти до самого камбуза и схлынула через шпигаты в море.

Пашу стошнило, он слабо застонал и пополз на четвереньках обратно, но сразу не отважился сунуться на трап.

— Лёша, Лёш!

Он и сам не слышал своего ослабевшего голоса.

«Пропал, пропал Лёшка!» — И Паша затрясся от беззвучных рыданий. Но тут его обожгла другая мысль — о себе. Ведь это он крепил стрелу. Это он виноват, что стрела вырвалась, сбросила накладку, оборвала застропку. Он, Павел Кузовкин, в ответе теперь за всё. За аварию, за гибель...

Он полез наверх, высунулся по грудь, но высокий комингс трюмного люка закрывал палубу от глаз.

— Лё-ё-ш! — как только смог громко позвал Паша.

Никто не ответил. Паша поднялся ещё на две ступеньки.

На корме было непривычно голо. Ни рабочей шлюпки, ни бочек. Не было нигде и Лёшки Смирнова.

Приближалась новая волна. Паша кубарем скатился вниз и ужом проскользнул в помещение. Охваченный ужасом, он никак не мог отыскать защёлку и закрыл только внутреннюю, деревянную дверь.

В голове билась подлая, предательская мысль: «Я ничего не видел, ничего не знаю, я не...» Но он не спрятался в каюте, а с воплем бросился по коридору:

— Помогите! Помогите!..

И впал в истерику. От него долго не могли ничего добиться.

— А где Смирнов? — первым хватился боцман и послал матроса в каюту практикантов.

Лёшки там не было.

— Объявить по трансляции, — приказал капитан. — Обыскать судно!

Лёшки не было нигде.

— Кто-то выходил на палубу, — доложил Зозуля. — Дверь отдраена.

Паша — доктор влил ему в рот микстуру и сделал укол, — клацая зубами, выговорил наконец несколько слов: «Лёша... корма... стрела...»

— Стоп машина!

По всему судну трижды длинно просигналили звонок громкого боя.

— Тревога! Тревога! Человек за бортом! Человек за бортом!

В три часа пятнадцать минут радиостанция UNSQ начала передавать на волне SOS:

«Всем судам в юго-западном районе... долготы... широты, пропал моряк советского теплохода «Ваганов». Прошу всех включиться в поиск. Ложусь на обратный курс. Мои координаты...»

Николаев с окаменевшим лицом стучал и стучал телеграфным ключом:

«Всем судам в юго-западном районе Индийского океана...»

Всем судам.

ТРЕВОГА

Океан фосфорически вспыхивал в голубых щупальцах прожекторов, кипел, бурлил, как расплавленный металл в ковше. Океан приходил в себя медленно. Шквальные порывы ветра обдавали судно водяными зарядами.

Чёрные кучевые облака, громясь и толкая друг друга, неслись в одном направлении — на северо-восток. Далеко блистали молнии. Звуки грома уже не долетали сюда или, ослабевшие, заглушались ветром и шумом океана.

Оранжевый поплавок в холмистом океане и днём не просто увидеть. Тем более ночью, даже в свете прожектора. Человека за бортом не запеленговать, не засечь локатором. Проще иголку найти в стоге сена.

Затеряться в океане легче лёгкого. Тысячи смертей подстерегают человека за бортом. Тысячи! А человек — один.

Почти весь экипаж, кроме вахтенных и дежурных наблюдателей, разместился в курительном салоне и в столовой команды.

Матросы и офицеры «Ваганова» спали сидя, тяжёлым, беспокойным сном, смертельно вымотанные двенадцатичасовым штормом и тревогами. Но стоило прийти за очередной сменой, коснуться плеча, моряки пробуждались мгновенно.

Во время тревоги «человек за бортом» вахтенные не меняются.

Командиры не покидали свои посты ни на минуту. Никому не уступил штурвала и Федоровский. Чередовались только наблюдатели.

Николаев, в наушниках, неотлучно сидел в рабочем кресле. На призывы откликнулся только норвежский рудовоз, который снял моряков с утонувшего «Биг Джона». Норвежец не имел возможности включиться в поиск или считал бессмысленным это дело. С либерийца пропала одна шлюпка с моряками, и то не нашли.

— А мы найдём. Мы своего найдём! — шептал Николаев, продолжая звать на помощь весь мир.

...Костя совсем недавно получил новую квартиру. Николаев поздравил друзей с новосельем по радио и попал в новый дом, когда хозяина уже не стало.

Он вступил в дом несмело, затаив дыхание. Боялся, что увидит на вешалке Костино пальто, куртку, фуражку — что-нибудь.

Вешалка была свободна. Николаев снял плащ и поднёс к левому верхнему крючку.

— Не сюда! — с каким-то испугом воскликнула Марина.

И Николаев догадался — нет, почувствовал: это его место, Костино. Оно навсегда останется неприкосновенным, словно Костя ещё мог вернуться из своего последнего, самого дальнего рейса — рейса без «обратно».

— Осматривайся, Вася,— тихо сказала Марина и ушла на кухню.

Николаев остался в гостиной один. Во всю стену, от пола до потолка, тянулись книжные полки. Костя со школьных лет был библиоманом. В июле или в начале августа — уже шла война — они гуляли по Невскому, потом свернули на Литейный. Костя не мог пройти мимо букинистического магазина. Его там знали: постоянный клиент. Старик продавец встретил их весёлой прибауткой:

«Здрасте, здрасте, книголюбы, огольцы и мудрецы! Что из древности хотите, толстосумые купцы?»

Он, конечно, шутил. У ребят никогда не водились большие деньги. Много ли сэкономишь на школьных завтраках! О старинных книгах и мечтать не приходилось. Зато современные издания стоили у букиниста дешевле. Костя купил «Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина». Название было длинное, всё не запомнилось.

В последний раз они зашли в магазин на Литейном проспекте в декабре. Это был один из магазинов, последних, где товары не перевелись. Напротив, прибавились. А покупатели исчезли.

«Здрасте, здрасте...» — привычно начал старик, но грустно замолчал: шутить стало неуместно и тяжело. Не с чего было веселиться. Фашисты обложили Ленинград смертельным кольцом.

Денег — ни копейки. Зашли просто так, по старой памяти. Но ушли счастливыми. Добрый старик продавец одарил их редкостными книгами. Томом «Жизни животных» Брема и первым русским переводным изданием «Робинзона Крузо».

Спустя десятилетие, по пути из Чили, Николаев случайно оказался на тихоокеанском острове Хуан-Фернандес, поднялся на гору и прочёл на скале надпись:

«В память об Александре Селкирке — моряке, уроженце Ларго в графстве Файф, Шотландия, проведшем на этом острове в полном одиночестве четыре года и четыре месяца».

Из других книг Николаев знал, что Селкирк, вдохновивший Даниэля Дефо на бессмертный образ Робинзона Крузо, значительно уступал своему будущему литературному образу. Прототип Робинзона не был ни таким изобретательным, ни таким трудолюбивым, ни таким твёрдым в уверенности победить все несчастья. Но всё-таки спасся.

...«Может быть, и Лёшу выбросило на какой-нибудь остров?.. Нет, в этом районе нет даже близких рифов...»

В рубку неслышно вошёл капитан, положил на плечо руку.

Николаев горестно покачал головой: «Ничего».

И у капитана не было ничего утешительного и обнадеживающего.

— Он хорошо плавает?

Николаев сдвинул один наушник.

— Он хорошо плавает?

— Да, шесть раз переплывал озеро Красное.

— Озеро...

Капитан глубоко вздохнул и ушёл.

«Озеро не океан. И там, на Красном, Лёша был не один. Но ведь без нагрудника!.. Что нагрудник? Утопленников находят и в спасательных жилетах...»

Свайка, не переставая, завывала в хозяйственной сумке. Николаев не выдержал, открыл «молнию» и выпустил собаку в коридор.

Эфир по-прежнему молчал. То есть не молчал — переговаривались десятки радиостанций, но о матросе с «Ваганова» не упоминали.

Николаев опять представил себе квартиру Смирновых, переднюю, вешалку. И два свободных, навечно свободных крючка...

«Нет! — запротестовал Николаев. — Нет, этого не может, не должно случиться! Лёша, мальчик мой, держись! Держись, Лёша!»

Часовая стрелка вползла в красный сектор. Николаев лихорадочно затрещал ключом:

«Всем судам! Всем!..»

Свайка будто понимала, что судьба одного из её лучших друзей всецело зависит от людей в ходовой рубке, от капитана. Она жалась к его ногам, задирала острую мордочку, стараясь встретиться глазами, тихонько скулила и подвывала. Или пробиралась на дрожавших от напряжения ногах к открытой двери и лаяла в темноту.

— Уберите вы её, наконец! — процедил старпом.

Свайка, ласковая, добрая, маленькая Свайка, оскалилась, зарычала.

Капитан поморщился:

— Оставьте собаку в покое!

Из штурманской появился Пал Палыч:

— Где-то здесь, Сергей Петрович.

— Ветер, волны — всё учли?

— Всё. Течение в этом районе можно в расчёт не брать.

— Стоп машина!

Старпом перевёл ручку телеграфа.

— Питание на все прожекторы. Тифон.

«Ту-у-у-у! — понеслось в океан. — Ту-у-у-у-у!.. Иду, товарищ, иду!

Где ты? Отзовись!»

— Всему экипажу! Смотреть всем!

Ваганов стал описывать окружность, затем перешёл на скручивающуюся спираль.

Рыскали прожекторы. Монотонно басил тифон.

Небо на северо-востоке посветлело. Сначала виднелась узкая неровная полоса бледно-зелёного цвета. Снизу, тяжело опираясь на горизонт, клубились иссиня-чёрные тучи, над ними и выше разливался по чистому небу солнечный румянец.

Океан высветился фиолетовым, лиловым, сиреневым, палевым. Зеркальная гладь — словно во веки веков не бывало никаких штормов.

Взошло солнце. Огромное, яркое, щедро источая на мир свет и тепло.

Прожекторы выключили. Поблёкшие на солнце лучи исчезли незаметно.

Бескрайний слепящий простор выглядел безжизненной пустыней.

— Ещё лево руля. Помáлу! Всем смотреть!

«Всем смотреть!» — разнесла по каютам и палубам судовая трансляция.

Смотрели все. Кроме вахтенного механика и его мотористов. «Дед» стоял на мостике.

Ни в одном уставе, инструкции, конвенции нет хотя бы ориентировочных сроков поиска человека за бортом. Нет даже неписаных, традиционных законов. Капитан сам назначает время, сообразуясь с конкретными обстоятельствами и условиями. Учитывается всё — от состояния моря до физических качеств человека за бортом. Есть и ещё один фактор. Его не измерить никакими приборами и индикаторами, не сравнить ни с какими земными и космическими величинами. Фактор этот — совесть.

Она не торопит объявить приговор человеку за бортом. Скольких не спасли, скольких не доискали! Может быть, и этот ещё жив?

— Послать человека на салинг. Подстраховать.

Капитан мог приказать любому из сорока пяти, и каждый из них — кто спокойно, кто скрывая боязнь — выполнил бы приказ не только, даже меньше всего, из чувства повинования. Человек за бортом!

Нет, не из сорока пяти. Только из сорока четырёх. Сорок пятого, П. Кузовкина, экипаж «Ваганова» молча и единогласно исключил из коллектива. Кузовкин имел право работать, отдыхать, четыре раза в сутки пи-

таться в матросской столовой, смотреть кино, но на судне он стал чужим. Для всех. Он ещё не знал об этом негласном и неписаном приговоре и беспробудно спал на своей койке. Судовой врач успокоил его каплями и снотворным.

Площадка на верху мачты, салинг — самое высокое ограждённое место на судне. Оттуда до клотикового фонаря рукой подать. Сверху виднее, может быть...

Океан — в полном штиле. Ветер упал почти до нуля. И всё же капитан не послал бы на ходу матроса на салинг, но тут — человек за бортом!

— Дозвольте мне.

Лицо Зозули не просто смуглое до черноты, а будто обуглилось за ночь.

— Да, боцман.

— Я подстрахую, Николай Филиппович, — сказал артельный Левада. Зозуля равнодушно кивнул.

Океан дымил, сжимался, на глазах пропадал горизонт.

В посвежевшем воздухе «курилась» тёплая вода. Низкий, под планшир фальшборта, туман стелился, клубясь, над самой гладью.

Казалось, что судно бредёт в утреннем тумане по осеннему лугу. Внизу, по пояс, — сплошная молочная парь; наверху — небо без единого пятнышка.

— Всё, теперь всё... — убитым голосом сказал Левада.

— Ты чего? — нахмурился Зозуля. И рассердился: — А ну брось нюнить! Моряк ты или кто? Спасём Алексея! Иначе и быть не может.

— Извини, Николай Филиппович...

Нельзя терять веру, терять надежду спасти человека за бортом.

Боцман полез на мачту.

Ту-у-у!.. Ту-у-у!.. Ту-у-у! — равномерно, с короткими паузами затрубил тифон. Он посылал свой зов в непроницаемый туман как береговой ревун, как звуковой сигнал маяка.

Тифон будто отсчитывал время.

— Стоп машина!

Звякнул телеграф.

— Надо переждать, — сказал капитан.

— Да. Рискованно. Налететь можно.

Гена Кудров включил локатор.

Свайка выбежала на мостик и вытянула вперёд острую мордочку. Судно по инерции скользило вперёд.

— Малый назад!

Под кормой опять забурился винт.

— Стоп машина!

Всё стихло.

— Наблюдение продолжать!

Ожил смолкнувший было тифон: ту-у-у!.. Ту-у-у...

Ту-у-у! Ту-у-у! — ещё раз пробасил тифон и затих.

— Полная тишина! Всем слушать!

И экипаж смотрел и слушал, слушал и смотрел.

Свайка будто взбесилась. Скачет, бегаёт туда-сюда, прыгает на банкетку, кладёт передние лапы на планшир, опять прыжком на палубу. Заливается, заходится лаем. Бросилась капитану в ноги, обратно стремглав на крыло.

— Хозяина чувствует, — сказал капитан и на этот раз не сумел скрыть волнение на осунувшемся лице.

— Первую шлюпку на воду!

Пал Палыч кинулся к трапу.

— Стойте! — крикнул вслед Кудров. — Свайку!

— Второй помощник! Взять в шлюпку Свайку!

Белая шлюпка с матросской дружиной в оранжевых нагрудниках погрузилась в туман.

Взревел движок, заглох, отчихался, зарокотал стойко и уверенно.

В синее небо жаворонком взлетел отчаянно весёлый лай.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Он не успел даже крикнуть. Водяная гора навалилась, швырнула его вместе с длинной стрелой. Она была голой и мокрой, и Лёшка скользнул по ней, как по лестничным перилам. Конец трубы с маху оборвал штормовой леер, сбил стойку релинга. Волна подставила Лёшке спину — и понесла...

Сначала вверх, потом в сторону, оттолкнулась от судна и схлынула в океан.

Он беспомощно кувыркался в плотной белой кипени, судорожно хватал ртом воздух, когда на доли секунды оказывался на поверхности, и опять погружался с головой в бурлящую тугую массу.

Волна несла его, как перо чайки, как спортсмена на сорф-боте¹. Только он не стоял, а лежал, и не на доске для сорфинга, а завёрнутый в оранжевый поплавок-нагрудник. Его несло с сумасшедшей скоростью, и волна

¹ Сорф-бот — специальная доска для катания на волнах.

могла домчать его до Африки или Мадагаскара или высадить, как Робинзона, на необитаемый остров. Но волна вдруг круто наклонила белую голову, и Лёшка по инерции полетел над водой, полетел и... провалился. Белогривая волна, словно лошадь, сбросившая наездника, легко устремилась дальше, а Лёшка остался позади, на малых волнах, как незадачливый седок на взрыхлённой земле.

Силуэт залитого огнями «Ваганова» маячил в недоступном далеке. И лишь тогда Лёшка до конца осознал, что произошло. Он был один в океане, и спасение, если только можно было рассчитывать на спасение, зависело от него самого. Прежде всего от него самого.

Сколько придётся или сколько он сумеет продержаться, трудно загадывать, но держаться надо до конца.

В голове промелькнули случаи, о которых Лёшка когда-то читал, слышал, видел в кино. Главное для человека, очутившегося за бортом,— выдержка.

«Беречь силы»,— первое, что осмысленно приказал себе Лёшка. Всё, что он делал до этого — двигал руками, ногами, выплёвывал тёплую горькую воду, набирал полные лёгкие воздуха и хранил его, сжав плотно губы,— всё до этого он делал инстинктивно. Управлял автомат самозащиты, а не разум и воля.

Беречь силы. Не растрачиваться в бесполезном барахтанье, в безумной попытке доплыть куда-нибудь, догнать пароход. Максимально бездействовать. Но не впадать в шоковую безысходность, не поддаваться парализующему страху.

Беречь силы. Сигнализировать фонариком — впустую. На таком расстоянии и топовые огни едва желтеют во мгле. Никто не услышит и твои крики о помощи.

Всё-таки он изрядно наглотался горькой, как микстура, воды. В животе булькало, в горле стоял тошнотворный ком.

Наконец его вывернуло, всего, наизнанку.

Отдышавшись, он почувствовал облегчение, а вместе с ним слабость. На берегу от такой слабости подламываются колени.

Свинцовый груз ботинок тянул вниз.

Лёшка перевернулся на живот, скрючился, расшнуровал и сбросил с ног набухшие ботинки. Брюки он решил не снимать. Заштилит, объявятся медузы... В океане они всякие водятся.

Акул он пока не опасался. Просто не думал о них. И глубина не тревожила. Не всё ли равно, сколько под тобою: два, двадцать или две тысячи метров?



Беречь силы. Океан стихает, притворяется тихим и благонаправным; сделал своё дело и спокойно укладывается на отдых. Ложись и ты, его жертва, лежи, пока можно. Раскинь крестом руки, выпрями ноги. Голова — на затыльнике. В таком жилете можно и сто раз переплыть озеро Красное...

Отлёживаться подолгу не удавалось: лицо захлёстывало. Плыл он «пособачьи», лениво и плавно подгребая под себя руками, и чуть-чуть ногами пошевеливал. Лишь бы держаться на плаву.

Океан смирился и смирился. Остатки кучевых громад ушли за горизонт. Тропическое небо было всё в звёздах. Как в планетарии.

«Как в планетарии». Так пишут в книгах. Он вспомнил, что ни разу не побывал в планетарии. И в Казанском соборе не был ни разу. Не сосчитать, сколько раз проходил мимо. Проходил, на солнышке у фонтана перед собором грелся.

Отец рассказывал, что его маму, Лёшкину бабушку, недалеко от Казанского убило, там, где памятная надпись на стене дома. Белым по голубому:

ГРАЖДАНЕ!
При артобстреле
эта сторона улицы
наиболее ОПАСНА.



Бабушку убили на другой, менее опасной стороне Невского.

Теперь и отца уже нет, и...

«Стоп, матрос! — остановил себя Лёшка. — Нельзя о таком думать сейчас».

Он стал искать знакомые планеты и созвездия, которые показывал ему Пал Палыч.

Вытянутый ромб Ориона, тлеющий Марс, Скорпион с загнутым внутрь хвостом, созвездие Льва...

Звёздное небо похоже на огни большого ночного города, когда на него сверху, с самолёта, глядишь.

Огромный старинный город с кривыми запутанными улицами. Только главный проспект — Млечный Путь — широкий, просторный.

По Млечному Пути несли куда-то Южный Крест. Впереди шёл с двумя фонарями — звёздами Альфой и Омегой — Центавр.

«Центавр — это я. Меня так нарекли на экваторе...»

Звёздный проспект качался и пружинил. Тяжёлая дремота расслабляла тело.

«Не спать!» — вовремя очнулся Лёшка. Он потряс головой, проплыл несколько метров сажёнками.

Наступил рассвет. Небо линяло, звёзды, одна за другой, исчезали. Лишь блистательная Венера гордо встречала солнце.

Забавно тогда вышло: приняли Венеру за береговой маяк.

Пал Палыч, конечно, на крыле мостика, в бинокль смотрит, а четвёртый штурман Кудров воткнулся в чёрный наглазник радиолокатора, как фотограф в кабинетный аппарат.

Перед расставанием всей семьёй пошли в фотоателье: мама, Димка и Лёшка. Как предчувствовали, что больше никогда не увидятся...

Острая, безмерная жалость к матери охватила Лёшку. Он тихо заплакал, горько и безысходно, как маленький. Он был совсем один в океане, стесняться некого. Его не видят ни люди, ни звёзды — никто.

А товарищи с «Ваганова»? Товарищи не должны, не могут бросить его на произвол судьбы. Ищут, зовут. Капитан Астахов, Пал Палыч, Зозуля, Федоровский смотрят в океан. Дядя Вася не снимает наушники, выстукивает на весь мир SOS. Его ищут, верят: не сдастся, выстоит, победит матрос Алексей Константинович Смирнов. Моряки не оставляют товарища в беде. Надо выдержать — любой ценой!

Цена одна — жизнь, собственная жизнь. Только ли собственная? А мама? Разве она переживёт это?

Нет, он не имеет права сдаваться, не имеет права на безвестную гибель.

«Не отчаиваться! Отчаяние — смерть».

Он всё понимал, давал себе верные советы, строго требовал от себя правильных мыслей и действий, но тело и дух его слабели с каждой минутой.

Лёгкие, невесомые облака, вспорхнувшие выше кучевой массы, вспыхнули будто солома. Океан порозовел, заискрился, вода потеплела... Губы пересохли, покрылись солью, как белым лишайником.

Солнце породило новые муки: ослепляющую яркость и жажду.

Глаза воспалились и покраснели. Гортань, казалось, ссохлась от жажды. Сдавило горло, всю шею. В висках сильно билась кровь.

Вкрадчиво-ласковый плеск воды в ушах, бескрайняя живая водная гладь становилась пыткой, жестокой, изнуряющей, сводящей с ума.

Лёшка зажмурился: от солнца, от обвораживающей, притягательной, пагубной воды. И тут он вспомнил Алена Бомбара, который своей жизнью и даже смертью доказал, что человек может и должен выжить в океане. Бомбар в одиночку пересек Атлантический океан в маленькой резиновой лодке, утоляя жажду сырой рыбой и морской водой. Один-два глотка безвредны для человека...

Он набрал в рот воды, но выплюнул обратно. Не решился. Самое трудное — в первый раз переступить через собственное предубеждение. Но

Бомбар ведь смог! Зачем же он рисковал и жертвовал собой? Для примера! Для тебя, для других, для всех потерпевших бедствие в море.

Один глоток. Один, иначе будет поздно, откажешься от самого себя, от жизни, лишь бы не испытывать больше адского мучения, избавиться от жажды, скрыться от неё на дне океана.

В раскалённой пустыне, наверное, легче, чем в открытом океане. В пустыне нет воды. Она мерещится, но её нет. Океан не мираж, вода — доступная реальность, ты весь в ней, в воде. Целый океан в твоей власти. Океан такой смиренный, такой рабски покорный. Черпай его пригоршнями, бери, пей!

Руки болят, пальцы сморщились от соли. Соль! Вот в чём трагедия. Тебе нужна пресная вода. Самая обыкновенная, пусть из умывальника, не питьевая, но пресная.

В морской воде есть всё, даже целебные лекарства и драгоценные металлы. Речная, озёрная — пресная вода нищенски бедна по сравнению с морской.

Но что стоят все сокровища мирового океана в сравнении с глотком пресной воды!

Он отдал бы весь океан за глоток воды.

Океан не принадлежал ему, это он всецело принадлежал океану, стал его пленником, добычей.

Поблизости что-то стремительно вспорхнуло. Лёшка разлепил белые от соли ресницы. Над ним, распутив прозрачные и блестящие, как целлофан крылья, пронеслась радужная летучая рыба. За ней вторая, третья. Они шли на бреющем полёте несколько десятков метров и плюхались в воду. Потом вновь взлетали, как стрекозы.

«Крылатая рыба на три четверти состоит из пресной воды».

Вода носилась в воздухе дразняще и вызывающе.

Лёшка повернул голову и набрал в рот воды, совсем немного. Он проглотил её в два приёма. Вкуса не ощутил, а горлу сразу стало легче. И горлу, и голове, и сердцу.

«Почему они так разлетались? От врагов спасаются. Кто-то преследует их. Кто? Дельфины? Акулы?»

Об акулах не надо думать.

Шофёр, возивший в Мэринленд, рассказывал, что человек, который снимался в фильме, погиб. Не в тот раз и от другой акулы — тигровой.

«Нет, об акулах не надо думать!»

Он перевернулся на живот, оглядел всё вокруг. Нигде ничего. Океан размеренно вздымался и опадал, синяя грудь его слегка парила, как разго-

рячѐнное тело на свежем воздухе. Редкие низкие кудели тумана заводжи-вали горизонт, скрадывали расстояние. На миг показалось, что в белѐсой дали сверкнула белой эмалью пароходная надстройка.

«Папин пароход! Откуда он здесь?.. Как — откуда! Дядя Вася позвал его: «Костя, с сыном беда!» И отец поспешил на выручку на своём белом пароходе. А Димка задержался, он ещё не закончил сборку клипера — столько парусов поднять надо!

Торопись, братишка!

«Да-а, торопись, тебе так хорошо! Ты скоро с папой будешь, а я так не-ет...»

«Глупенький ты, Димка...»

Лѐшка очнулся, приподнял голову.

Нет никого, ничего...

«Опять галлюцинация, мираж. Не поддавайся обману, матрос!»

Он лёг на спину, но через минуту снова посмотрел в ту сторону. Никакого судна. Низкий сплошной туман.

Туман густел, рос, достиг, наверное, небесного зенита. Теперь, если пароход и не померещился, всё равно конец. Поиск в тумане бесполезен и опасен. В таком киселе молочном и корабли сталкиваются. Даже тифон не помогает. А разве услышишь за гулом машины, плеском воды у бортов и разговорами слабый человеческий крик? Не крик — стон, хрипение, жалобный скрип иссушенной гортани. А ты если и увидишь надвигающуюся опасность, не уйдѐшь от неё. Недостанет сил оттолкнуться от борта, избежать смертельного удара бешено вращающихся ножевых лопастей винта.

«Капитан Астахов — опытный мореход. И старпом дело знает, и Пал Палыч, и Николай Филиппович Зозуля. Все сработают как надо...

А что с Пашей? Его не смыло? Нет, он же ушѐл за концом. Если бы Паша успел принести конец, они бы, наверное, смогли закрепить стрелу».

Всѐ-таки то была не галлюцинация. Он видел, видел, видел свой пароход! Конечно, свой!

Он полностью убедил себя в этом потому, что не сомневался: свои ищут и найдут его. Моряки не бросают товарищей в беде.

Где-то там, за невидимым горизонтом, земля, Африка, мыс Доброй Надежды. Для многих и многих он стал мысом Крушения, но моряки верили, что найдут путь в Индию. Люди не теряли надежду и веру в успех и добились своего.

Кто и когда первым обогнул мыс Доброй Надежды? Капитан Диас, Бартоломео Диас. Но и он не открыл морского пути в Индию. Это сделал Васко да Гама. Пятьсот лет назад...

Пятьсот. Пятьсот килогерц, частота волны SOS.

«Товарищи, ребята, спешите! Скорее на помощь! Плохо мне, мысли начинают путаться. Скорее!

...Где дельфины? Неужели всех опутали стальными сетями, перетопили на жир, загнали в цирковые клетки Мэринлендов?

...В летающей рыбке много воды, а у соседа, доктора Фёдора Фёдоровича, бас как у пароходного тифона: ту-у-у, ту-у-у...»

Лёшка очнулся от горячего бреда.

«Держись. Ты можешь, должен, обязан выжить, дожждаться своих». В густом тумане трубным басом звал пароход.

Ту-у-у, ту-у-уу...

Он узнал бы этот голос в тысяче других, как рабочие — свой заводской гудок, как радисты — позывные своего судна.

«Иду-у! Иду-у!» — кричал ему «Ваганов». Сигналил, бодрил, поддерживал силы, укреплял уверенностью и надеждой.

«Жду-ждуу, ребята, жду-у-уу вас...» — мысленно кричал в ответ Лёшка.

Вода зарокотала, забила моторным грохотом голову. Бешено зудящим, воющим подводным пропеллером пробуравила воспалённый мозг.

Невидимая в белой мгле моторная шлюпка выла и лаяла, как собака.

«Здесь я, здесь!» — хотел отозваться Лёшка, но язык присох к нёбу, окаменели просоленные, растрескавшиеся губы.

МАТРОС СМІРНОВ, НА РУЛЬ!

(Вместо послесловия)

Бункеровку разрешили в Лас-Пальмесе, на Канарских островах. В древности их называли Счастливыми.

К Лас-Пальмасу подошли на заре. Остров Гран-Канария лежал в море синими вулканическими холмами.

Лёшка стоял на пеленгаторном мостике и смотрел на приближающийся город.

За кормой выплыло солнце. Горы полиловели, зазолотились хребты, жемчужно высветились белые, розовые, голубые дома.

Высоко над морем стояла крепость — резиденция губернатора. Там полтысячи лет назад останавливался Христофор Колумб. На Гран-Канарии его каравеллы запасались продовольствием и пресной водой. Колумб готовился открывать новый путь к берегам Индии. Не через мыс Доброй Надежды, другой, ещё не изведанный...

За длинным молом серебрились цистерны с бензином и нефтью, торчали пароходные мачты и трубы. Десятка полтора больших и малых судов покачивались на внешнем рейде. Среди них выделялся красотой и размерами большой современный теплоход с двумя надстройками, высокими П-образными мачтами, настоящий флагман. Юркие СРТ, средние рыболовные траулеры, жались к нему, как утята к утке.

На большой скорости подлетел лоцманский катер. Федоровского вызвали на руль.

«Палубной команде приготовиться к швартовке! — загремело радио. — Повторяю...»

Повторять не было нужды: матросы гуськом двинулись к трапу.

— Смирнов!

— Слушаю вас, товарищ боцман! — бойко отозвался Лёшка.

— На бак пойдёшь, в мою бригаду.

— Ясно, Николай Филиппович.

При швартовке на носу интереснее. Всё видишь. Лёшка, привалившись грудью к планширу, разглядывал приближающуюся рыболовную флотилию. Уже были видны красные марки с серпом и молотом на дымовых трубах, алые флаги на мачтах.

— Наши! — глубоко вздохнув, произнёс Зозуля.

— Боцман! — позвал в мегафон с капитанского мостика старпом. —

Подойдём правым бортом.

Зозуля поднял голову и кивнул: «Понято».

— Смирнов, Левада! Кранцы на правый борт!

Лёшка натянул рукавицы.

— Смирнов!

— Иду, товарищ боцман!

— Смирнов! На мостик!

Зозуля, Лёшка, все, кто стоял на баке, удивлённо переглянулись.

На правом крыле рядом с капитаном Николаев и старпом.

— Смирнов, на мостик! Срочно!

— Пулей! — заторопил Зозуля.

Лёшка на одном дыхании взлетел на верхотуру.

Дядя Вася протягивал бинокль.

— И так видно, — сказал, улыбаясь, капитан и пропустил Лёшку вперёд. — Смотри.

На носу флагмана уже легко читалось:

КОНСТАНТИН СМЕРНОВ.

У Лёшки перехватило горло. «Папин пароход!..»

Матрос Смирнов, на руль!

Капитан положил руку на рычаг тифона.

Приветственный сигнал эхом отдался в скалистых берегах, торжественно разнёсся по всей акватории.

«Константин Смирнов» и его соратники ответили фанфарным хором.

— *Midships!* — бросил рыжеволосый, совсем не похожий на испанца лоцман.

— Мидшипс, — принял команду Лёшка и плавно повернул штурвал. — Руль прямо!

— Так держать! — сказал капитан. И добавил вполголоса: — Семь футов под килем.



СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Баруздин. ОБ ИЛЬЕ МИКСОНЕ . . .</i>	5
<i>ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ . . .</i>	9
<i>СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ . . .</i>	121

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Илья Львович Миксон

**ОБЫКНОВЕННЫЙ МАМОНТ
СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ**

Повести

ИБ № 6438

Ответственный редактор *М. С. Ефимова*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректоры *О. В. Габоян* и *Г. Ю. Жильцова*. Сдано в набор 26.01.83. Подписано к печати 16.11.83. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,55. Усл. кр.-отт. 17,91. Уч.-изд. л. 15,50. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2052. Цена 85 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.